

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

44
2022
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 44 (439) / 2022

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Габриэль Феликсович Шершеневич* (1863–1912) — юрист, цивилист, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной Думы.

Габриэль Феликсович родился в 1863 году в польской дворянской семье. Габриэль был младшим ребёнком в семье. У него было четверо старших братьев — Владимир, Александр, Станислав, Николай — и сестра Антонина.

Среднее образование Габриэль получил в Казани. Во время учёбы во 2-й Казанской гимназии он получил награду I степени. В 1881 году юноша поступил на юридический факультет Казанского университета, который окончил в 1885 году кандидатом юридических наук — за сочинение «Об акционерных компаниях», выполненное под руководством А. М. Осипова. Был оставлен при университете на два года для приготовления к профессорскому званию.

В 1888 году Шершеневич получил степень магистра гражданского права, защитив диссертацию «Система торговых действий. Критика основных понятий торгового права», а в 1891 году защитил докторскую диссертацию «Авторское право на литературные произведения». В 1892 году был назначен профессором Казанского университета по кафедре торгового права и торгового судопроизводства, а с 1896 года переведен на кафедру гражданского права и судопроизводства.

Преподавательская деятельность Г. Ф. Шершеневича была прервана в конце 1905 года в связи с избранием в Первую Государственную Думу от г. Казани (от кадетской партии). В 1906 году он переехал из Казани в Санкт-Петербург. Придерживаясь

либеральных взглядов, протестовал против роспуска Думы и подписал воззвание ряда депутатов с призывом к населению отказаться платить налоги и исполнять воинскую повинность до созыва Думы. После роспуска Думы переехал в Москву, где вместе с некоторыми другими депутатами сидел в Таганской тюрьме в связи с этим призывом.

После выхода из тюрьмы работал на юридическом факультете Московского университета, затем в Московском коммерческом институте.

Габриэль Феликсович был участником, членом и председателем Казанского юридического общества, принимал активное участие в деятельности Московского общества народных университетов и Юридического общества при Московском университете.

В начале 1911 года вместе с группой профессоров Шершеневич покинул Московский университет в знак протеста против ограничения университетских свобод со стороны министра народного просвещения Л. А. Кассо. После этого он преподавал в Московском коммерческом институте и Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского.

Габриэль Феликсович Шершеневич внёс значительный вклад в гражданское и торговое право и в законотворчество, активно участвовал в подготовке и обсуждении проекта Гражданского уложения, занимался анализом и обобщением правоприменительной практики.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Морозова К. Н.

Проблемы обжалования решений, действий (бездействия) федеральных органов исполнительной власти и должностных лиц... 159

Наймович В. В.

Презумпция согласия супруга на совершение сделок..... 163

Нестеров Н. Е.

Правовые основания и последствия отказа кредитора от оспаривания сделки в процедуре несостоятельности (банкротства)..... 164

Нестулей Т. А., Колосов А. В.

Влияние геополитической ситуации на договор франчайзинга..... 166

Нестулей Е. А.

Конфликт интересов как административно-правовая мера противодействия коррупции в органах внутренних дел..... 168

Нигоева И. О.

Апелляция в цифрах, или Анализ изменений главы 39 Гражданского процессуального кодекса РФ..... 170

Носова М. Е.

Современное состояние и направления развития российского законодательства, регламентирующего деятельность органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России..... 172

Патенкова Ю. А.

Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продлении в отношении подозреваемого и обвиняемого: взгляд практиков..... 174

Пахтусов О. О.

Анализ положений Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и особенности его реализации в свете действия постановления Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336..... 176

Пашнина В. Д.

Некоторые проблемные аспекты прекращения уголовных дел на стадии судебного разбирательства 179

Пономарева С. Н.

Актуальные вопросы собирания доказательств следователями и дознавателями в ходе предварительного расследования 181

Проулочнова И. Д.

Отдельные вопросы расследования ятрогенных преступлений 184

Пузанкова И. В.

Информационные права человека в условиях глобализации и цифровизации современного общества 186

Румянцев М. С.

К вопросу о проблемах доказывания добросовестности в правоприменительной практике 188

Самойлова В. К.

Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы..... 190

Семерий Д. И.

Наследственный фонд как способ управления имуществом в российском праве и зарубежный опыт..... 193

Симоненко Е. О.

Правовые последствия нарушения застройщиком обязательства по договору участия в долевом строительстве..... 199

Слипченко Н. П. Проблемы исполнения договорных обязательств в современных условиях 200	Таланова К. В. Взыскание судебных расходов на оплату услуг представителя в арбитражном процессе 218
Смирнова К. К. Некоторые проблемы отграничения простого убийства от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего..... 202	Ухова А. А. Эффективность стадии подготовки гражданских дел к судебному разбирательству..... 220
Сноу С. С. Соотношение общих гражданско-правовых и специальных оснований оспаривания сделок должника в процессе несостоятельности (банкротства)..... 204	Фомичев С. М. Актуальные проблемы ответственности государственных служащих в Российской Федерации 222
Спирин К. О. Взаимовлияние механизма индивидуального правового регулирования и правозащитной деятельности: к постановке проблемы 206	Шафигуллина И. Т. Проблема соотношения виндикационных, реституционных и кондикционных требований при защите права собственности..... 223
Спирин К. О. Толкование права и его влияние на правозащитную деятельность 209	Шихова Е. В. Методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними 224
Суратов С. Е. Специфика установления предмета иска по требованиям к членам исполнительного коллегиального органа по привлечению к субсидиарной ответственности в виде взыскания убытков..... 211	Шопин А. К. К вопросу о дисциплинарной ответственности судьи как особого субъекта общественных правоотношений 226
Суратов С. Е. Привлечение к ответственности физического лица, контролирующего деятельность налогоплательщика, в виде взыскания убытков за налоговые правонарушения организации..... 214	Шопин А. К. К вопросу о рассмотрении квалификационными коллегиями кандидатур на должность судьи ... 228
	Щукина А. В. Особенности правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств 231

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы обжалования решений, действий (бездействия) федеральных органов исполнительной власти и должностных лиц

Морозова Ксения Николаевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В данной статье рассматриваются особенности производства по административным делам об оспаривании действий и решений органов федеральных органов исполнительной власти, особенности участия прокурора и активная роль суда в данном виде судопроизводства об истребовании доказательств по своему усмотрению

Ключевые слова: административное судопроизводство, оспаривание решений, действий (бездействия), должностное лицо органа власти и управления, гражданско-процессуальное право, прокурор, активная роль суда, преюдициальный факт, возбуждения производства по административным делам.

Каждому гражданину Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее по тексту Конституции РФ) принадлежит право на судебную защиту его прав и свобод [1].

Арбитражные суды разрешают дела в порядке не только гражданского, но и административного судопроизводства, что прямо следует из ст. 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [4] (далее по тексту АПК РФ). В этом плане в АПК получила поддержку концепция, связывающая административное судопроизводство с категорией дела, существом спора, а не только с наличием специальных административных судов. К ведению арбитражных судов отнесены различные экономические споры, возникающие из административных и иных публичных правоотношений (публично-правового характера).

Критерии компетенции в сфере административного судопроизводства заключаются в следующем. Во-первых, спор должен возникнуть из административных либо иных публично-правовых отношений (например, налоговых, таможенных).

Во-вторых, он отнесен прямо к компетенции арбитражного суда. В отличие от ст. 28 АПК, где компетенция арбитражных судов определена достаточно широко, в ст. 29 АПК использован принцип перечня дел.

В-третьих, содержание спора должно быть связано с предпринимательской либо иной экономической деятельностью, либо с доступом к ней, либо с оценкой законности ненормативного или нормативного акта в данной сфере.

В-четвертых, в отличие от дел гражданского судопроизводства в административном судопроизводстве другие требования к правовому статусу сторон. Здесь статус юридического лица либо гражданина-предпринимателя имеет, как правило, только истец. Кроме того, в качестве истца могут выступать прокурор и государственные органы, органы местного самоуправления. Что касается ответчика, то в этом качестве могут выступать федеральные органы исполнительной власти, другие государственные органы, муниципальные образования, должностные лица, включая судебных приставов-исполнителей. При этом соответствующие органы как субъекты публично-правовых отношений могут как иметь статус юридического лица, так и не быть наделенными им.

Осуществление нормоконтроля возможно только одним арбитражным специализированным судом — Судом по интеллектуальным правам (СИП) и только по делам, указанным в п.п. 1.1 и 1.2 ч. 1 ст. 29 АПК РФ.

Все остальные дела о нормоконтроле, связанные с оспариванием нормативных правовых актов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, относятся к ведению судов общей юрисдикции, порядок судопроизводства по таким делам определяется по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации [2] (далее по тексту — КАС РФ).

Судебный порядок и особенности такой защиты установлен в гл. 22 КАС РФ. Для реализации данного права, гражданин должен обратиться с административным иском заявлением в суд общей юрисдикции. Вопросы подсудности урегулиро-

ваны в нормах ст. 22 КАС РФ следующим образом: административное исковое заявление к органу государственной власти, иному государственному органу, органу местного самоуправления, организации, наделенной отдельными государственными или иными публичными полномочиями, подается в суд по месту их нахождения, к должностному лицу, государственному или муниципальному служащему — по месту нахождения данного органа, в котором указанные лица исполняют свои обязанности. В КАС РФ, предусмотрено и сохранено правило о возможности, обжалованию гражданину в суд по месту своего жительства, что является на наш взгляд, хорошей процессуальной гарантией, для более слабой стороны в таких правоотношениях и является преемственностью Главы 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту ГПК РФ РФ) [3]. По сравнению с Главой 25 ГПК РФ, сохраняется, что гражданин обязан доказать нарушение своих прав, но также конкретизируется какие конкретно факты должен доказать гражданин. Рассмотрение данной категории дел рассматривается судами общей юрисдикции, за исключением рассмотрения таких дел мировыми судьями. Особенностью российского административного судопроизводства, является так называемое многими учёными административистами, сочетание следственной модели с состязательностью. Законодатель объединил в единый принцип различные по содержанию начала, закрепив в ст. ст. 6, 14 КАС РФ принцип состязательности и равноправия сторон при активной роли суда. Активная роль суда в административном судопроизводстве predetermined заинтересованностью государства (общества) в такой организации судебного процесса, при которой обеспечивается равная защита нарушенных прав и законных интересов. КАС РФ не содержит легитимного определения принципа активной роли суда, таковая не исчерпывается перечисленными в ч. 2 ст. 14 КАС РФ правами суда по руководству процессом и возможностью истребования по собственной инициативе доказательств. В связи с этим вопрос о границах активности суда в административном судопроизводстве представляет интерес. Принцип активной роли суда не характерен для споров, возникающих из гражданско-правовых отношений, что обусловлено их правовой природой (равноправие субъектов, автономия их воли) [7, с. 2, 8]. Хотя по мнению многих авторов процессуалистов, что для нахождения объективной истины суд, не должен быть формальным константом, не активной позиции сторон, а должен руководствоваться правилами отыскания объективной истины, а не формально. Думается что для гражданского и административного судопроизводства это приемливо, но не приемливо для арбитражного судопроизводства, так как у данных субъектов, должны быть исключительно одинаковые права и обязанности в судебном процессе и преломляться принципом объективной истины, состязательность и равноправие не должно. Вместе с тем даже в теории гражданского процессуального права этот принцип был в свое время выделен в системе отраслевых принципов. В частности, впервые точку зрения о самостоятельном характере принципа активной помощи суда в гражданском процессе высказал В.М. Семенов [14, с. 330]. Затем Р.Е. Лукасян указывал на принцип активной помощи в защите права со стороны государства в лице суда, про-

кратуры, иных государственных органов как на самостоятельный отраслевой принцип гражданского процессуального права [9, с. 95–122]. Отпочковавшись от гражданского процессуального права, административное процессуальное право формально закрепило принцип активной роли суда в КАС РФ путем включения его в перечень принципов. При этом широкий простор оставлен для теоретических исследований данного вопроса, поскольку формальная дефиниция этого принципа не равнозначна его содержанию, последнее определяется совокупностью процессуальных норм. Можно заметить, что законодатель в очередной раз использует прием объединения в единый принцип различных по содержанию начал, поскольку состязательность сторон в классическом понимании предполагает пассивность суда в рассмотрении дела [16, с. 144]. Активная роль суда в процессе predetermined запретом государства самопомощи защиты лицом своего права и, как следствие, стремлением предоставления эквивалента такой защиты посредством судебной процедуры. Право на иск имеет публично-правовой характер. «Право на иск, — пишет В.М. Гордон, — и является необходимым следствием запрета самопомощи, возмещением, эквивалентом этого ограничения, требуемым соображениями справедливого разграничения интересов управомоченного и обязанного» [15, с. 145]. Следовательно, государство определяет правила организации судебного процесса, и его ход не может определяться исключительно волей материально заинтересованного лица, такую волю в интересах правопорядка ограничивает либо дополняет активность суда в административном процессе.

Принцип активной роли суда пронизывает все процессуальные институты судебного административного права, к примеру, институт примирения сторон. В ч. 1 ст. 137 КАС РФ сформулировано правило о том, что примирение сторон может касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон. Такая общая формулировка дает широкие возможности для судейского усмотрения. При этом в КАС РФ нет прямого ответа, по каким делам взаимные уступки невозможны. Активность суда также проявляется в его праве выйти за пределы иска. Отметим, что в праве суда выйти за пределы исковых требований выражаются следственные полномочия суда, границы действия которых были определены в свое время Е.В. Васьковским следующим образом: «Вмешательство суда допустимо в той мере, в какой оно не противоречит принципу диспозитивности» [8, с. 372]. Активность суда заключается в первую очередь в том, чтобы в случае необходимости разъяснить истцу его право на изменение предмета и основания иска, предъявление встречного иска и т.д. Суд не вправе по своей инициативе изменять предмет иска и должен рассмотреть дело в пределах лишь тех требований, которые заявлены истцом, поскольку право на изменение предмета является исключительным диспозитивным правом истца. Выход суда за пределы исковых требований не должен вести к рассмотрению нового иска или требования, которое не было заявлено стороной по делу. Специфика административного судопроизводства состоит в том, что состязательность в чистом виде ему не присуща. Это положение верно и применительно к рассмо-

трению дел искового производства, в которых предметом судебного рассмотрения является спор о праве конкретного лица, но не гражданском, а публичном.

Следовательно, по указанным административным делам суд вправе по собственной инициативе изменять как фактические, так и правовые основания иска, формируя предмет доказывания по делу. Лишь предмет административного иска суд не вправе изменить: судебной проверке подлежит соответствие конкретной оспариваемой правовой нормы правовым актам, имеющим большую юридическую силу, регулирующим спорные отношения, а равно только оспариваемого действия (бездействия), а не правового акта. При рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении, и выясняет обстоятельства, указанные в ст. 226 КАС РФ, в полном объеме. На практике, активная роль суда на наш взгляд, по сути направлена не на защиту прав граждан, в суд помогает административному ответчику, доказывать законность своих действий, то есть если административный ответчик не опровергает, бремя доказывания административного истца, то суд в ходе его активной позиции истребует необходимые доказательства тем самым способствует защите административного ответчика в случае его неадекватности или некомпетентности. В судебной практике Верховного Суда РФ, существует правовая позиция согласно которой, что суд не может подменять государственный орган, то есть если административный ответчик не доказал законность своего данного действия исходя из ранее данного отказа, то суд не может сославшись на другие обстоятельства и нормы права признать отказ законным, но на практике всё наоборот и никто данную позицию не отслеживает даже в случае указания на это административным истцом, суд ссылается что это не влияет на разрешения данного дела. Но как это может не влиять если, это существенное нарушение норм процессуального права и вместо того чтобы выполнять свою миссию независимого арбитра, суд вспомогательными средствами помогает административному ответчику, доказать законность своих действий. Так как по существу действия законности государственных органов презюмируется, а должно быть наоборот права и свободы человека являются главными при разрешении таких споров, а суд не должен быть придатком системы органов исполнительной власти.

Необходимо сказать, что КАС РФ, в отличии от ГПК РФ, реализована норма, о преюдициальности исключительно фактов, а не правовых оснований (правовых выводов) как в статье 209 ГПК РФ, что говорит о том, что в другом деле факты, установленные ранее, другом административном судопроизводстве, не доказываются, но правовая оценка может быть иной, как например данная позиция реализуется в АПК РФ, в которой также отсутствует аналогичная норма, о преюдициальности правовых оснований. Кроме того, необходимо отметить, что в юридической литературе для отграничения административного истца от похожих конструкций в процессе, которые регламентируются ст. ст. 39 и 40 КАС РФ, предполагается использо-

вание критерия, в результате которого необходимо выяснить наличие частных или публичных субъектов. Это важно потому, что такие субъекты имеют материально-правовую заинтересованность в исходе дела и в решении суда. Вследствие чего они наделяются статусом административного истца, в свою очередь, прокурор участвует в процессе в порядке, предусмотренном ст. 39 КАС РФ. Тут же следует отметить, что если осуществление публичной функции прокурором не определено защитой прав и интересов иных лиц, то прокурор, в свою очередь, приобретает статус административного истца [11, с. 114]. Данный критерий может применяться и имеет на то основания, однако единственное его использование не всегда служит основанием для признания прокурора административным истцом. Данной позиции придерживается С.А. Алехина [5, с. 3–10]. Далее следует обратить внимание на работу А.В. Мартынова, который в результате сравнения норм ГПК РФ и КАС РФ делает вывод о необходимости расширения круга лиц, которые занимают процессуальное положение административного истца в административном судопроизводстве, по сравнению с другими отраслями процессуального права. Автор обращает внимание, что ни в гражданском, ни в арбитражном процессуальном праве не выделялись стороны в административно-правовом споре, и приводит перечень случаев, предусмотренных законодательством, где лица, обладающие властными полномочиями, становятся административными истцами [12, с. 53–62]. Однако для прокурора данные требования не являются очевидными. В соответствии с ч. 1 ст. 39 КАС РФ прокурор наделяется правом подавать административное исковое заявление. Вследствие чего можно судить о том, что прокурор может являться административным истцом. Далее можно обратить внимание на ст. 270 КАС РФ, где делается оговорка, что прокурор может подать административное исковое заявление о досрочном прекращении административного надзора, если поднадзорное лицо не может само обратиться в суд. Аналогично в ч. 6 ст. 239 КАС РФ содержится ссылка на ч. 1 ст. 39 КАС РФ, где говорится об административных исковых заявлениях, предусмотренных гл. 24 этого же Кодекса, подаваемых прокурором в защиту некоторых прав и права на участие в референдуме гражданина РФ. В других нормах ст. 239 КАС РФ отсутствует ссылка на ст. 39 Кодекса. Можно думать, что это могло бы означать, что прокурор в таких делах участвует именно в качестве административного истца.

Прослеживается тенденция воздержания законодателя от обозначения процессуального положения прокурора даже в иных случаях, предусмотренных законодательством. Так, в ст. 275 КАС РФ отсутствует конкретизация роли прокурора при обращении в суд с исковым заявлением о недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, а также в ст. 281 КАС РФ — при недобровольной госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию. В юридической науке давно определилось мнение о том, чьи права защищаются при предъявлении данных требований. Предметом судебной защиты в данных ситуациях и в иных, предусмотренных законодательством, являются права неопределенного круга лиц, которые могут пострадать от поведения больных людей [13]. При применении критерия отграничения админи-

стративных истцов, которые обладают и не обладают публичными функциями, учитывается наличие предмета защиты прав других лиц, что, в свою очередь, дает основания думать о том, что прокурор не может являться в данных случаях административным истцом [10]. Отождествление прокурора с истцом является ошибочным суждением. Тут следует обратиться к работе Т. Т. Алиева: «Первым среди ошибочных суждений является отнесение прокурора к сторонам спора (истца) по критерию наличия у него права на обращения в суд с иском, уяснен довольно давно» [6, с. 8]. Данное суждение подкрепляется тем, что прокурор не имеет интереса в исходе дела, также он не относится к субъектам спорного материального правоотношения. Так, отождествление прокурора с истцом является неверным в результате того, что он не заинтересован в судебном деле так, как заинтересован в нем истец. Также особый интерес представляет вопрос о возможности предъявления в суд искового заявления об оспаривании результатов определения кадастровой оценки стоимости, опираясь на то, что такое право не предусмотрено прямо в ст. 245 КАС РФ. Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. N28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» правом на обращение в суд с соответствующим требованием наделяется прокурор в интересах Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований в случаях, предусмотренных ст. 45 ГПК РФ и 39 КАС РФ [17]. Это положение расширяет толкование закона, создавая коллизию правовых норм. В административном судопроизводстве при существенном изменении законодательного регулирования процессуального положения прокурора по сравнению с гражданским судопроизводством законодатель не учел момент вхождения прокурора в процесс в качестве административного истца, в результате чего не произошло соотношение норм общих и специальных КАС РФ. Это приводит к недопониманию и противоречиям в первоочередных учениях о сторонах в процессе и исковой форме защиты интересов и прав. Тут же следует обратить внимание на тот факт, что возможность прокурора занять место административного истца связана с его публичными функциями, которые предоставляются государством для предотвращения действия правонарушителя. Иск является средством защиты нарушенного права или предусмотренного законом интереса, и его подача не относится к надзорным функциям и полномочиям.

При решении проблемы придания прокурору статуса административного истца на уровне законодательства необходимо конкретизировать категории дел, по которым прокурор может занять соответствующее положение в процессе. При выдвижении прокурора на роль административного истца необ-

ходимо оценивать это с точки зрения международной практики и принципов, которые действуют в отношении прокурора в процессе, при этом должны обязательно соблюдаться требования баланса публичных и частных интересов в процессе.

Также нуждаются в разработке критерии вхождения прокурора в процесс в роли административного истца как носителя материального права, а также прокурора, выступающего в интересах истца на основании ч. 1 ст. 39 КАС РФ. Тенденция по унификации процессуального гражданского процесса приводит к вопросу о введении тех же критериев в гражданский процесс для возможности инициирования прокурором гражданского процесса в качестве истца.

При решении проблемы придания прокурору статуса административного истца на уровне законодательства необходимо конкретизировать категории дел, по которым прокурор может занять соответствующее положение в процессе. При выдвижении прокурора на роль административного истца необходимо оценивать это с точки зрения международной практики и принципов, которые действуют в отношении прокурора в процессе, при этом должны обязательно соблюдаться требования баланса публичных и частных интересов в процессе.

Кроме того, прокурор предусмотрен для защиты трудовых отношений, в порядке ст. 45 ГПК РФ, но право на труд реализуется и посредством прохождения военной службы, а в таких правоотношениях споры разрешаются исключительно по КАС РФ и военными судами, но КАС РФ, не предусматривает в таких случаях участия прокурора. На наш взгляд, это является нарушением ст. 19 Конституции РФ, так как не обеспечивается равная защита прокурором как трудовых, так и смежных с ними прав. Для устранения данного недостатка необходимо изменить п. 7 ст. 39 КАС РФ изложив с следующей редакцией: Прокурор вступает в судебный процесс и дает заключение по административному делу в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, а также по делам связанных с увольнением военнослужащих и другими федеральными законами. Прокурор не дает заключение по административному делу, если административное дело возбуждено на основании его административного искового заявления.

В заключение следует отметить, что применительно к административным делам имеет особое значение поиск оптимального соотношения публичного и частного в праве, как неоднократно высказывается, Конституционный суд РФ, в своих правовых позициях, нахождения так называемого баланса, поскольку по таким делам изначально субъекты спорного материального правоотношения не равны и их рассмотрение судом сопряжено с присутствием публичного интереса. В связи с этим необходимо соблюдение разумного баланса между публичным и частным в административном судопроизводстве.

Литература:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ от 01.07.2020 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 01.07.2020. N31. ст. 4398.
2. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. N21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. N10. Ст. 1391.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. N46. Ст. 4532.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. N95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. N30. Ст. 3012.
5. Алехина с. А. К вопросу о правоспособности публично-правовых образований в административном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N5.
6. Алиев Т. Т. Альтернативные взгляды на правовое положение прокурора в гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. N2.
7. Алиева И. Д. Защита гражданских прав прокурором и иными уполномоченными органами. М.: Волтерс Клувер, 2006.
8. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. М.: Башмаковы, 1913. Т. 1.
9. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970.
10. Воробьев Т. Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: Дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.
11. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / Под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2019.
12. Мартынов А. В. Участники административного судопроизводства: понятие, виды и сравнительная характеристика с другими участниками судебных процессов // Административное право и процесс. 2015. N11.
13. Рыжаков А. П. Постатейный комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
14. Семенов В. М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник научных трудов Свердловского юридического института. Вып. 4. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1964.
15. Хрестоматия по гражданскому процессу / авт.-сост. е.А. Борисова и др.; под общ. ред. М. К. Треушников. М., 2016.
16. Эндриус Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж / пер. с англ.; под ред. Р. М. Ходыкина. М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012.
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. N28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. N9.

Презумпция согласия супруга на совершение сделок

Наймович Владислава Валентиновна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В Российской Федерации право частной собственности гарантируется Конституцией. Частная собственность представляет собой обширный институт, включающий в себя правовые нормы различных отраслей права, в том числе семейного.

Чтобы определить порядок совершения сделки лицом, состоящим в браке, необходимо понять и определить природу семейных отношений, поскольку, она весьма специфическая.

Обратившись к Семейному кодексу Российской Федерации, можно определить, что семейные отношения — это не только брачный союз мужчины и женщины, построенный на равенстве и любви, но и гарант безопасности членов семьи, запрещающий произвольное вмешательство кого-либо в дела семьи.

Семейный кодекс Российской Федерации подразумевает законный и договорной режимы имущества супругов.

В рамках законного режима предусмотрено, что супруги имеют равные права на общее имущество, вне зависимости от того, кто из супругов приобрел имущество.

Так, в статье 34 Семейного кодекса Российской Федерации отмечено, что все совместно нажитое во время брака имущество является общим, при этом в части 3 данной статьи отмечается, что в случае, если один из супругов (вне зависимости

от пола) занимался ведением домашнего хозяйства и не реализовывал возможности получения заработка, приобретения имущества, либо в силу других уважительных причин не имел собственного дохода, то равные права на совместно нажитое имущество не отменяются

Двойственность субъекта права характеризуется тем, что с одной стороны субъект, выступает как член семьи, которому необходимо нести ответственность за свои действия, а с другой стороны, как участник гражданского оборота, который, в соответствии с конституционными гарантиями может реализовать право частной собственности.

Важным базисом правового регулирования имущественных отношений супругов является презумпция согласия супруг на совершение сделок другим супругом, закрепленная в части 2 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации.

Законный режим имущества супругов действует, если брачным договором не установлено иное, и предполагает, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей собственностью.

Исходя из этого, владеть, пользоваться и распоряжаться совместным имуществом супруги могут только по обоюдному согласию.

Презумпция согласия супруга действует не только в интересах второго супруга от действий первого, но и защищает права третьих лиц, которые заключают сделку.

Иными словами, наличие согласия, защищает участника правоотношений, который действует добросовестно, от последующего признания сделки недействительной.

Конечно, презумпция согласия, не отменяет принцип добросовестности участников гражданского оборота предусмотренные ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Поэтому, если контрагенту было известно о том, что супруг является противником сделки, но он не отказался от ее заключения, данная сделка, может быть признана судом недействительной, однако бремя доказывания будет лежать на супруге оспаривающим сделку.

К сделкам, требующим обязательного нотариально удостоверенного согласия второго супруга, закон относит:

- сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации;
- сделки, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма;
- сделки, подлежащие обязательной государственной регистрации;

В случае если сделка была совершена без нотариального согласия супруга, супруг, чье нотариально заверенное согласие на совершение сделки не было получено, вправе обратиться в суд с иском, для защиты своих прав.

В настоящее время, порядок совершения сделок лицом, состоящим в браке, предусматривает особые ограничения, ко-

торые, в свою очередь работают в интересах семьи, в случае если сделка может повлечь за собой существенное изменение имущественного положения семьи предусмотрено исключение из презумпции согласия супруга.

В основном нормативном акте семейного законодательства понятие брака отсутствует.

Несмотря на это, последнее можно определить исходя из содержания существующих норм Семейного кодекса РФ.

Брак можно охарактеризовать в качестве союза мужчины и женщины, который заключается на основании положений, закрепленных законом. Подобный союз являет собой взаимные права и обязанности супругов, целью которого выступает создание полноценной семьи

Исходя из вышесказанного можно заключить, что со вступлением в брак у мужчины и женщины изменяется правовой статус, который, безусловно, может оказать влияние на взаимодействие указанных субъектов с третьими лицами.

В этой связи перед государством стоит задача по тщательной регламентации имущественных отношений, которые затрагивают интересы самих супругов, иных лиц, а также общество и государство в целом.

Конечно, с учетом быстро развивающихся общественных отношений, количество сделок, которые могут изменить имущественное положение семьи растет, что влечет за собой нарастающие споры среди правоведов и практикующих юристов, а также отсутствие единообразия в судебной практике, полагаю, что следует расширить данный перечень, путем внесения изменений не только в Гражданский кодекс Российской Федерации, но и Семейный.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (ред. от 28.06.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 3.11.2022).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 3.11.2022).
3. Останина Е. А. Между семейным и корпоративным правом: согласие супруга на увеличение уставного капитала общества // Закон. 2019. № 7. С. 4–7.
4. Садыкова Н. Г., Земцова Е. А., Круглов П. П. Проблемы раздела общего имущества супругов в виде вкладов (паев, взносов) в уставной капитал юридического лица и пути их решения // Законность и правопорядок в современном обществе. 2020. № 7. С. 33–38.
5. Слепаков А. В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут.
6. Честнов, И. Л. История и методология юридической науки: Учебник / И. Л. Честнов.— М.: Инфра-М, 2017.— 448 с.
7. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин.— М.: Ленанд, 2016.— 448 с.

Правовые основания и последствия отказа кредитора от оспаривания сделки в процедуре несостоятельности (банкротства)

Нестеров Никита Евгеньевич, студент магистратуры
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье рассматриваются результаты проведенного автором исследования оснований для отказа от заявления о признании сделки должника недействительной и последствия такого отказа, порядок замены кредитора в случае поступления заявления об отказе оспаривания сделки.

Ключевые слова: банкротство, кредитор, оспаривание сделок, отказ от заявления о признании сделки недействительной.

Процедура оспаривания сделок должника в процедуре несостоятельности (банкротства) используется повсеместно арбитражными управляющими, а также лицами, которые имеют право подавать заявление о признании сделки недействительной.

В соответствии со ст. 61.9 Федерального закона № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» (Далее — Закон о банкротстве), помимо внешнего или конкурсного управляющего полномочиями по оспариванию сделок наделены следующие лица, участвующие в деле о банкротстве [1]:

1) Представитель собрания (комитета) кредиторов или иное лицо, которое уполномочено оспаривать сделки должника решением собрания (комитета) кредиторов;

2) Конкурсный кредитор или уполномоченный орган в случае, если их размер включенных требований в реестр требований кредиторов должника составляет более 10% от общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов должника;

3) Руководитель временной администрации финансовой организации в установленных в Законе о банкротстве случаях вправе подать указанное заявление.

При подсчете включенных в реестр требований кредиторов требований лиц, уполномоченных на подачу заявления о оспаривании сделки не учитываются требования аффилированных лиц или лиц, в отношении которых сделка оспаривается.

При рассмотрении заявления о признании сделки недействительной кредитор (заявитель) имеет право заявить ходатайство об отказе от заявления о признании сделки, совершенной должником, недействительной полностью или в части.

Согласно положениям ст. 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ, процедура несостоятельности (банкротства) проходит по правилам, установленным в Арбитражном процессуальном кодексе РФ, с особенностями, установленными Законом о банкротстве.

Согласно положениям, установленным ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса РФ, истец вправе до принятия решения арбитражным судом заявить об отказе от иска полностью или частично, однако, особенности, предусмотренные ч. 2 указанной статьи исключают возможность отказа истца от иска в части или полностью в случае, если такой отказ противоречит закону или нарушает права других лиц.

Отказ от заявления о признании сделки недействительной соответствует принципу свободного распоряжения гражданскими правами, а также позволяет избежать несения судебных расходов по обособленному спору.

Имеются ли основания полагать, что кредитор, оспаривая сделку должника действует в своих интересах, либо же в интересах всех кредиторов должника? По общим правилам Арбитражного процессуального кодекса РФ, в частности в ст. 44 установлено, что Истцами являются организации и граждане, предъявившие иск в защиту своих прав и законных интересов. В таком случае, отказываясь от заявления о признании сделки, совершенной должником, недействительной, заявитель наносит вред имущественным правам кредиторов, однако

остальные лица, участвующие в деле о банкротстве и в соответствии с законом наделены правом подавать заявление об оспаривании сделки не утрачивают такое право, что могло бы привести к затягиванию процедуры банкротства.

Если же мы говорим о том, что заявитель действует в интересах всех кредиторов должника, то Арбитражные суды должны руководствоваться гл. 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Такое обращение с заявлением в Арбитражный суд о признании сделки недействительной должно соответствовать условиям, установленным в ч. 1 ст. 225.10 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Поскольку оспаривание сделки в процедуре банкротства происходит в отношении сделки должника, предметом указанного спора носит признание сделки недействительной, соответствующей ст. 12 Гражданского кодекса РФ, по основаниям, установленным в Законе о банкротстве, то условия, установленные ч. 1 ст. 225.10 Арбитражного процессуального кодекса РФ соблюдаются в любом случае подачи заявления о признании сделки недействительной.

Однако такое заявление не соответствует ст. 225.13 Арбитражного процессуального кодекса РФ, поскольку в заявлении не указываются наименование всех лиц, обращающихся с заявлением о признании сделки недействительной, их права и законные интересы.

При направлении заявления об оспаривании сделки заявитель указывает арбитражный суд, который будет рассматривать дело, свое наименование, конкурсного или внешнего управляющего, должника и его контрагента, предмет и основания для оспаривания сделки, не обозначая при этом иных кредиторов должника, имеющих право обратиться с указанным заявлением. Иными словами, не раскрывает круг лиц (группу лиц) в защиту интересов, которой подается такое заявление.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что в деле о банкротстве должника при подаче заявления о признании сделки недействительной интересы конкурсного кредитора затрагиваются лишь косвенно, поскольку последствия признания сделки недействительной на заявителя не влияют, а лишь пополняют конкурсную массу в деле о банкротстве, при этом заявитель не является стороной оспариваемой сделки, что не налагает на такое лицо никаких прав и обязанностей в случае признания такой сделки ничтожной.

Первостепенной целью оспаривания сделок является пополнение конкурсной массы в деле о банкротстве в денежном и неденежном выражении, которая в дальнейшем будет распределяться всем кредиторам.

В связи с этим, Экономическая коллегия Верховного суда в деле № А19-14083/2015 пришла к выводу, что при оспаривании сделки в деле о банкротстве материально-правовые интересы группы кредиторов несостоятельного лица противопоставляются интересам выгодоприобретателей по сделке [3]. Поэтому вопрос действий заявителя в собственном интересе или группы лиц решился в пользу применения в обособленных спорах об оспаривании сделок должника гл. 28.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Последствиями отказа от заявления о признании сделки недействительной будет служить смена такого кредитора на другое лицо, которое в соответствии с Законом о банкротстве имеет право на подачу аналогичного заявления, в том числе конкурсного или внешнего управляющего.

Порядок смены кредитора:

1) Если в судебном заседании, в котором заявлен отказ от заявления об оспаривании сделки будут присутствовать другие уполномоченные на подачу такого заявления кредиторы и которые заявили о готовности встать на место заявителя, то суд вправе произвести замену заявителя в том же судебном заседании и продолжить рассмотрение спора.

2) Если в срок, установленный в определении об отложении судебного заседания, поступило заявление уполномоченного кредитора о замене заявителя, то суд прекращает производство по обособленному спору, производит замену заявителя по заявлению о признании сделки недействительной и начинает рассматривать обособленный спор по существу, о чем выносит определение.

Срок, на который Арбитражный суд откладывает судебное заседание в случае отказа заявителя от продолжения рассмотрения обособленного спора не может превышать двух месяцев.

В случае, если ни от одного из уполномоченных на подачу заявления о признании сделки недействительной или от арбитражного управляющего не поступит ходатайство о замене инициатора обособленного спора, то Арбитражный суд принимает отказ заявителя по обособленному спору как заявленный от имени всей группы лиц и прекращает производство.

Следует согласиться с позицией М. В. Изъевой об основаниях для применения отказа в оспаривании сделки по ст. 61.7 Закона о банкротстве, в частности, с тем, что «с учетом специфики процедур банкротства и в целях защиты конкурсной массы суд должен иметь возможность применить отказ в оспаривании сделок самостоятельно, по своей инициативе», поскольку суд не заинтересован в исходе оспаривания сделки, однако не может действовать в разрез с законом и не увидеть,

что оспаривание сделки приводит к ущербу имущественным правам кредиторов [4].

Бездействие арбитражного управляющего по отношению к тому, что он не продолжает вести спор по оспариванию сделки должника, потенциально может служить поводом от одного или нескольких кредиторов жалобы на действия управляющего, однако это не является предметом рассмотрения настоящей статьи.

В результате проведенного исследования рассмотрена правовая природа и основания отказа кредитора от заявления о признании сделки должника недействительной. Приведены последствия отказа от такого заявления, которые были установлены и истолкованы судебной практикой, основой которой являются нормы законодательства о банкротстве в синтезе с нормами арбитражного процесса.

Таким образом, наибольшее воздействие отказа кредитора от оспаривания сделки оказывается на конкурсную массу, которой наносится ущерб в виде недополучения денежных средств, которые могли бы пойти на распределение кредиторских требований. В связи с этим судебной практикой было обосновано использование гл. 28.2. Арбитражного процессуального кодекса РФ, позволяя иным уполномоченным лицам, а также управляющему заменить лицо, отказавшееся от оспаривания сделки. Считаем, что для сохранения баланса по защите прав и законных интересов должника, кредиторов и третьих лиц необходимо внести изменения в законодательство о банкротстве в части определения понятия оспаривания сделки кредитором, в котором процесс оспаривания понимался бы не как направленный на защиту прав и интересов единственного кредитора, а группы лиц (конкурсной массы).

Установление Верховным судом позиции, что отказ от заявления об оспаривании сделки должника должен рассматриваться по правилам, предусмотренным главой 28.2. Арбитражного процессуального кодекса РФ является новеллой в праве Российской Федерации, которая активно применяется судами по всей территории РФ.

Литература:

1. «О несостоятельности (банкротстве)»: Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (в ред. ФЗ от 30.12.2021 № 476-ФЗ) // Российская газета. — 2002. — № 209–210.
2. Определение Верховного суда Российской Федерации от 17 марта 2021 г. № 302-ЭС20–19914 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-17-032021-n-302-es20-19914-po-delu-n-a19-140832015/> (дата обращения 28.03.2022).
3. Изъев М. В. Отказ в оспаривании сделок должника в процессе банкротства: проблемы правоприменительной практики. // Имущественные отношения в Российской Федерации. № 9 (240), 2021. С. 66–75.

Влияние геополитической ситуации на договор франчайзинга

Нестулей Татьяна Андреевна, студент магистратуры;
Колосов Александр Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Иркутский государственный университет

В представленной статье автором рассматривается влияние сложившейся в мире ситуации на франчайзинг, как вид предпринимательской деятельности. На сегодняшний день российский бизнес находится под влиянием санкций ЕС и США, что оказывает

на него определенное негативное влияние и вынуждает известные мировые бренды уходить с российского рынка. Проведя исследование, автор приходит к выводу, что с правовой точки зрения, влияние санкций не столь заметно, как с экономической.

Ключевые слова: договор франчайзинга, договор коммерческой концессии, франшиза, санкции, влияние санкций, правовое регулирование договора.

В общем понимании франчайзинг представляет собой способ ведения бизнеса, при котором одна сторона, на условиях, установленных договором, приобретает у другой комплекс исключительных прав.

В российском праве понятие договора франчайзинга отсутствует и вместо него в ГК РФ существует понятие договора коммерческой концессии.

Понятию коммерческой концессии в отечественной и зарубежной литературе уделяется большое внимание, однако единый подход к определению основных понятий данного института в настоящее время отсутствует. Как отмечает Н. А. Ющенко, теоретический анализ понятия коммерческой концессии должен иметь практическое значение, а выработка рекомендаций по унификации терминологии — ее реальное применение [1, с. 238].

Так, согласно статье 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], по договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока право использовать в предпринимательской деятельности пользователя, принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающих право на товарный знак, знак обслуживания, а также право на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение и секрет производства.

Впервые в российском праве термин «франчайзинг» появился в проекте Федерального закона Российской Федерации «О франчайзинге» [3], однако данный закон использует определение, которое не совпадает с термином «коммерческая концессия», отраженном в ГК РФ.

Несмотря на отсутствие понятийного аппарата «ведение бизнеса по иностранной франшизе» (как, впрочем, и по российской) достаточно распространенное явление на российском рынке. Начиная еще с 2014 г. с введением первых санкций против РФ, затем в 2020 г. из-за пандемии коронавируса, а затем и специальной военной операции, начатой в феврале 2022 г. рассматриваемый вид бизнеса в нашей стране, начал переживать определенный кризис.

Начиная с марта 2022 г. практически все известные иностранные компании начали заявлять об уходе с российского рынка, в их числе известные бренды одежды Zara, Bershka, Oysho, Pull&Bear, автомобильные производители BMW, Porsche, предприятия общественного питания, такие как McDonald's, Domino's и т.д. Некоторые компании сразу же закрыли все свои торговые точки, некоторые компании просто приостановили свою деятельность, а кто-то не смог этого сделать, так как не являлись единоличными владельцами сети.

Как заявил директор Российской ассоциации франчайзинга Михайленко Ю.: «с правовой точки зрения просто отозвать лицензию и закрыть франчайзи нельзя. Для расторжения дого-

вора коммерческой концессии нужны очень грубые нарушения, и занимает эта процедура год-полтора» [4].

В качестве примера можно привести, пожалуй, самую известную мировую франшизу — сеть кафе быстрого питания McDonald's, которая после объявления об уходе с рынка России не смогла закрыть все имеющиеся точки по указанной причине. Например, в г. Санкт-Петербурге две из них остались работать под указанным брендом. Окончательное закрытие данной сети все же произошло, когда все точки сети, в том числе и ранее закрытые были выкуплены российским бизнесменом Говаром А., после чего был произведен ребрендинг и сеть получила название «Вкусно и точка», превратившись в уже российскую франшизу [5].

Отметим, что с правовой точки зрения с рынка уходит не франшиза, а непосредственный бренд и на основании этого и возникают сложности, так как некоторые из них работают не только по договору коммерческой концессии, но и по лицензионному договору.

Профессор Е. А. Суханов отстаивает позицию, согласно которой, «договор коммерческой концессии не относится ни к числу смешанных, ни к числу разновидностей известных гражданскому праву договоров, в частности, лицензионного договора, вместе с тем признавая, что российский франчайзинг вырос на базе последнего» [6, с. 627]. Действительно, у данных договоров много общего, и наиболее трудно на практике «разжевать» между собой именно их. Различие лежит в предмете рассматриваемых договоров. В лицензионном договоре это — исключительное право на определенный объект интеллектуальной собственности, когда как для коммерческой концессии обязательны именно комплекс объектов исключительных прав. Этот критерий — «основа многих судебных решений по делам о разграничении данных договоров» [7, с. 57].

Согласно ГК РФ по общему правилу договор может быть расторгнут в связи с существенными нарушениями его условий, но если говорить о санкциях, то таких нарушений со стороны франчайзи нет, поэтому они не могут стать условием для расторжения. Также важно отметить, что санкции представляют собой нормы публичного права, и они не обладают экстерриториальным характером. Как отмечает ВС РФ: «Санкционное законодательство ЕС и США не порождает прав и не налагает обязанностей на российских граждан и юридических лиц. Это соответствует фундаментальным принципам о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств и их суверенитета» [8].

Таким образом, безусловно, невозможно не отмечать влияние санкций на отношения в сфере франчайзинга, но на наш взгляд, и влияние скорее экономическое, нежели правовое. Единственным возможным «условием» приостановки деятельности иностранных компаний на территории РФ, которые выразили желание уйти с рынка является отказ в поставке по договору или ее задержание. В связи с распространением указанного действия и недобросовестности иностранных

компаний, Правительство РФ внесло на рассмотрение законопроект «О внешней администрации по управлению организацией», который «возьмет в руки» иностранные предприятия, объявившие о временной приостановке деятельности.

Несмотря на указанные сложности, представители статистических компаний утверждают о продолжении развития франчайзинга в нашей стране, но уже не с иностранными, а с российскими брендами.

Литература:

1. Ющенко Н. А. Проблемы разграничения понятий «коммерческая концессия» и «франчайзинг» // Актуальные проблемы экономики и права. — 2016. — № 4 (32). — С. 236–241.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14-ФЗ [в редакции 1 июля 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
3. Проект Федерального закона № 503845–6 «О франчайзинге» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.04.2014) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Какую роль займет франчайзинг в новой экономике России // Сноб. — URL: <https://snob.ru/money/kakuyu-rol-zaj-met-franchaj-zing-v-novoj-ekonomike-rossii/> (дата обращения: 25.10.2022).
5. Плеханов А. Почему McDonald's в России теперь называется «Вкусно и точка» — и какими были другие варианты // ГОЛ. — URL: <https://gol.ru/materials/19112-tasty-and-point> (дата обращения: 25.10.2022).
6. Суханов Е. А. Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. II: Обязательственное право. — М.: Статут, 2011. — 1208 с.
7. Демичева Е. А. Дифференцирование договора коммерческой концессии от смежных договоров // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. — 2013. — № 6. — С. 54–62.
8. Определение ВС РФ № 305-ЭС22–11060 от 17.07.2022 // КАД Арбитр. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/29ad7bf5-7c56-4145-aff0-1f30d2856832> (дата обращения: 25.10.2022).

Конфликт интересов как административно-правовая мера противодействия коррупции в органах внутренних дел

Нестулей Елена Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Колосов Николай Викторович, кандидат юридических наук, зав. кафедрой Иркутский государственный университет

В статье автором представлен анализ конфликта интересов в качестве меры административно-правового противодействия коррупции в органах внутренних дел. В ходе исследования автор делает вывод о необходимости совершенствования данного института.

Ключевые слова: коррупция, органы внутренних дел, конфликт интересов в органах внутренних дел.

Согласно ФЗ РФ «О противодействии коррупции» под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность определенного лица (в нашем случае сотрудника ОВД) влияет на исполнение им служебных обязанностей [1].

В упрощенном понимании конфликт интересов представляется как ситуация, при которой личная заинтересованность сотрудника или работника, замещающих должности государственной или муниципальной службы, влияет или может повлиять на ненадлежащее выполнение им должностных обязанностей.

Личная заинтересованность рассматривается как возможность и как реальность получения широкого круга благ собственником, его близкими родственниками либо лицами, связанными иными корпоративными и близкими отношениями. В литературе высказывается мнение, что в данном случае перечень родственников или иных лиц, видов выгоды чрезмерно расширен и выходит за пределы уголовно-правового понятия коррупции.

Конфликт интересов на ранних стадиях не всегда является предоступительной реально существующей ситуацией, а может быть кажущимся. У сотрудника возникают противоречия между общественными интересами и личной выгодой, но личная выгода не наступает, и он сам может сделать правильный выбор. В таких случаях подтолкнуть, помочь не допустить сотруднику наступления негативных последствий могут профилактические мероприятия воспитательного характера, в мягкой форме осуществляемые руководителем, кадровыми аппаратами, комиссиями по вопросам, связанным с соблюдением требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Причины, по которым возникает конфликт интересов в рамках деятельности органов внутренних дел, следующие [4, с. 77]:

Во-первых, наличие подчиненности или подконтрольности между лицами, которые, так или иначе, связаны родственными узлами.

Несмотря на то, что законодатель предусмотрел возникновение таких ситуаций, установив запрет на прохождение службы

в ОВД близкими родственниками при условии наличия подчиненности и подконтрольности, понятие конфликта интересов все же выходит за рамки такого ограничения. Так, лица могут состоять в близких отношениях, которые выходят за рамки близкого родства или свойства, а также может возникнуть ситуация, когда один близкий родственник проводит проверку другого, но в другом отделе и признак подчиненности отсутствует. Указанные случаи являются примерами возникновения конфликта интересов.

Во-вторых, конфликт интересов может возникнуть при наличии у сотрудника иной оплачиваемой работы. С целью ограничения возникновения такой ситуации законодатель установил запрет на осуществление предпринимательской деятельности.

В-третьих, для нейтрализации возможного конфликта интересов установлен запрет на получение подарков и услуг, связанных с осуществлением деятельности.

В законодательстве о противодействии коррупции предусмотрена возможность принятия любого рода законных мер с целью недопущения возникновения конфликта интересов и обязательном информировании о возникновении данной ситуации. Если такой конфликт возникает, то обязанность по его решению возлагается на руководство подразделения ОВД, к числу которых относят: возможное отстранение или перевод сотрудника ОВД, либо отказ от выгоды, возникшей в результате конфликта интересов.

Следует отметить, что обязанность по самоконтролю в части недопущения, предотвращения и урегулирования конфликта интересов возлагается на сотрудников и работников, включенных в перечни, предусмотренные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Лицо, являющееся стороной конфликта интересов, в соответствии со ст. 11 Федерального закона № 273-ФЗ обязано:

- принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов;
- уведомить в порядке, определенном представителем нанимателя (работодателем) в соответствии с нормативными актами Российской Федерации, о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, как только ему станет об этом известно.

Представитель нанимателя (работодатель), если ему стало известно о возникновении у лица, указанного в ч. 1 ст. 10 настоящего Федерального закона, личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, обязан принять меры по предотвращению или урегулированию конфликта интересов.

Предотвращение или урегулирование конфликта интересов осуществляется путем отвода или самоотвода указанного лица в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Следует сказать и о п. 7 ст. 11 Федерального закона «О противодействии коррупции», где прописано, что в случае, если лицо, являющееся стороной в конфликте интересов, владеет ценными бумагами, оно обязано в целях предотвращения конфликта интересов передать эти ценные бумаги в доверительное управление. Однако условия передачи этих ценных бумаг в нормативных актах не определены.

Как показывает анализ содержания приведенных норм, их реализация носит многозатратный характер и может содержать элементы необъективности при оценке, нередко граничит с отступлением от принципа законности, поскольку они могут применяться на основе субъективных оценок конфликта интересов, нечетких условий распространения ограничений и запретов на близких родственников, да и само использование в ст. 10 Федерального закона № 273 понятия «связаны имущественными корпоративными или иными близкими отношениями» недостаточно точно: не ясно, по каким критериям определяется круг родственников, которые могут быть причастны к выгоде от конфликта интересов. Отсутствие в законодательстве необходимой нормы для регулирования определенной процедуры называется пробельностью закона и свидетельствует о его несоверженстве [2, с. 40].

Имеющиеся ведомственные методические рекомендации по правоприменению и научные комментарии проблему не разрешают, и даже комиссия по вопросам, связанным с соблюдением требований к служебному поведению и урегулированию конфликтов интересов, не всегда может это сделать. Судебные инстанции иногда тоже допускают ошибки. За нарушение правовых предписаний закон в части конфликта интересов, его предотвращения и урегулирования установил суровое наказание вплоть до увольнения виновных в связи с утратой доверия работника (п. 7.1 ст. 81 Трудового кодекса РФ) с помещением информации о данном факте в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О противодействии коррупции» в Реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия, а в худшем случае — привлечение к уголовной ответственности.

При возникновении конфликта интересов и получении уведомления о нем со стороны сотрудника ОВД, создается комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов [3]. К статусу такой комиссии на сегодняшний день предъявляется ряд вопросов. Низкая работоспособность и недостаточная эффективность таких комиссий выражена в недостатке квалифицированных кадров. Также не урегулирована практика участия «сторонних» членов в составе комиссии, возникают сложности с привлечением к деятельности комиссий представителей научных и образовательных организаций. Нуждаются в регламентации на федеральном уровне вопросы компетентности указанных представителей, механизм их отбора и приглашения, а также недопущения возможности для включения в состав комиссии знакомых и лояльных членов. Стоит также отметить, что государственный или муниципальный служащий не может отказать от сотрудничества с такой комиссией. Не может служащий и не исполнять требования законодателя об урегулировании конфликта интересов, в противном случае, такой служащий должен подлежать немедленному увольнению с занимаемой им должности и с государственной службы в целом [5, с. 458]. Однако приведенные меры не будут в полной мере эффективными, если большинство решений комиссий по урегулированию конфликта интересов не будут носить обязательный для руководителя государственного (муниципального) органа характер, а в настоящий момент, они как раз-таки носят рекомен-

дательный характер, что делает систему регулирования и предотвращения конфликта интересов несовершенной.

В связи с этим представляется целесообразным на федеральном уровне законодательно закрепить право на создание единой для муниципального района и входящих в его состав поселений комиссии по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов путем внесения дополнений в Закон о противодействии коррупции.

Полномочия комиссий по служебному поведению и урегулированию конфликта интересов должны быть расширены не только с учетом высказанных предложений. Также весьма полезно рассмотреть вопрос о предоставлении права запроса информации, необходимой для разрешения во-

просов, поставленных перед комиссиями, у граждан и организаций. Причем «... неисполнение законного требования комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих, урегулированию конфликта интересов должно обеспечиваться мерами административной, а в отношении должностных лиц органов государственной власти — и дисциплинарной ответственности», для реализации чего представляется необходимым внести соответствующие изменения в Кодекс РФ об административных правонарушениях и законодательство о государственной гражданской службе. Отказ от сотрудничества с такой комиссией или игнорирование требований законодательства должно быть безусловным основанием к увольнению с государственной службы.

Литература:

1. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228.
2. Гаухман Л. Д., Журавлев М. П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации / Л. Д. Гаухман, М. П. Журавлев // Уголовное право. — 2015. — № 1. — С. 40–43.
3. Как работает комиссия по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов // СПС КонсультантПлюс. 2022.
4. Сабинин А. А. Причины возникновения и способы урегулирования конфликта интересов в деятельности сотрудников ОВД / А. А. Сабинин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. — 2019. — № 4 (81). — С. 76–78.
5. Шуман К. А. Законодательные новации в области предотвращения конфликта интересов / К. А. Шуман. // Молодой ученый. — 2021. — № 4 (346). — С. 458–460.

Апелляция в цифрах, или Анализ изменений главы 39 Гражданского процессуального кодекса РФ

Нигоева Ирина Оникеевна, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Обращение в суд за защитой нарушенного права — один из способов разрешения возникшего между сторонами спора. Однако, вынесенное судом первой инстанции решение далеко не всегда является окончательным: та сторона, не в пользу которой вынесен судебный акт, более чем в 80% случаев обращается с апелляционной и последующими жалобами. Настоящая статья посвящена анализу как нормативной регламентации деятельности судов второй инстанции, так и осуществлению судами данного уровня своих полномочий с 09.12.2010 года, поскольку именно с этого момента наименование и структура главы 39 ГПК РФ «Производство в суде апелляционной инстанции» претерпели изменения в связи с принятием Федерального закона от 09.12.2010 № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации».

За двенадцать прошедших лет данная законодательная конструкция (речь идет о главе 39 ГПК РФ) доказала свою ста-

бильность: до настоящего времени в нее внесены изменения всего четырем нормативными актами — в 2013, 2016 и 2018, 2021 годах, а в ГПК РФ в целом с 2010 года по настоящее время было внесено изменений и дополнений более чем 80 нормативными актами.

Федеральным законом от 28.12.2013 № 436-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» — дополнена ст. 332 ГПК РФ, в новой редакции представлена ст. 333 ГПК РФ (Порядок подачи и рассмотрения частной жалобы, представления прокурора);

Федеральным законом от 02.03.2016 № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» — этим законом введена ст. 335.1 ГПК РФ (Апелляционные жалоба, представление на решение суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства);

Наиболее существенный блок изменений был внесен в главу 39 ГПК РФ Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — глава дополнена тремя статьями — 235.1 ГПК РФ (Возвращение дела судом апелляционной инстанции), 326.2 ГПК РФ (Приостановление судебных актов апелляционной инстанцией), 330.1 ГПК РФ (Порядок рассмотрения апелляционных жалобы, представления, поступивших в суд апелляционной инстанции после рассмотрения дела). Более того, в данной главе были изложены в новой редакции более 40% статей, ее образующих: ст.ст. 320.1, 322, 326.1, 327, 327.2, 329, 330, 331, 333 ГПК РФ. А учитывая, что всего глава 39 ГПК РФ представлена 24 статьями, в 2018 году в нее введены три новых нормы и редакционные изменения претерпели еще девять статей, то в 2018 году данная глава изменилась на 50% (но, следует отметить, что полномочия судов апелляционной инстанции ими затронуты незначительно).

Введением в действие Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ полномочия суда апелляционной инстанции были конкретизированы, в частности, закреплением полномочий суда апелляционной инстанции на возвращение дела в суд первой инстанции, если судом первой инстанции не было рассмотрено:

- 1) заявление о восстановлении срока на подачу апелляционных жалобы, представления;
- 2) замечание на протокол судебного заседания;
- 3) заявление о вынесении дополнительного решения, а также, если судом первой инстанции не было изготовлено мотивированное решение (ст. 325.1 ГПК РФ).

Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внес изменения в редакции ст.ст. 321, 322, 326, 326.2 ГПК РФ, регламентируя использование усиленной электронной подписи в электронном документообороте суда апелляционной инстанции.

30 июля 2019 г. вступил в силу Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». В нем предусмотрено создание на территории России пяти апелляционных и девяти кассационных судов общей юрисдикции, что изменило подход к апелляционному производству (но полномочия суда апелляционной инстанции данная норма не затронула).

Практика работы новой системы апелляционных судов общей юрисдикции доказала свою способность обеспечения большей независимости и объективности при рассмотрении гражданских дел в апелляционной инстанции.

Представляет интерес исследование статистики рассмотрения судами гражданских дел в апелляционной инстанции за пять лет (с 2017 года по 2021 год).

Так, анализируя данные об объективной нагрузке апелляционных судов в гражданском процессе, можно сделать вывод о влиянии пандемии коронавируса и вызванных этим явлением

проблем. Так, в 2020 г поступило апелляционных дел на 19,78% меньше, чем в 2019 г., но при этом процент не рассмотренных в соответствующем периоде и перенесенных на следующий год дел вырос на 1,81%. Отдельного внимания заслуживает факт непрерывного роста использования способов дистанционного участия в судебном процессе. Так, количество дел, рассмотренных в режиме ВКС, за 2021 г превышает аналогичный показатель 2017 г в 3,62 раза.

Подводя итог по сводным данным по оконченным за отчетный период делам, можно сделать вывод, что подавляющее большинство решений судов первой инстанции по гражданским делам в апелляционной инстанции оставляется без изменения (80,47%). Полномочия апелляционных судов на отмену решения и направления на новое рассмотрение реализованы в 16,40% случаях, и только 3,92% рассматриваемых в апелляционном порядке гражданских дел заканчиваются вынесением нового решения или изменением решения суда первой инстанции без отправления на новое рассмотрение.

Также можно отметить, что наиболее частой причиной изменения или отмены решения суда первой инстанции является нарушение или неправильное применение норм материального права (39,33% случаев), следующая по частоте причина — неправильное определение обстоятельств, имеющих значение для дела (29,98%). Гораздо реже (18,64% случаев) причиной является нарушение или неправильное применение норм процессуального права. С частотой 14,97% встречается несоответствие выводов суда I инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела и наиболее редко (3,25% случаев) приходится на недоказанность установленных судом I инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела.

Более того, необходимо обратить внимание на факт достаточно существенного сокращения количества поданных апелляционных жалоб на решения судов первой инстанции в 2020–2021 г по сравнению с 2017–2019 г., при одновременном повышении качества их подготовки, что можно уверенно связывать с таким явлением как пандемия. Так, количество обжалованных решений по существу в 2020 г. сократилось по отношению к 2019 г на 25,41%, но при этом на 4,08% вырос процент измененных или отмененных решений.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в судах апелляционной инстанции, было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», который указал на проблемные вопросы, возникающие в практике работы апелляционных судов общей юрисдикции, в частности, осветив следующие вопросы:

- Действия суда апелляционной инстанции после поступления дела с апелляционными жалобой, представлением (п.п. 31–36 Постановления);
- Рассмотрение дела судом апелляционной инстанции: порядок, сроки, пределы (п.п. 37–47 Постановления);
- Рассмотрение судом апелляционной инстанции дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета осо-

бенностей, установленных главой 39 ГПК РФ (п.п. 48–51 Постановления);

— Полномочия суда апелляционной инстанции по результатам рассмотрения жалобы, представления (п.п. 52–61);

— Постановление суда апелляционной инстанции. Протокол судебного заседания суда апелляционной инстанции (п.п. 62–66) и иные.

Поскольку задачей разъяснений положений применения нормативных актов, в частности, ГПК РФ, Постановлением Пленума ВС РФ является правильное и единообразное применение норм закона, вышеуказанное Постановление Пленума ВС РФ обращает внимание на возникающие в практике судов проблемы в ходе производства суда апелляционной инстанции.

Литература:

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 14.07.2022).— Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 18.08.2022).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции». — Текст: электронный // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388238/ (дата обращения: 18.08.2022).
3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год.— Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт].— URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 18.08.2022).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020 год.— Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт].— URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 18.08.2022).
5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год.— Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт].— URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 18.08.2022).
6. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год.— Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт].— URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 18.08.2022).
7. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2017 год.— Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт].— URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4476> (дата обращения: 18.08.2022).

Современное состояние и направления развития российского законодательства, регламентирующего деятельность органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России

Носова Мария Евгеньевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрены современное состояние, определены проблемы и основные направления развития российского законодательства, регламентирующего деятельность органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России.

Ключевые слова: пограничный контроль, Федеральная служба безопасности России, нормативные правовые акты, проблемы законодательства.

Деятельность органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России крайне важна, поскольку обеспечивает национальную и пограничную безопасность Российской Федерации. Функционирование органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России обусловлено многоуровневой структурой нормативных правовых актов. Действующие в указанной сфере правовые нормы уста-

новлены различными органами государства, на протяжении достаточно длительного временного периода, по разнообразным вопросам и содержатся в источниках различной юридической силы (в актах, принятых на законодательном и подзаконном уровнях). Данные факторы обуславливают необходимость обеспечения единства и согласованности всего многообразия существующих правовых норм, а интересы практики требуют

их дифференциации применительно к деятельности органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России.

На сегодняшний день правовые основы деятельности органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России на законодательном уровне составляют нормы более двадцати законов.

Законодательство о пограничной деятельности, являясь элементом системы высшего порядка, а именно законодательства о национальной безопасности Российской Федерации, отягощено противоречиями, заложенными в 90-е годы прошлого века.

Первая проблема — это загруженность правовой системы законами. А. А. Говоря об этой проблеме В. Е. Чеканов отмечал: «В настоящее время правовую основу обеспечения национальной безопасности России составляют более 250 законов и около 1000 подзаконных нормативных правовых актов, в том числе ведомственных» [1].

Вторая проблема видится в отсутствии единого понятийного аппарата как в науке, так и в законодательстве о национальной безопасности России. В. В. Бараненков писал: «Терминологическая неопределенность затрагивает и сферу деятельности федеральной службы безопасности, поскольку в нормотворческой и правоприменительной деятельности, в научной литературе в отношении федеральной службы безопасности и входящих в нее организаций применяется значительное количество терминов, весьма часто не соответствующих законодательству» [2].

Также, стоит отметить, что на сегодняшний день в федеральном законодательстве нет лаконичного легального определения термина «пограничная деятельность» [3].

Еще одной проблемой видится то, что в настоящее время не сформировано соглашение между Российской Федерацией и государствами, относящимися к Центрально-Азиатскому региону, относительно пересечения границы при предъявлении загранпаспортов, это может послужить причиной противоправного пересечения границы гражданами иностранных государств при предъявлении таких документов, как свидетельства о рождении, поскольку отсутствует возможность установить личность гражданина в процессе пересечения границы.

Помимо этого, можно отметить проблему, связанную с тем, что лица, въезжающие на территорию Российской Федерации, если въезд для них запрещен, нередко, находясь в своей стране, изменяют фамилию и прочие данные, и, вторично пересекая

границу, могут, таким образом, незаконным путем, прибегнув к обману сотрудников органов пограничного контроля ФСБ России, попасть на территорию нашего государства. Во время пересечения границы гражданами других государств, если они обходят пропускные пункты, не имея при себе необходимых документов, либо имея при себе документы, не являющиеся действительными, в случае задержания вышеуказанные граждане могут пояснять свое поведение тем, что граница не оборудована надлежащим образом, и гражданин якобы не имел сведений о том, куда ему следует направиться для законного пересечения границы. В данной ситуации, как правило, имеет место постановление относительно отказа в возбуждении уголовного дела. Нередко граждане иностранных государств прибегают к подобным ухищрениям, используя для собственной выгоды недочеты в нормативно-правовой базе.

Для решения рассмотренных проблем можно выделить ряд направлений совершенствования ведомственных нормативно-правовых актов деятельности органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России:

— формирование правового поля в пограничной сфере на принципах обеспечения общегосударственных интересов;

— проведение экспертизы существующей нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность органов пограничного контроля Федеральной службы безопасности России, приведение ее в соответствие со сложившимися общественными отношениями и новыми политическими и экономическими условиями;

— внесение в законодательство соответствующих изменений и дополнений, позволяющих ликвидировать пробелы в законодательстве, устранить правовые коллизии и противоречия, унифицировать терминологию, применяемую в законодательстве.

Можно прийти к выводу, что правоприменительная практика показала, что законодательство о государственной границе требует серьезной модернизации. Основные усилия в этом направлении должны быть сосредоточены на совершенствовании деятельности всех субъектов пограничных отношений. Необходимо сформировать единую систему защиты интересов государства в пограничной сфере, повысить эффективность государственного управления в области пограничной безопасности. При этом подлежат учету изменения в структуре федеральных органов исполнительной власти, обладающих компетенцией в области обеспечения безопасности.

Литература:

1. Чеканов В. Е. Некоторые проблемы развития военно-юридической науки и образования на современном этапе. Возможные пути их решения // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2010. № 1 (151). С. 4.
2. Бараненков В. В. Состав и структура федеральной службы безопасности (проблемы правовой терминологии) // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий. — М.: Эксмо, 2006. С. 192.
3. Пронищев В. Е. Правовые основы совершенствования пограничной деятельности / В. Е. Пронищев // Право в Вооруженных Силах. 2006. № 2. С. 34.

Проблемы, возникающие при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продлении в отношении подозреваемого и обвиняемого: взгляд практиков

Патенкова Юлия Алексеевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ежедневно судьи в силу своей профессиональной деятельности рассматривают ходатайства органов предварительного расследования об избрании меры пресечения и ее продлении в отношении подозреваемых и обвиняемых. В данной статье представлены некоторые проблемы, возникающие при избрании наиболее суровой меры пресечения — заключение под стражу и продлении срока содержания под стражей, которые приводят к отмене судебного решения или передаче дела на новое судебное разбирательство.

Ключевые слова: мера пресечения, заключение под стражу, продление срока содержания под стражей, отмена судебного решения, суд первой инстанции, апелляция, обвиняемый.

При решении вопросов об избрании меры пресечения и ее продлении суд проявляет одно из полномочий судебного контроля. Такие меры пресечения как домашний арест, залог, запрет определенных действий и, в особенности, заключение под стражу максимально ограничивают конституционные права граждан — свободу и личную неприкосновенность. С целью соблюдения вышеуказанных прав и свобод, а также недопущения нарушений со стороны судебной власти, законодательством установлены процессуальные гарантии законности и обоснованности избрания мер пресечения и ее продлении, которые закреплены как в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1], так и в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации [2].

Вопрос о порядке рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения и продления срока содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей сохраняет свою актуальность, поскольку, несмотря на гуманизацию уголовно-процессуального законодательства, судами в большинстве случаев применяется именно наиболее суровая мера пресечения в виде заключения под стражу. Об этом свидетельствуют и данные судебной статистики. Так, согласно отчету о работе судов общей юрисдикции за 12 месяцев 2021 года, судами рассмотрено 98034 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых 87905 удовлетворили, в отношении 3549 лиц избрали меру пресечения в виде домашнего ареста, в отношении 1125 избрали запрет определенных действий, в отношении 71 избрали меру пресечения в виде залога и в отношении 10129 суд отказал в удовлетворении ходатайства [3].

Председатель Верховного суда Российской Федерации Лебедев В. М. неоднократно обращал внимание судей на необходимость реализации возможности по избранию более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу, для обвиняемых в совершении ненасиленных преступлений. Вместе с тем, «в 2021 году судами рассмотрены уголовные дела в отношении 24,7 тысяч лиц, обвиняемых в преступлениях средней тяжести и содержащихся под стражей. Более 2 тысячи человек из них имели постоянное место жительства и не имели судимостей, и половине из них были назначены наказания, не связанные с лишением свободы. Кроме того, в 2021 году судами рассмотрены уголовные дела в отношении 16 тыс. лиц, содержащихся под стражей и обвиняемых в совершении тяжких пре-

ступлений в сфере экономики. Почти треть из них имели постоянное место жительства и не имели судимости. И почти каждому третьему в итоге было назначено наказание, не связанное с лишением свободы». Вместе с тем, по статистике Верховного суда Российской Федерации «в первом квартале 2022 года судами рассмотрено более 22,5 тысяч ходатайств следователей об аресте, из которых было удовлетворено более 22,1 тысяч материалов или 90%. При этом домашний арест был избран в отношении 3,1 тысяч граждан, а под залог отправлены только 32 человека» [4].

Обратимся к процедуре избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

В досудебном производстве процедура по избранию меры пресечения в виде заключения под стражу или продления данной меры пресечения начинается с ходатайства органа расследования как повода к рассмотрению в суде [5]. Порядок заявления данного ходатайства предусмотрен в части 3 статьи 108 УПК РФ, при этом, несмотря на отсутствие прямого указания в законе, подразумевается, что ходатайство должно быть подано должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, иначе это влечет за собой существенное нарушение уголовно-процессуального законодательства.

Так, Санкт-Петербургский городской суд отменил Постановление Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 25 июля 2019 года в отношении обвиняемого Т. по следующим основаниям. В 2018 году следователем по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении неустановленных лиц по факту хищения путем обмана древесины, являющейся собственностью РФ. 08 июля 2019 года уголовное дело было изъято из производства следователя по особо важным делам второго следственного отделения отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области и передано для организации дальнейшего расследования руководителю Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу. Подозреваемому Т. Была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, которая неоднократно продлевалась в установленном

законом порядке, последний раз продлен Приморским районным судом Санкт-Петербурга до 09 месяцев 19 суток, то есть по 26 июля 2019 года. Срок предварительного следствия по данному уголовному делу также последовательно продлевался, последний раз был продлен 28 июня 2019 года надлежащим лицом — заместителем Председателя Следственного комитета Российской Федерации. В дальнейшем следователь вновь обратился в суд с ходатайством о продлении в отношении обвиняемого Т. срока содержания под стражей на 02 месяца 11 суток, а всего до 12 месяцев 00 суток, то есть по 07 октября 2019 года включительно. По результатам рассмотрения ходатайства судом вынесено обжалуемое постановление. Рассмотрев и удовлетворив ходатайство следователя, суд первой инстанции существенно нарушил нормы уголовно-процессуального законодательства, поскольку при изучении поступивших материалов, суд апелляционной инстанции обоснованно отметил, что данное уголовное дело постановлением заместителя председателя Следственного комитета РФ изъято из производства следователя по особо важным делам второго следственного отделения отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области и передано для организации дальнейшего расследования руководителю Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу. При указанных обстоятельствах законные основания как для возбуждения следователем по особо важным делам второго следственного отделения отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета РФ по Ленинградской области перед судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей обвиняемого Т. на 16 июня 2019 г., так и согласования указанного постановления и.о. руководителя следственного управления Следственного комитета РФ по Ленинградской области отсутствовали, и оно не могло быть принято к рассмотрению по существу. В результате указанных незаконных действий данных должностных лиц суд первой инстанции был введен в заблуждение, что повлекло вынесение незаконного решения в отношении обвиняемого Т. о содержании его под стражей вплоть до 22 августа 2019 года. Суд апелляционной инстанции отменил Постановление Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 25 июля 2019 года в отношении обвиняемого Т., производство по ходатайству следователя по особо важным делам второго следственного отделения отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета РФ по Ленинградской области о продлении срока содержания под стражей гражданина Т. прекратил и освободил гражданин Т. из-под стражи [6].

Достаточно сложная ситуация на практике обстоит и с продлением срока содержания под стражей, поскольку, как неоднократно отмечали действующие адвокаты «в Уголовно-процессуальном кодексе РФ содержатся формальные ограничения, определяющие максимальный срок содержания под стражей в период предварительного расследования, за пределами которого, по общему правилу, дальнейшее пребывание обвиняемого под стражей недопустимо» [7].

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает ряд ограничений при избрании наиболее суровой из мер пресечения — меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, в соответствии с ч. 11 ст. 108 УПК РФ и в соответствии с разъяснением, содержащимся в п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных статьями 159–159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, суд во всех случаях должен выяснить, в какой сфере деятельности совершено преступление.

Вместе с тем, на практике бывают случаи, когда суд не исследует в судебном заседании вопрос о наличии или отсутствии условий для отнесения деяния, в котором подозревается лицо, к совершенным в сфере предпринимательской деятельности, что имеет существенное значение для установления оснований для избрания в отношении подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, Санкт-Петербургский городской суд отменил обжалуемое адвокатом Постановление Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 11 декабря 2019 года об избрании в отношении подозреваемого Д. меры пресечения в виде заключения под стражу с передачей дела на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда. Основанием послужило то, что судом первой инстанции не было выполнено требование п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41.

Согласно существу выдвинутого в отношении гражданина Д. подозрения, отраженного в протоколе его задержания, Д. подозревается в том, что совместно с иными лицами будучи руководителем ООО «Большерк» путем мошенничества преднамеренно уклонился от исполнения договорных обязательств.

Как следует из протокола судебного заседания и содержания обжалуемого постановления, в ходе судебного разбирательства судом не были исследованы, и в обжалуемом постановлении не получили оценки обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения ходатайства следователя. Оставление судом без исследования и оценки обстоятельств, имеющих существенное значение для принятия решения по заявленному ходатайству, свидетельствует об уклонении суда от выполнения обязанности по всестороннему и полному исследованию обстоятельств дела в целях принятия законного, обоснованного и мотивированного решения, что ставит под сомнение саму процедуру судопроизводства и, являясь существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона, влечет отмену постановления суда с передачей ходатайства следователя на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе суда, поскольку такое нарушение не может быть устранено в суде апелляционной инстанции.

Вместе с тем, в целях надлежащего проведения судебного заседания в разумные сроки с учетом совокупности данных о характере и степени общественной опасности преступления в соответствии с выдвинутым в отношении Д. подозрением, а так же данных о личности подозреваемого, суд апелляционной ин-

станции полагал необходимым избрать в отношении Д. меру пресечения в виде заключения под стражу на срок, достаточный для принятия судом нового решения по ходатайству следователя [8].

Таким образом, законодательством установлен процессуальный порядок избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу и продления срока содержания под стражей. Вместе с тем, учеными процессуалистами неоднократно обращалось внимание на отсутствие в уголовно-процессуальном законе должного закрепления процессуального механизма контроля в досудебном уголовном процесса.

Действительно, каждый этап этого сложного и комплексного механизма должен обеспечивать соблюдение конституционных прав граждан. В связи с этим, поддерживаем авторов о необходимости внесения изменений в главу 13 УПК РФ или же

дополнения ее статьей 101.1 с целью закрепления процессуального порядка избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу и ее продления. Так, необходимо прописать о том, что с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продления срока содержания под стражей может выходить лишь то должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело. Согласование ходатайства должно осуществляться лишь с должностным лицом, осуществляющим ведомственный процессуальный контроль.

Упорядоченность процессуального порядка рассмотрения судом ходатайств об избрании мер пресечения и продления сроков содержания под стражей имеет важное значение, позволяющее не только создавать условия для реализации прав подозреваемого и обвиняемого, но выносить судом законные и обоснованные решения.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24 сентября 2022 года) // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921. — 2022. — № 13. — Ст. 1952.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Российская газета. 2013. 27 дек.
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел первой инстанции. URL: [http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120] (дата обращения: 24.08.2022).
4. Глава ВС РФ призвал судей не пренебрегать возможностью смягчения мер пресечения // URL: https://www.interfax.ru/russia/842524 (дата обращения: 24.08.2022).
5. Пальчикова Н. В. Процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу / Н. В. Пальчикова // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — 2019. — № 5–1. — С. 125–129.
6. Архив Санкт-Петербургского городского суда. Дело № 3/2–297/19. Рег. № 22К-6411/19 от 22 августа 2019 года.
7. «Бесконечные» сроки содержания под стражей // URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/beskonechnye-sroki-soderzhaniya-pod-strazhey/ (дата обращения: 27.08.2022).
8. Архив Санкт-Петербургского городского суда. Дело № 3/1–270/2019. Рег. № 22к-740/2020 от 29 января 2020 года.

Анализ положений Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и особенности его реализации в свете действия постановления Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336

Пахтусов Олег Олегович, студент магистратуры
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород)

В статье рассматриваются основные нововведения в деятельности государственного контроля (надзора) страны, обусловленные вступлением в силу Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», проводится сравнительный анализ действующего законодательства в рассматриваемой области, выявляются правовые коллизии и приводятся возможные пути решения выявленной проблематики.

Ключевые слова: безопасность, государственный надзор, проверка, предписание, профилактический визит.

01.07.2021 вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». С этого мо-

мента кардинально поменялся подход к осуществлению государственного контроля (надзора) в стране. В общем и целом он пришел на смену другому Федеральному закону от 26.12.2008

№ 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», который не отменен.

В новом законе представлено много новых положений и понятий. Так, впервые закон устанавливает гарантии защиты прав граждан как контролируемых лиц. Под контролируемыми лицами в законе понимаются граждане и организации, деятельность, действия или результаты деятельности которых либо объекты, находящиеся во владении и (или) в пользовании которых, подлежат государственному контролю (надзору). Под гражданами понимаются физические лица — граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, в том числе осуществляющие предпринимательскую деятельность (индивидуальные предприниматели). Граждане, не осуществляющие предпринимательской деятельности, признаются контролируемыми лицами в случае владения и (или) пользования объектами, являющимися объектами контроля [2]. 294-ФЗ защищал права только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Очень важное и нужное изменение в современных реалиях, когда граждане, владеющие или пользующиеся объектами, ранее просто не попадали под соответствующие проверки, а если и попадали, то взаимоотношения контролирующего органа и гражданина никак не регламентировались либо находились в зачатке в плане запрета проверок граждан, а отсутствия регламентации взаимоотношений, тем самым позволяя надзорным органам самостоятельно без участия в процессе органов прокуратуры и построения какой-либо планомерной работы, в достаточной степени даже хаотично, осуществлять мероприятия по контролю на основании ведомственных нормативных правовых актов.

Еще одно отличие, в рассматриваемом новом законе перечень участников государственного надзора дополнен такими понятиями как свидетель и специалист, уточнены понятия экспертной организации и эксперта.

Судебное обжалование решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц стало возможно только после их досудебного обжалования, за исключением случаев обжалования в суд гражданами, не осуществляющими предпринимательской деятельности [2]. Данная норма призвана, в первую очередь, разгрузить судебную систему, погрязшую в процессах обжалования решений, действий (бездействия) должностных лиц надзорных органов и сократить сроки рассмотрения такого рода дел и восстановления прав контролируемых лиц.

Контрольные (надзорные) мероприятия в 248-ФЗ теперь представлены следующими видами: контрольная закупка, мониторинговая закупка, выборочный контроль, инспекционный визит, рейдовый осмотр, документарная проверка, выездная проверка, наблюдение за соблюдением обязательных требований и выездное обследование. Два последних вида осуществляются без взаимодействия с контролируемым лицом, а в случае с выездным обследованием отсутствует возможность выдачи предписания об устранении нарушений в случае их установления. Для сравнения, в 294-ФЗ проверки были представлены в виде документарных и выездных проверок плано-

вого и внепланового характера. Все они требовали взаимодействия с проверяемым лицом. Единственное мероприятие, которое не предусматривало взаимодействие, был плановый (рейдовый) осмотр, который не мог проводиться в отношении конкретного лица и не должен был подменять собой проверку. При этом отмечаю, что выездное обследование хоть и проводится без взаимодействия с контролируемым лицом, но осуществляется в целях оценки соблюдения контролируемыми лицами обязательных требований. Проще говоря, в 248-ФЗ все виды надзорных мероприятий замкнуты на контролируемое лицо. Появилась конкретика, посетить объект надзора по усмотрению инспектора, не имея на то оснований, возможность теперь отсутствует, в отличие от планового (рейдового) осмотра по 294-ФЗ, где каких-либо ограничений предусмотрено не было. Сроки проведения проверок существенно сокращены с 20 рабочих дней для всех проверок в 294-ФЗ до 1 и 10 рабочих дней в зависимости от вида контрольного (надзорного) мероприятия в 248-ФЗ.

Контрольные (надзорные) мероприятия в новом законе можно проводить на плановой и внеплановой основе только путем совершения инспектором и лицами, привлекаемыми к проведению контрольного (надзорного) мероприятия, следующих контрольных (надзорных) действий: осмотр, досмотр, опрос, получение письменных объяснений, истребование документов, отбор проб (образцов), инструментальное обследование, испытание, экспертиза, эксперимент. Исчерпывающий перечень возможных действий индивидуально предусмотрен для каждого вида контрольного (надзорного) мероприятия. Данное положение впервые закреплено на законодательном уровне и дает ощущение прозрачности и доступности понимания инструментария при проведении мероприятий по надзору как для проверяющего, так и для проверяемого.

В случае выявления при проведении контрольного (надзорного) мероприятия нарушений обязательных требований контролируемым лицом, контрольный (надзорный) орган обязан выдать после оформления акта контрольного (надзорного) мероприятия контролируемому лицу предписание об устранении выявленных нарушений с указанием разумных сроков их устранения [2]. В 294-ФЗ была предусмотрена выдача предписания с указанием сроков их устранения [3]. Знаковое отличие двух законов здесь именно в том, что 248-ФЗ упоминает о разумности сроков устранения нарушений и дает возможность отсрочить исполнение предписания на срок до одного года при наличии обстоятельств, вследствие которых исполнение предписания невозможно в установленные сроки. В 294-ФЗ такого права предусмотрено не было.

Отдельного внимания заслуживает блок профилактических мероприятий. Проведение профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда (ущерба), является приоритетным по отношению к проведению контрольных (надзорных) мероприятий. При этом должны обеспечиваться стимулы к добросовестному соблюдению обязательных требований и минимизации потенциальной выгоды от нарушений [2]. В законе указаны виды и механизмы осуществления профилактики, которые можно проводить надзорным органам в рамках профилактики рисков причинения вреда

(ущерба) охраняемым законом ценностям. В отличие от 294-ФЗ, в котором профилактические мероприятия упоминаются, по сути, всего лишь в одной статье, в новом законе профилактические мероприятия представлены отдельными видами — информирование, обобщение правоприменительной практики, применение мер по стимулированию добросовестности, объявление предостережений, осуществление консультирования, самообследование, профилактические визиты, и понятийными их разъяснениями. Определено, что контрольные (надзорные) органы при проведении профилактических мероприятий осуществляют взаимодействие с гражданами, организациями только в предусмотренных законом случаях, при этом профилактические мероприятия, в ходе которых осуществляется взаимодействие с контролируруемыми лицами, проводятся только с согласия контролируемых лиц либо по их инициативе [2].

Профилактический визит заслуживает особого внимания. Данный вид профилактической работы представлен впервые. Профилактический визит проводится инспектором в форме профилактической беседы по месту осуществления деятельности контролируемого лица либо путем использования видео-конференц-связи. В ходе профилактического визита контролируемое лицо информируется об обязательных требованиях, предъявляемых к его деятельности либо к принадлежащим ему объектам контроля, их соответствии критериям риска, основаниях и о рекомендуемых способах снижения категории риска, а также о видах, содержании и об интенсивности контрольных (надзорных) мероприятий, проводимых в отношении объекта контроля исходя из его отнесения к соответствующей категории риска [2].

И вот после таких, как казалось, глобальных нововведений, когда вроде бы наконец-то появился федеральный закон, который максимально предусмотрел все аспекты надзорной деятельности, который нужно было максимально практиковать и нарабатывать при этом практический опыт его применения, спустя менее 9 месяцев с момента вступления в силу 248-ФЗ Правительством Российской Федерации издается постановление от 10.03.2022 № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Помимо множественных запретов и ограничений в 2022–2023 годах на проведение плановых контрольных (надзорных) мероприятий, проверок, обязательности согласования с органами прокуратуры внеплановых мероприятий в связи с истечением срока исполнения предписания об устранении нарушений, выдачи предписаний исключительно в случае выявления нарушений, влекущих непосредственную угрозу причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью, возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, ущерба обороне страны и безопасности государства, Постановлением 336 предусмотрено право вместо проверок в 2023 году проводить в отношении государственных и муниципальных учреждений дошкольного и начального общего образования, основного общего и среднего общего образования, объекты контроля которых отнесены к категориям чрезвычайно высокого и высокого риска, профилактические визиты продолжительностью один день, не предусматривающий возможность отказа от его проведения [4].

Профилактический визит проводится, в том числе в целях оценки соблюдения обязательных требований, и предусматривает возможность проведения осмотра, отбора проб (образцов), истребования документов, испытания, инструментального обследования, экспертизы. Срок проведения профилактического визита может быть продлен на срок, необходимый для инструментального обследования, но не более 3 рабочих дней. Если по результатам такого профилактического визита выявлены нарушения обязательных требований, то контролируемому лицу или органу, осуществляющему функции и полномочия учредителя контролируемого лица, выдается предписание об устранении выявленных нарушений [4].

Как раз здесь кроется самое интересное, происходит явная подмена понятий работы, направленной на профилактику правонарушений, и надзорной деятельности, направленной на выявление и пресечение нарушений обязательных требований, недопущение причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям или прекращение его причинения.

Получается, что Постановление 336 противоречит основам 248-ФЗ, где надзорная и профилактическая деятельность четко разграничена. До конца не понятно, для чего нужно было наделять надзорный орган полномочиями по проведению полноценной проверки в рамках профилактического визита, при этом запретив надзорные мероприятия. Ведь набор контрольных (надзорных) действий при проведении профилактического визита по Постановлению 336 идентичен набору почти всех видов надзорных мероприятий, таких как рейдовый осмотр, выездная проверка и инспекционный визит. Здесь и предписание выдать разрешается и виновное лицо привлечь к административной ответственности допустимо.

Если учесть, что согласно 248-ФЗ профилактический визит проводится инспектором в форме профилактической беседы по месту осуществления деятельности контролируемого лица либо путем использования видео-конференц-связи и можно только осуществлять сбор сведений, необходимых для отнесения объектов контроля к категориям риска, ситуация становится еще более запутанной, ведь по результатам профилактического визита составляется лист беседы, а предписание выдается только после составления акта контрольного (надзорного) мероприятия, коим профилактический визит не является по определению. 248-ФЗ категорически запрещает выдавать предписания об устранении нарушений обязательных требований в результате профилактического мероприятия. Положения Постановления 336 в крайней степени идут в разрез с 248-ФЗ.

В 248-ФЗ установлено, что при осуществлении государственного контроля (надзора) проведение профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда (ущерба), является приоритетным по отношению к проведению контрольных (надзорных) мероприятий. На деле получается, что проверка контролируемого лица замаскирована под профилактическую работу. А как выявлять нарушения по видео-конференц-связи вообще не понятно. Для чего и почему это было сделано не известно. Данная ситуация, на мой взгляд, лишь создает череду неясностей и правовых коллизий, которые однозначно не пойдут на пользу в деле обеспечения безопасности, что является первостепенной задачей надзорных органов.

248-ФЗ был призван устранить несистемность правового регулирования государственного контроля (надзора), упростить контрольную (надзорную) деятельность, создать полноценную защиту прав контролируемых лиц, что в целом должно было обеспечить законность, прозрачность и эффективность контрольной (надзорной) деятельности, а также снижение количества споров при осуществлении контроля. К сожалению, этого не случилось, ведь даже беглым взглядом можно рассмотреть значительное несовершенство взаимодействия 248-ФЗ и Постановления 336 с точки зрения юридической науки, права и логики.

Решением выявленной проблематики может стать однозначное возвращение к основам, предусмотренным 248-ФЗ.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N248-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.08.2020, N31 (часть I), ст. 5007, «Российская газета», N171, 05.08.2020.
3. Федеральный закон от 26.12.2008 N294-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // «Российская газета», N266, 30.12.2008, «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N52 (ч. 1), ст. 6249, «Парламентская газета», N90, 31.12.2008.
4. Постановление Правительства РФ от 10.03.2022 N336 (ред. от 01.10.2022) «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.03.2022, «Собрание законодательства РФ», 14.03.2022, N11, ст. 1715.
5. Постановление Правительства РФ от 12.04.2012 N290 (ред. от 28.09.2022) «О федеральном государственном пожарном надзоре» (вместе с «Положением о федеральном государственном пожарном надзоре») // «Собрание законодательства РФ», 23.04.2012, N17, ст. 1964, «Российская Бизнес-газета», N16, 24.04.2012.

Некоторые проблемные аспекты прекращения уголовных дел на стадии судебного разбирательства

Пашнина Виктория Дмитриевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

Институт прекращения уголовных дел широко распространён на практике. Согласно статистике о прекращении уголовных дел в суде, за предыдущий 2021 г. количество уголовных дел, прекращённых в связи с отменой или изменением закона составляет 58, в связи с применением амнистии — 27, в связи с деятельным раскаянием 11 606, в связи с примерным с потерпевшим — 103 649, за отсутствие жалобы (согласия) потерпевшего — 384, в связи с принудительными мерами воспитательного воздействия — 1 577, по иные основания — 53 197. Несмотря на широкое применение норм статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), всё же остаются некоторые проблемные аспекты [1].

Одной из актуальных проблем института прекращения уголовного дела является противоречие положений п. 1 ч. 1 ст. 254 УПК РФ и 302 УПК РФ.

Не смотря на то, что закон относительно новый, проведенный анализ его положений подтверждает его актуальность и сбалансированность в условиях современности. Категорически не стоит подменять понятия профилактической работы и надзорных мероприятий. Менее правильным решением, на мой взгляд, может стать внесение изменений в 248-ФЗ в части пересмотра понятия профилактических мероприятий в сторону наделения их функцией и инструментарием, позволяющими в исключительных случаях приобретать им вид некоего контрольного (надзорного) мероприятия, с обязательным приведением конкретного перечня обстоятельств (причин), требующих такого рода трансформаций.

Так, согласно ч. 8 ст. 302 УПК РФ, в случае обнаружения в судебном заседании оснований, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ (истечение сроков давности уголовного преследования) и п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (издание акта об амнистии), суд должен продолжить рассмотрение уголовного дела в обычном порядке до его разрешения по существу. В данном случае, при установлении вины подсудимого, выносятся обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания. В тоже время согласно п. 1 ст. 254 УПК РФ, в случае истечения сроков давности или издания акта об амнистии уголовное дело подлежит прекращению. Кроме того, ст. 389 УПК РФ относит непрекращение уголовного дела судом при наличии оснований, предусмотренных ст. 254 УПК РФ, к безусловным основаниям отмены или изменения судебного решения [2].

Известный российский адвокат Михаил Иванович Трепашкин рассматривал данную проблему в своей статье «Кон-

куренции между ч. 1 ст. 254 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ нет». Трещинкин М. И. приводит ряд примеров, где подсудимыми и их защитниками в ходе судебного заседания были заявлены ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с изданием акта амнистии. В удовлетворении данных ходатайств судьями было отказано, ссылаясь на то, что не исследованы все доказательства по делу, и что решение будет принято в ходе вынесения приговора. Таким образом, данные примеры показывают игнорирование ст. 254 УПК РФ, согласно которой уголовное дело должно быть прекращено в связи с изданием акта амнистии. Адвокат считает, что данные решения незаконны, а для разрешения конкуренции между нормами ст. 254 УПК и 302 УПК, следует руководствоваться следующим: в случае выявления в ходе судебного разбирательства, что срок давности уголовной ответственности истёк либо имеется акт амнистии, суд обязан:

а) вынести отдельное постановление о прекращении уголовного преследования в отношении подсудимого в связи с истечением срока давности либо издания акта амнистии, продолжив судебное разбирательство по остальным составам преступлений;

б) в случае возражения обвиняемого (подсудимого), продолжить судебное разбирательство в обычном порядке, а в ходе вынесения приговора освободить уже не от уголовной ответственности, а от уголовного наказания (как указано в ч. 8 ст. 302 УПК РФ) [3].

Действительно, в определении Конституционного суда Российской Федерации от 15.05.2008 г. N292-О-О, указано: «Обязательным условием для принятия — до завершения в установленном порядке судебного разбирательства — решения о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности является получение на это согласия подозреваемого (обвиняемого). В противном случае ему должна быть предоставлена возможность реализовать свое право на судебную защиту, что осуществимо лишь при проведении полноценного судебного разбирательства». Конституционный суд пришел к следующему выводу: «таким образом, производство по уголовному делу при обнаружении в ходе судебного разбирательства такого основания прекращения уголовного дела, как истечение сроков давности, может быть продолжено лишь по волеизъявлению обвиняемого, освобождение его в случае вынесения обвинительного приговора не от уголовной ответственности, а от наказания в порядке части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод».

Ещё одним проблемным аспектом института прекращения уголовных дел является вопрос о возможности прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего (п. 1ч.1 ст. 254 УПК РФ). В случае прекращения уголовного дела по ука-

занному основанию, в обязательном порядке следует учитывать постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П, в соответствии с которым при прекращении уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) необходимо согласие его близких родственников (иных заинтересованных лиц). Согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ к числу близких родственников относятся: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки. В тоже время законом не предусмотрен конкретный перечень «иных заинтересованных лиц», чьё согласие необходимо для прекращения уголовного дела.

В статье «Особенности производства расследования по уголовным делам в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого)» Цоколова О. И. и Карпенко В. М. высказали мнение о том, что под иными заинтересованными лицами следует понимать иных родственников покойного при отсутствии близких родственников, а также лица, находившегося на иждивении умершего. Авторы предполагают, что родственник покойного, не относящийся к числу близких, а также иное лицо (например, иждивенец) в случае заинтересованности в защите интересов умершего должен проявить инициативу и обратиться с соответствующим ходатайством. Отсутствие каких-либо обращений свидетельствует о незаинтересованности иных родственников и прочих лиц в участии в уголовном деле и дает основания для прекращения уголовного дела [4]. Такой же позиции придерживаются многие ученые, например, И. Л. Петрухин в своей работе «Оправдательный приговор и право на реабилитацию» также обращает внимание на отсутствие в законодательстве перечня лиц, которых следует относить к числу заинтересованных лиц, которые имеют право ходатайствовать о продолжении производства по уголовному делу в отношении умершего. Автор говорит о том, что законом должен быть четко определен круг лиц, чьё согласие необходимо для прекращения уголовного дела, а также закреплён их процессуальный статус [5].

Следует отметить, что указанная проблема имеет место не только на стадии судебного производства, но и в процессе досудебного производства.

В данной статье рассмотрены только некоторые проблемы института прекращения уголовных дел, исходя из анализа приведённых норм можно сделать вывод, что, во-первых, необходимо согласовать ч. 8 ст. 302 УПК РФ и п. 1 ст. 254 УПК РФ в целях единообразного применения норм, регламентирующих порядок прекращения уголовного дела в случаях истечения сроков давности уголовного преследования и издания акта об амнистии.

Во-вторых, Уголовно-процессуальный кодекс нуждается в необходимости определения круга лиц, имеющих право настаивать на продолжении производства по уголовному делу в случае смерти подозреваемого (обвиняемого).

Литература:

1. Состояние преступности в Российской Федерации. — Текст: электронный // МВД России: [сайт]. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения: 31.10.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 31.10.2022).
3. Трепашкин, С. М. Конкуренция между ч. 1 ст. 254 и ч. 8 ст. 302 УПК РФ нет (заметки адвоката) / С. М. Трепашкин. — Текст: электронный // Ваш адвокат: [сайт]. — URL: <http://www.trepashkin.com/news/articles?id=179> (дата обращения: 31.10.2022).
4. Цоколова, О. И. Особенности производства расследования по уголовным делам в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) / О. И. Цоколова, В. М. Карпенко. — Текст: непосредственный // Научный портал МВД России — 2015. — № 1(29). — С. 11–16.
5. Петрухин, И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию / И. Л. Петрухин. — Москва: Проспект, 2009. — 191 с. — Текст: непосредственный.

Актуальные вопросы собирания доказательств следователями и дознавателями в ходе предварительного расследования

Пономарева Светлана Николаевна, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В работе проводится анализ законодательства, регламентирующего собирание доказательств следователями и дознавателями в ходе предварительного расследования. Выявлены практические проблемы и противоречия и предложены варианты их разрешения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, доказывание, доказательства, собирание доказательств.

Конституцией РФ декларируется высшая ценность прав и свобод граждан. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, государство берет на себя обязанность защищать права и свободы граждан [1]. Для решения данной задачи необходимы развитие, актуализация отраслевого законодательства (в том числе, уголовного), в соответствии с особенностями развития государства и общества.

Уголовное судопроизводство имеет следующую направленность:

- на защиту прав и свобод потерпевших;
- на защиту личности от необоснованных обвинений.

Предварительное расследование является одной из наиболее трудоемких, по объему реализуемых следственных действий, документообороту стадией уголовного судопроизводства. Основная цель предварительного расследования — это обеспечение органов правосудия доказательной информацией об обстоятельствах преступления (или установление отсутствия оснований для судебного разбирательства по делу), которые имеют значение для рассмотрения дела по существу. В ч. 1 ст. 73 УПК РФ приведен перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию [2]. От доказанности или недоказанности данных обстоятельств зависит решение одного из ключевых вопросов уголовного дела — об уголовной ответственности. Помимо этого, в процессе уголовного производства устанавливаются и другие обстоятельства, которые носят промежуточный характер. Сведения о наличии данных обстоятельств используются для построения логических выводов о наличии или отсутствии обстоятельств главного факта. Таким образом, доказыванию принадлежит центральная роль на этапе предварительного расследования.

Законодателем регламентирован перечень возможных доказательств, порядок проведения следственных действий, тре-

бования к фиксации полученных данных. В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ, доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Такие доказательства не имеют юридической силы и, соответственно, не могут быть использованы как основа логических выводов в доказывании главных фактов.

Таким образом, собиранию доказательств на этапе предварительного следствия принадлежит ключевая роль. От того, насколько тщательно будет осуществляться процесс собирания доказательств, зависит объем информации, которым будут располагать органы правопорядка, а также характер логических выводов, сделанных на основе данных доказательств, доказанность (или недоказанность) главных фактов, разрешение дела (и, как итог, качество защиты прав и свобод граждан). В самом общем видении, проработанность вопросов собирания доказательств на этапе предварительного расследования связана с качеством работы органов правосудия на этапе предварительного расследования, с эффективностью деятельностью органов правосудия в целом. В этой связи, важным является анализ актуальных вопросов собирания следователями и дознавателями доказательств на этапе предварительного расследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 150 УПК РФ, основными формами предварительного расследования являются следствие и дознание. В п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ дается указание на то, что дознаватель уполномочен самостоятельно производить следственные и процессуальные действия (за исключением тех действий, для производства которых требуется согласие начальника органа дознания). В п. 3 ч. 3 ст. 38 УПК РФ закреплены полномочия следователя на проведение следственных действий. В этой связи значительный интерес представляет изучение актуальных вопросов деятельности следователя и дозна-

вателя по сбору доказательств на этапе предварительного расследования.

В ч. 1 ст. 74 УПК РФ законодателем дается определение понятия «доказательства». К доказательствам законодатель относит «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [2]. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ приведен перечень возможных доказательств: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы [2].

Анализируя определение понятия, данное законодателем, можно отметить, что носит чрезмерно расширенный характер. Относя к доказательствам «любые сведения», посредством которых устанавливается наличие или отсутствие «главных фактов», противоречит сути доказательности, так к категории «любых сведений» может быть отнесена информация в различной степени ее истинности и полноты. В этом контексте целесообразным использовать предложенные И. О. Воскобойник и М. Г. Гайдышевой термин «фактические данные» [4, с. 75], включая его в уже данное законодателем определение: «фактические, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Доказывание, в соответствии со ст. 85 УПК РФ, заключается в сборе, проверке и оценке доказательств. В то же время, следует отметить, что законодатель не дает определения понятию «сбор доказательств» [2].

А. И. Винберг приводит следующее определение данного понятия: сбор доказательств – это «совокупность действий по обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению различных доказательств» [3, с. 16]. Автором при определении понятия используется обозначение последовательности действий субъектов сбора доказательств. С одной стороны, такая конструкция определения понятия указывает на комплексный характер действий субъектов сбора доказательств. С другой стороны, данный перечень действий не является фиксированным и исчерпывающим.

П. А. Лупинская определяет сбор доказательств «как совершение субъектами доказывания, в пределах их полномочий, действий, направленных на обнаружение, истребование, получение и закрепление в установленном законом порядке доказательств» [5, с. 355].

Достоинством определения, предложенного П. А. Лупинской, является указание на то, что доказательства должны быть получены в установленном законом порядке, а действия субъектов сбора доказательств должны быть реализованы в границах их полномочий. Данные указания имеют важное значение в контексте допустимости доказательств (недопустимые доказательства не имеют юридической силы).

И. Г. Рогава, Н. А. Вифлянцева рассматривают сбор доказательств как «деятельность различных субъектов доказывания, которая направлена на получение информации, имеющей значение для разрешения уголовного дела» [6, с. 311]. Определение, данное И. Г. Роговой и Н. А. Вифлянцевой, имеет расширенный и обобщенный характер.

В определении понятия «сбор доказательств» мы считаем необходимым:

- учитывать определение понятия «доказательства»;
- отказаться от перечня действий субъектов доказывания,

так как нельзя гарантировать, что данный перечень будет исчерпывающим.

Исходя из этого, нами предлагается следующий вариант определения: сбор доказательств — это «совершение субъектами доказывания, в пределах их полномочий, в порядке, установленном УПК РФ, действий, направленных на получение фактологических данных, имеющих значение для рассмотрения уголовного дела по существу».

В ст. 86 УПК РФ законодатель дает указание на то, что сбор доказательств «осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий».

Субъектами сбора доказательств, в соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК РФ, являются: дознаватель, следователь, прокурор, суд. В ч. 2 ст. 86 УПК РФ дается указание на то, что подозреваемый, обвиняемый, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к делу в качестве доказательств.

Также нормами УПК РФ полномочиями по сбору доказательств наделяются: следователь-криминалист (40.1 ст. 5 УПК РФ), начальник подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ) и руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ). Таким образом, можно обратить внимание на то, что в статье 86 УПК РФ не учтены частные случаи, когда полномочиями по сбору доказательств наделяются иные должностные лица. В этой связи, можно предложить следующую редакцию ч. 1 ст. 86 УПК РФ: «Сбор доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором, судом и иными должностными лицами, в соответствии с настоящим Кодексом, путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Ключевыми способами сбора доказательств являются следственные действия. В УПК РФ (Главы 23–27) приведен исчерпывающий перечень видов следственных действий: осмотр, освидетельствование, допрос, очная ставка, обыск, выемка, предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, назначение судебной экспертизы.

В то же время, следователи и дознаватели допускают нарушения в реализации указанных следственных действий, в их оформлении, демонстрируют формальный подход к работе. В результате, часть собранных доказательств, в силу несоответствия процедуры их получения и закрепления требованиям УПК РФ, являются недопустимыми и не имеют юридической силы, и оставшихся доказательств оказывается недостаточно.

Все это, в комплексе, снижает эффективность деятельности следователя и дознавателей, приводит к необходимости проведения дополнительных следственных действий или же к тому, что лицо, совершившее преступление, не несет должную ответственности, в силу отсутствия необходимых доказательств.

А.А. Толкаченко рассматривает также иные распространенные ошибки при реализации следственных действий [7]:

- протоколы осмотров и обысков не отражают реальный ход указанных следственных действий, положение следов, вещественных доказательств, иные важные обстоятельства дела, не отраженные в иных документах;

- не в полной мере выполняются требования, предусмотренные ч. 5 ст. 186.1: протоколы соединения абонентов и абонентских устройств приобщаются к делу без протокола их осмотра, не указывается, какая часть информации является важной и какое именно она имеет значение для дела;

- по делам об автотранспортных преступлениях осмотры места преступления часто проводятся формально, недостаточно качественно;

- распространены случаи, когда следователями не назначаются экспертизы, при наличии в деле на то оснований;

- неверно определяется тактическая последовательность производства экспертиз, что затрудняет проведение последующих экспертных исследований;

- наблюдаются многочисленные нарушения при процедуре опознания: нередко опознание проводится по фотографии, без указания на невозможность проведения данной процедуры очно; используются фотографии значительной давности, перед проведением опознания не проводится опрос опознающего о приметах опознаваемого, или данный опрос носит формальный и поверхностный характер.

Значительные трудности возникают при осмотре места преступления. Осмотр места преступления позволяет выявить вещественные доказательства, восстановить картину преступления. Формальное проведение осмотра места преступления, допущенные в рамках этого процесса грубые нарушения могут привести следствие к неверным выводам, что затрудняет, а порой делает невозможным раскрытие преступления. В процессе осмотра места преступления следователь (дознаватель) сталкивается с различными предметами, назначение, состав и материалы которых ему неизвестны, это затрудняет фиксацию результатов осмотра в протоколе.

Может иметь место недостаточное понимание и / или неверное толкование следователем (дознавателем) цели и задач следственных действий, что приводит к выбору неверной тактики и последовательности следственных действий, к нерациональному отбору видов реализуемых следственных действий. Это обостряет отношения со сторонами дела, приводит к увеличению сроков предварительного расследования, снижает эффективность работы следствия.

Причинами данных проблем могут являться недостатки в подготовке кадров, недостаточный опыт специалистов (в силу дефицита и высокой текучести кадров), высокая служебная нагрузка.

Способствовать решению указанных проблем могут, на наш взгляд: усиление практической направленности в подго-

товке следователей и дознавателей, создание условий для систематического повышения квалификации действующих работников, развитие внутриведомственного контроля за качеством работы специалистов. В процессе подготовки кадров необходимо, на наш взгляд, предусмотреть курс, подробно рассматривающий требования УПК РФ к реализации следственных действий, фиксации полученных данных. Для формирования у молодых специалистов навыков надлежащего документального оформления реализуемых следственных действий необходимо, на наш взгляд, возродить и развивать институт наставничества.

Также, по мнению А.А. Толкаченко, следователи избегают трудоемких процедур: аудио- и видеозаписи допросов подозреваемых, первоначальных следственных действий; почерковедческих, бухгалтерских экспертиз, для реализации которых требуется значительная предварительная работа [7].

Следователи и дознаватели сталкиваются со значительными затруднениями в проведении очных ставок в том случае, если потерпевшие и / или свидетели являются лицами без определенного места жительства, или же проживают в другом регионе, отбывают срок наказания в местах лишения свободы. В этом случае, следователи и дознаватели нередко отказываются от проведения очной ставки, даже если необходимость в ней очевидна, исходя из материалов дела. В результате, в материалах дела используются показания, в которых наблюдаются очевидные противоречия, меры по устранению данных противоречий не предпринимаются.

Отказ от трудоемких процедур может быть связан с высокой загруженностью следователей (дознавателей), желанием завершить работу по делу в более короткие сроки. Для решения данной проблемы необходима системная, комплексная работа по мотивации сотрудников к качественному выполнению работы (начала которой закладываются на этапах обучения), по привлечению в отрасль молодых специалистов.

Развитие и совершенствование информационных технологий, цифровизация привели к возникновению киберпреступлений. Для их расследования используются уже обозначенные выше следственные действия. Однако в нормах, регламентирующих требования к реализации видов следственных действий, практически не учитываются их особенности при расследовании киберпреступлений. Значительным прогрессом стала ст. 164.1, где рассматриваются особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

В ч. 2 ст. 164.1 указано, что электронные носители информации изымаются в ходе производства следственных действий с участием специалиста. В то же время, законодателем не указано, какой квалификацией должен обладать данный специалист, из какого ведомства (какой организации) привлекается данный специалист, не обозначены возможные причины для отвода данного специалиста.

Также можно отметить, что электронные носители могут быть представлены в не очевидной для следователя (дознавателя) форме (например, брелоки, игрушки и пр.), и необходимо особенно тщательное проведение осмотра места преступления. Необходимо отметить, что привлекаемые специалисты в об-

ласти IT не обладают знаниями и опытом, имеющимися у следователя (дознателя), и необходима слаженная работа данных специалистов, в связи с чем следователь должен обладать определенным набором знаний и представлений о современных вариациях носителей информации, технических устройствах, — что позволит сделать более эффективным процесс обнаружения вещественных доказательств.

Также следователь (дознатель) должны учитывать особенности электронных носителей информации, для правильной организации их транспортировки и хранения, что может предотвратить утрату или порчу информации.

В этой связи, нами предлагается произвести соответствующую работу по повышению квалификации следователей, а также расширить штат специалистов на базе экспертно-криминалистических подразделений.

Таким образом, собирание доказательств является ключевым составляющим деятельности органов правосудия на стадии предварительного расследования. То, насколько качественно будет произведен сбор доказательств, соответствие данного процесса и действий субъектов сбора доказательств УПК РФ, в конечном итоге, в качестве одного из значимых факторов, оказывают влияние на разрешение дела (характер принимаемого решения, длительность различных этапов судопроизводства), на эффективность деятельности органов правосудия, в общем понимании. В то же время, при анализе законодательства, регламентирующего процесс доказывания, нами были выявлены противоречия и недоработки, были проанализированы практические аспекты сбора доказательств следователями (дознателями). В рамках данной статьи были предложены варианты разрешения указанных противоречий и проблем.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.]. — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
3. Винберг, А.И., Комаринец, А.Б., Митричев, С.П. и др. Криминалистика / Под ред. А. И. Винберга, С. П. Митричева. — Москва: Госюриздат, 1950. — 304 с.
4. Воскобойник, И.О., Гладышева, М. Г. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе / И.О. Воскобойник, М.Г. Гладышева // Юридический вестник Самарского университета. — 2021. — Т. 7. — № 2. — С. 70–76.
5. Лупинская, П. А. Уголовно-процессуальное право: учебник / П. А. Лупинская. — Москва: Юристъ, 2006. — 815 с.
6. Рогава, И.Г., Вифлянцева, Н. А. Проблемы собирания доказательств субъектами доказывания в уголовном судопроизводстве / И.Г. Рогава, Н. А. Вифлянцева // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика: материалы II международной научно-практической конференции, приуроченной к 25-летию Конституции РФ. — Воронеж: Воронежский экономико-правовой ин-т, 2018. — С. 310–313.
7. Толкаченко А. А. Типичные ошибки и недостатки следствия, влияющие на квалификацию преступлений, с точки зрения судов / А. А. Толкаченко // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2019. — № 4 (72). — С. 70–79.

Отдельные вопросы расследования ятрогенных преступлений

Проулочнова Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Представленная статья посвящена освещению вопросов понятия и содержания медицинской помощи, а также расследования совершаемых медицинскими работниками ятрогенных преступлений. Перечислены некоторые особенности преступлений против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинских услуг. Уделено внимание вопросам, возникающим в ходе выявления и расследования рассматриваемой категории преступлений. Сделан вывод об имеющихся на сегодняшний день проблемах как в квалификации ятрогенных преступлений, так и в проведении соответствующих экспертиз по вопросам, непосредственно связанным с ними.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинские услуги, ятрогенные преступления, судебно-медицинская экспертиза, специальные знания, экспертная методика.

Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь — так провозглашено в ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации [1]. Медицинская услуга, согласно п. 3 ст. 2

Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] является неотъемлемой частью медицинской помощи.

Правоотношения в сфере охраны здоровья регулируются Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который закрепляет такие принципиально важные гарантии, как:

- приоритет интересов пациента (ст. 6);
- доступность и качество медицинской помощи (ст. 10);
- недопустимость отказа в медицинской помощи (ст. 11).

Как указано в письме Министерства здравоохранения РФ, ятрогенная — это любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнения медицинских мероприятий, развившиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий или бездействий врача [3].

Ятрогенный процесс (или врачебный процесс), в свою очередь, подразумевает непосредственно оказание медицинской помощи, и условно подразделяется на три стадии:

1) диагностирование на первоначальном этапе предполагает, прежде всего, выяснение особенностей здоровья пациента, его общего состояния, установление имеющейся у него болезни или травмы;

2) лечение направлено на восстановление здоровья пациента путем воздействия на его организм лекарственными препаратами и иными средствами медицинского воздействия;

3) преемственность — принятие решения о дальнейшем оказании пациенту необходимой медицинской помощи.

Таким образом, по времени ятрогенный процесс начинается сразу после обращения пациента к медицинскому работнику. При этом, он может выражаться, к примеру, в неправильной постановке диагноза, и соответственно, в дальнейшем назначении неправильного лечения.

Стоит особо подчеркнуть, что все те проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в процессе квалификации и расследования ятрогенных преступлений, в основном связаны со сложностями установления обстоятельств совершенного деяния. К сожалению, не всегда понятно, имело место совершение преступления или же речь идет о случае обоснованного риска в целях избегания вероятности летального исхода для пациента.

Кроме того, зачастую в процессе проведения предварительного расследования следователем проводится ретроспективный анализ действий медицинского работника, моделируя ситуацию совершения того или иного ятрогенного преступления. Иными словами, следователь ставит себя на место подозреваемого в преступлении, мысленно воссоздавая обстоятельства и ход событий, предшествовавших ятрогенному преступлению.

К числу факторов, влияющих на расследование ятрогенных преступлений и привлечение виновных к ответственности в судебном порядке, относятся следующие:

1. отрицательное влияние на соблюдение сроков предварительного расследования сроков проведения судебных экспертиз;

2. отсутствие нормативной и профессионально-методической базы, регулирующей этапы деятельности медицинских работников;

3. специфика деятельности медицинских работников;

4. ненадлежащее выполнение экспертами своих обязанностей при формулировании выводов судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, учитывая изложенное выше, можно говорить о проблеме отсутствия в сфере здравоохранения детальной проработки и контроля непосредственно за качеством оказания услуг. Модернизация их предоставления в медицинской сфере требует дальнейшей проработки. Кроме того, необходимо также внедрить эффективный комплекс мер государственного контроля как по выявлению ятрогенных преступлений, так и по проведению профилактической и превентивной работы в указанном направлении [4].

Стоит отметить, что Следственный комитет России еще в 2017 г. планировал совместно с Минздравом России проработать меры, которые помогут оперативно фиксировать и расследовать ятрогенные преступления. Учитывая важность и социальную значимость указанной проблемы, правоохранителями также предпринимались меры, направленные на повышения качества расследования уголовных дел указанной категории.

Преступления против жизни и здоровья, совершаемые при оказании медицинских услуг, обладают определенными особенностями. Исходя из этого, можно сделать вывод, что сотрудники следственных органов не всегда в полной мере владеют всей необходимой информацией для решения текущих вопросов расследования указанной категории преступлений, так как не имеют профильного медицинского образования. В этих целях необходимо привлечение судебных экспертов, проведение различного рода экспертиз и исследований в их рамках.

Именно заключение эксперта оправданно занимает ведущее место в системе доказательств, собираемых по уголовному «врачебному» делу. При этом количество экспертиз может варьироваться в каждом конкретном случае.

Обязательным видом экспертизы по делам о преступлениях против жизни и здоровья, совершаемых при оказании медицинских услуг, выступает судебно-медицинская экспертиза, призванная дать ответы на конкретные вопросы фактических обстоятельств произошедшего.

Назначение судебно-медицинской экспертизы по делам рассматриваемой категории, как и в иных случаях, сопряжено с необходимостью подготовки к ней и решением ряда организационных вопросов.

К сожалению, приходится констатировать отсутствие в судебной медицине на современном этапе установленной и единообразной экспертной методики, которая позволила бы решать типовые экспертные задачи при производстве комплексных судебно-медицинских экспертиз по неблагоприятным исходам оказания медицинской помощи. В результате этого, не сформирован единый подход к проведению экспертиз в государственных судебно-медицинских экспертных учреждениях, что также негативно влияет на проверку обоснованности экспертных выводов при оценке заключения эксперта участниками процесса.

Таким образом, отсутствие современной экспертной методики решения диагностических и ситуационных задач при производстве судебно-медицинских экспертиз по материалам

уголовных дел о преступлениях, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, отрицательно отражается на результатах экспертных исследований. Выражается это в следующих проблемных аспектах:

1) при решении поставленных в экспертизе вопросов судебно-медицинские эксперты нередко выходят за рамки применения специальных знаний в области медицины, и отвечают уже непосредственно на вопросы правового характера;

2) в обосновании своих выводов по проведенной экспертизе судебно-медицинские эксперты основываются в том числе на полученных при исследовании материалов дела показаниях свидетелей и результатах проверок качества медицинской помощи;

3) судебно-медицинские эксперты не разграничивают цели, критерии и экспертные задачи, решаемые при экспертизе качества медицинской помощи, с используемыми при производстве судебно-медицинской экспертизы;

4) при решении экспертной задачи судебно-медицинские эксперты обосновывают свои выводы исключительно на личном мнении авторитетного клинициста — члена комиссии, не приводя необходимых аргументов.

Итак, можно констатировать следующие проблемы квалификации ятрогенных преступлений:

1) отсутствие нормативной и профессионально-методической базы, регламентирующей этапы оказания медицинской помощи;

2) отсутствие закрепленных медицинских стандартов оказания медицинской помощи по отдельным видам заболеваний;

3) отсутствие утвержденной методики расследования ятрогенных преступлений.

В целом, можно говорить о том, что непосредственная сложность квалификации рассматриваемых преступлений обусловлена не только отсутствием необходимых методических рекомендаций, но и имеющимся несовершенством действующего законодательства.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целях наиболее полного и эффективного расследования ятрогенных преступлений, работники правоохранительных органов в числе специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений указанной категории используют помощь специалистов соответствующих профилей для проведения судебно-медицинских экспертиз.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газета.— 1993.— 25 дек.; СЗ РФ.— 2014.— № 31.— Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Рос. газета.— 2011.— 23 нояб.; —2021.— 07 июля.
3. Письмо Министерства здравоохранения РФ от 5.11.2015 № 14-1/10/2-6632 // Документ опубликован не был.— СПС «Гарант-Плюс».
4. Коровицкая, В. О. Проблемы выявления, расследования и предупреждения преступлений в сфере оказания медицинской помощи // Молодой ученый.— 2021.— № 45 (387).— С. 69–72.
5. Подольный, Н. А. Отдельные проблемы расследования ятрогенных преступлений // Вестник российской правовой академии.— 2019.— № 2.— С. 20–25.

Информационные права человека в условиях глобализации и цифровизации современного общества

Пузанкова Ирина Владиславовна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор анализирует проблему соотношения цифровых прав человека с иными правами, проблему их защиты в современном обществе.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, права человека.

Последние десятилетия в мире характеризовались процессом тотальной глобализации, как мировой экономики, так и мирового сообщества, и как следствие — глобализацией права.

Глобализация и права человека стали движущей силой прогресса в системе мировых правоотношений и позволили сформировать новые контуры будущего общества. При этом, ввиду

расширяющихся процессов цифровизации и информатизации общества в эпоху глобализации, а также на фоне проявления новых глобальных вызовов и рисков, стала формироваться новая группа прав человека — цифровые права. Рассмотрим основные подходы к цифровым правам человека и смежным понятиям.

Согласно, философскому словарю, цифровые права человека — «это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации» [6].

Отметим, что в современных исследованиях права человека сквозь призму цифровизации понимаются в основном узком смысле — лишь, как право на доступ в интернет [1] и право на забвение [4], или как цифровизация некоторых закрепленных прав [2]. Отметим, что Конституция Мексики еще в 2013 году включила доступ к интернету в число прав человека.

Председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин определяет цифровые права человека, как «конкретизацию (посредством закона и правоприменительных, в том числе судебных актов) универсальных прав человека, гарантированных международным правом и конституциями государств, — применительно к потребностям человека и гражданина в обществе, основанном на информации» [3].

Во Франции пошли гораздо дальше и уже сейчас рассматривают три поколения цифровых прав граждан. Первое поколение цифровых прав граждан включает следующие компоненты: цифровую связь с государственным сектором, защиту личных данных, кибербезопасность, цифровую подпись, доступность для граждан с особыми потребностями. Второе поколение цифровых прав граждан включает следующие компоненты: цифровая идентичность, универсальность, многоканальность, прозрачность. Третье поколение цифровых прав граждан включает: принцип целевого использования данных «только один раз», активное предоставление услуг, прозрачное использование данных, открытые алгоритмы, управление искусственным интеллектом, владение и управление данными [6]. При этом поколения не являются четко разграниченными, а просто позволяют проводить различия между сущностью прав.

Общий регламент защиты персональных данных (англ. General Data Protection Regulation, GDPR) на уровне Европейского Союза от 2016 года вводит комплекс прав, связанных с защитой данных (право доступа, право на исправление, право на стирание и иные).

Во многом характер реализации прав зависит от сферы жизнедеятельности. Рассмотрим их в контексте технологического прогресса. Гражданские (личные) права — как показывает практика, реализация большинства из них осуществляется человеком сугубо в инициативном порядке, при условии отсутствия преград со стороны государства и иных лиц. Однако, отметим, что «специальные правоприменительные процедуры необходимы в области удовлетворения исключительно важных интересов находящихся на стыке одновременно с интересами иных лиц» [5]. С учетом цифровизации сфера личных прав и личного выбора человека находится под большой угрозой. В частности, право на неприкосновенность частной жизни и на тайну переписки может ущемляться ввиду внедрения систем тотальной слежки, право на свободу и личную неприкосновенность, право на личное достоинство — в связи с нейроэкономикой и манипуляций выбором человека, право на жизнь — в связи с цифровой гонкой вооружений и биотехнологиями, а также из-за комплексных вызовов искусственного интеллекта. Данный пласт и цифровые барьеры реализации полностью способны

искажить возможность реализации всего остального комплекса прав.

Политические права человека в свою очередь требуют правоприменительных процедур и прозрачных систем реализации, они затрагивают интересы всего общества. С учетом цифровизации сфера политических прав человека может обрести качественно новый формат, воплощенный посредством систем распределенного реестра, обеспечив подконтрольность, прозрачность, защищенность, меритократичность избирательной системы, а также информированности и подконтрольности управления социальными процессами посредством приложений и систем интернета. Однако существует опасность господства эпохи цифрового левиафана, где права человека могут быть «обнулены» ввиду колоссального цифрового перехода бюрократической системы государств и систем контроля за всеми аспектами жизни граждан, где сам принцип смены власти будет невозможен.

Реализация социально-экономических прав граждан в России в основном связана с «регистрационной, лицензионно-разрешительной, правопроставительной и иными юридическими процедурами» [5]. В них входят существенные блага материально-имущественного плана и пользование которыми, «как правило, означает одновременное распределение ресурсов между правообладателями (право на жилище, право на предпринимательскую деятельность, право на труд, право собственности на автотранспорт, право на социальное обеспечение и др.)» [5]. С учетом цифровизации сфера социально-экономических прав может достигнуть равного объема распределяемых ресурсов между людьми, ввиду автоматизации многих процессов и доступности технологий или создать условия расширения цифрового неравенства, потери рабочих мест.

Культурные права человека — одна их грань реализуется в инициативном и процедурно-правовом порядке ввиду свободы творчества, вторая грань — в форме авторского права, связана с регистрацией результатов творчества и др. С учетом цифровизации сфера культурных прав будет претерпевать изменения, с точки зрения изменения форматов реализации (в вопросах права на образование и дистанционного образования) и охраны интеллектуальной собственности (с позиции искусственного интеллекта и продуктов, им создаваемых).

В этом ключе важно определить, относить ли цифровые права человека к одному из видов этих прав, или они представляют собой кардинально новое поколение или эпоху прав человека, которое при этом поглощает все остальные? Мы рассматриваем цифровые права человека как новую эпоху прав человека, ввиду тотального поглощения цифровизацией граней всех прав по видам жизнедеятельности, и формирование качественно новых общественных отношений в сфере цифровизации (квантовых технологий, искусственного интеллекта, больших данных, биотехнологий и прочих), появление новых аспектов приватности (биометрической, генетической, медицинской), возможности качественно повысить уровень жизни человека и принципиально новых способов организации человеческих сообществ в планетарном масштабе (на основе техно-правовых платформ и на технологиях децентрализованного реестра).

С понятием «цифровые права человека» имеется ряд сложностей, а именно: во-первых, узкое определение цифровых прав человека, сводимое сугубо к информационным или авторским правам; во-вторых, определение цифровых прав в рамках частноправового регулирования; в-третьих, определение прав только в контексте интернет-среды (онлайн).

В этом контексте важно обозначить проблему определения смежных терминов: «цифровой контроль/цифровая слежка», «цифровая милитаризация», «цифровизация», «техно-правовые платформы», «цифровой разрыв/цифровое неравенство». Определим основные из них.

Понятие цифровая слежка — немотивированный и непрозрачный процесс сбора персональных данных (включая биометрические), на основе систем видеорегистрации с распознаванием лиц, или с помощью специальных мобильных приложений и иных технологий, находящийся вне публичных правовых процедур, приводящий к необоснованному ограничению прав человека, включая неприкосновенность частной жизни, право на свободу слова, право на митинги и право не подвергаться дискриминации.

Цифровая милитаризация — политика разработки, финансирования, внедрения военных технологий цифровизации, приводящая к глобальным экзистенциальным угрозам и нарушению прав человека.

Цифровое неравенство — состояние асимметричного использования и распространения ресурсов, необходимых для

удовлетворения потребностей человека, в котором распределение благ, обусловленных технологическим прогрессом, происходит сугубо в интересах сторон, создающих технологические решения; цифровой разрыв проявляется как внутри государств, так и во взаимодействиях между ними, что является отражением тенденций неравенства в социально-экономической сфере.

Техно-правовые платформы — это состояние урегулированности цифровизации и технологический продукт, прошедший все процедуры соответствия цифровым правам человека, обеспечивающий прозрачность, понятность, эффективность решений на основе технологий и расширение возможностей доступа каждого человека к социальным благам, посредством внедрения в определенную сферу жизнедеятельности (сочетающей элементы децентрализации и транспарентности при принятии решений в использовании данной системы и при учете достижений сектора GovTech).

В заключение мы определим глобальные цифровые права человека как принадлежащие каждому с момента рождения возможности для сохранения и развития человека, закрепленные в международном праве и внутрисударственном законодательстве, реализация которых должна привести к пользованию социальными благами посредством использования новых технологий. Глобальные цифровые права человека должны иметь приоритет и ограничивать цифровой контроль, цифровую милитаризацию и цифровое неравенство.

Литература:

1. Варламова, Н. В. Цифровые права — новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. / Н. В. Варламова. 2019. № 4. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-prava-novoe-pokolenie-prav-cheloveka>
2. Карасев, А. Т. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. / А. Т. Карасев, О. А. Кожевников, В. А. Мещерягина 2019. № 3. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-pravoотношений-i-ee-vliyanie-na-realizatsiyu-otdelnykh-konstitutsionnykh-prav-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii>
3. Право в цифровом мире [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>
4. Талапин, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. / Э. В. Талапин. 2019. № 3. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-tsifrovuyu-epohu>
5. Тарасова А. Г. Юридические процедуры и реализация прав человека: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М. 2012. С. 13
6. Философский словарь [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://slovariki.org/filosofskij-slovar/14089>
7. OECD. Axer le secteur public sur les donnees: marche a suivre. 2020 196 p

К вопросу о проблемах доказывания добросовестности в правоприменительной практике

Румянцев Максим Сергеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье обозначены основные проблемы применения принципа добросовестности в российском гражданском праве, систематизированы проблемы и критерии доказывания недобросовестности поведения участников гражданских правоотношений.

Ключевые слова: добросовестность, презумпция добросовестности, доказывание добросовестности, критерии добросовестного поведения.

Хотя принцип добросовестности теперь напрямую введен в Гражданский кодекс, его определение на законодательном уровне не дается. Неоднозначность трактовки и понимания принципа добросовестности в юридической доктрине и отсутствие прямых указаний на этот счет в законодательстве обуславливает проблемы в доказывании добросовестности, или, напротив, недобросовестности поведения участников гражданских правоотношений.

В ч. 5 ст. 10 ГК РФ указано, что: «добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается» [1], соответственно можно сделать вывод о наличии своего рода «презумпции добросовестности» участников гражданских правоотношений. При этом, прямой формулировки данного положения именно как презумпции, на которую следует ориентироваться в практике правоприменения и судебной практике, нет.

Исходя из обозначенной презумпции можно сделать вывод, что бремя доказывания лежит на том, кто оспаривает добросовестность [2].

Иначе говоря, следует предполагать добросовестность участника сделки (иных гражданских правоотношений), и соответственно, доказывать надо обратное (то есть недобросовестность) — ведь добросовестность презюмируется.

Однако, позиция Верховного Суда РФ не столь категорична, в обзоре судебной практики ВС РФ, дано разъяснение о том, что: «если имеются доказательства недобросовестности, то уже доказывать добросовестность должна соответствующая сторона (против которой имеются эти доказательства)» [3].

Таким образом, казалось бы, можно говорить об определённой коллизии между нормами права и судебной практикой, которая как раз вытекает из неоднозначности понимания принципа добросовестности.

Однако, приведенное положение также неоднозначно, ведь из него следует, что для того, чтобы в процессе возникла необходимость доказывать именно добросовестности, должны быть доказательства обратного. Следовательно, можно сделать вывод, что изначально все же необходимо (пусть даже в исковом заявлении) привести доказательства недобросовестности — а это означает как раз подтверждение обозначенной выше презумпции. Соответственно, доказывание добросовестности будет иметь вид опровержения обвинений в недобросовестности.

Поэтому резюмируем все же приоритетность доказывания недобросовестности, то есть можно говорить именно о презумпции добросовестности.

Существует также проблема доказывания добросовестности / недобросовестности поведения субъектов гражданских правоотношений, которая обусловлена отсутствием четко сформулированных критериев того, какое именно поведение следует считать добросовестным.

В правовой доктрине существует подход, согласно которому предлагается трактовать добросовестность как отсутствие намерения причинить вред другой стороне правоотношений

и третьим лицам. Имеется ввиду, что даже если такой вред и наступает, то он совершен непреднамеренно, субъект действовал из «лучших побуждений», не желал наступления вреда, делал все для его предотвращения, а также руководствовался нормами морали и этики [4], [5, с. 49].

Такой подход к пониманию добросовестности в целом представляется актуальным, однако в таком понимании добросовестного поведения как раз и кроется проблема его доказывания. Здесь речь идет о субъективных намерениях, мыслях и мотивах, а их доказать практически невозможно. Поэтому встает остро вопрос о выработке ряда критериев, которые могут быть ориентирами при доказывании недобросовестности участников гражданских правоотношений.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» N140. 30.06.2015. дается некоторое уточнение того, как оценивается добросовестность поведения действий сторон. В рассматриваемом Постановлении говорится, что: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации» [2].

То есть можно сделать вывод, что ВС РФ предлагает понимать под добросовестным такое поведение участников гражданского процесса, при котором они уважают права и интересы противоположной стороны и третьих лиц. Также важным на наш взгляд является факт того, что ВС трактует добросовестность и как предоставление всей информации, которая затрагивает интересы контрагента в гражданско-правовых отношениях.

Представляется значимым и упоминание в данном постановлении и того, что такое (добросовестное) поведение является ожидаемым другой стороной. Однако, здесь также, как и в теории права встает вопрос субъективных отношений и субъективных ожиданий. Само собой, что, вступая в гражданские правоотношения, все стороны ожидают (не берем в расчет заведомо нечестные и мошеннические сделки), что контрагент будет следовать нормам права.

Сложнее с ситуациями, при которых нет явного нарушения закона, но одна из сторон считает, что по отношению к ней контрагент ведет себя недобросовестно. Здесь как раз и встает вопрос о субъективных ожиданиях, так как в гражданском праве действует свобода договора и стороны могут внести практически любые условия в контракт, то соответственно может быть и разное понимание сторонами одного и того же пункта договора. Например, объёма оказания услуг, места совершения обязательств и т.д.

Поэтому и возникают проблемы в доказывании добросовестности поведения участников гражданских правоотношений — ведь одна сторона может считать, что контрагент недобросовестен, а другая в свою сторону искренне полагать

добросовестность своего поведения. Здесь будет уже проблема толкования не столько самих норм права, сколько каждого конкретного договора.

Иное дело, если факт недобросовестности «налицо», в таком случае непосредственно суд может проявить инициативу по признанию недобросовестности поведения одного из участников гражданских правоотношений [2].

Предлагаем выделять следующие базовые критерии определения добросовестности участников гражданских правоотношений:

1. Соблюдение условий договора. Данный критерий можно обозначить как объективный, дело в том, что прямое нарушение условий договора трудно назвать добросовестным. Конечно, могут быть исключения, например, действия в форс-мажорных обстоятельствах, но в целом этот признак добросовестного поведения можно считать одним из наиболее очевидных.

2. Соблюдение законодательства. Также, как и предыдущий критерий мы отнесем к объективному признаку добросовестности. При том, указание субъектом на незнание некоторых норм права не является освобождением его от ответственности, но не однозначно с точки зрения добросовестности. Все же данный признак добросовестности, как и предыдущий можно назвать базовым при доказывании недобросовестного / добросовестного поведения.

3. Недопущение действий — прямо влекущих причинение вреда имуществу, законным интересам других лиц. Под этим критерием предполагаются те действия, которые очевидно, либо при должной осмотрительности приведут к причинению вреда, например, существенно превышение скорости при эксплуатации автомобиля, оставление без присмотра открытого огня (например, свечей) в помещении. При таких действиях

может и нет намерения причинить вред, но сами по себе они (эти действия) являются фактом недобросовестного поведения, эксплуатации объектов и т.д.

4. В случае наступления определенных негативных обстоятельств субъект активно пытается предотвратить причинение вреда другой стороне [7].

5. Скрытие информации, которая имеет существенное значение в данной сделке, договоре. Однако, здесь необходимо установить факт владения такой информацией. В ряде случаев это не столь сложно. Например, при сдаче квартиры по договору аренды арендодатель не предупредил, что в квартире существуют проблемы с проводкой, при этом за месяц арендодатель пять раз сталкивался с этой проблемой и вызывал электрика.

Обозначенные критерии применимы именно как базовые, и, можно сказать, что в целом, они составляют основу практики применения принципа добросовестности и его доказывания. В более же сложных случаях вопрос доказывания субъективного отношения участника правоотношений к последствиям, нарушениям условий и пр. остается в ведении конкретного суда и является достаточно сложным.

В целом можно сделать вывод, что нет однозначного судебного толкования применения и доказывания добросовестности участников гражданских правоотношений.

С одной стороны, так как в российском гражданском праве существует своего рода «презумпция добросовестности», то и доказывать ее не нужно, а наоборот необходимо истцу доказывать недобросовестность контрагента. С другой же стороны ситуация в корне меняется при наличии доказательств недобросовестности. На наш взгляд такая позиция суда не упрощает, а еще больше усложняет практику применения изучаемого принципа в российском гражданском праве.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N32, ст. 3301. (ред. От 14.07.2022).
2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф.— М., 2022.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2022) от 1.06.22. Утв. Президиумом Верховного Суда РФ // Официальный сайт ВС РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru>
4. Гаврилов Ю. В. Некоторые проблемы реализации принципа добросовестности в правоприменительной практике // Современная научная мысль.— 2016.— № 3.— с. 257–262
5. Белов А. В. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/3540963/?ysclid=177odf8znp353348238>
6. Разумовская Е. В. Договорное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов — М: Юрайт, 2022. 186 с.
7. Суворов А. Добросовестность в гражданском праве // Юридический кабинет Андрея Суворова [Электронный ресурс]. URL: <https://suvorov.legal/dobrosovestnost/>

Уголовная ответственность за побег из мест лишения свободы

Самойлова Виктория Константиновна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В данной статье исследована уголовная ответственность осужденных за побег из мест лишения свободы, анализируются результаты исследования уголовного законодательства, регулирующего ответственность за побег из мест лишения свободы, и укло-

нение от отбывания наказания в виде лишения свободы. Проводится анализ правовых основ привлечения к уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы и квалифицирующие признаки состава преступления, а также рассматриваются вопросы криминализации и декриминализации побегов, с учетом уголовной политики проводимой Российской Федерацией.

Ключевые слова: уголовная ответственность, ответственность за побег, отбывание наказания, исправительные учреждения, осужденные.

Criminal liability for escaping from places of deprivation of liberty

Samoilova Victoria Konstantinovna, student master's degree
Transbaikal State University (Chita)

This article examines the criminal liability of convicts for escaping from places of deprivation of liberty, analyzes the results of a study of criminal legislation regulating responsibility for escaping from places of deprivation of liberty and evasion from serving a sentence of imprisonment. The analysis of the legal basis for bringing to criminal responsibility for escaping from places of deprivation of liberty and qualifying signs of the corpus delicti is carried out, as well as the issues of criminalization and decriminalization of escapes are considered, taking into account the criminal policy pursued by the Russian Federation.

Keywords: criminal responsibility, responsibility for escape, serving of punishment, correctional institutions, convicts.

Важной из текущих проблем на данной стадии становления уголовного законодательства — это проблема побега осужденных из мест лишения свободы. Необходимо показать, что сам факт побега заключенных из мест лишения свободы либо побег из-под стражи, который совершён лицами, отбывающими наказание или лицами, которые находятся по решению суда в предварительном заключении, представляет собой, в том числе, общественную опасность для окружающих.

Побег — это незаконный выход осужденного или отбывающего наказание лица из учреждений и мест лишения свободы.

Общественная опасность побега заключается в том, что прерывается отбывание наказания лицом, осужденным к лишению свободы — это противодействует исполнению приговора суда, прерывается исполнение решения суда об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, затрудняется либо делается невозможным производство предварительного расследования и судебного рассмотрения дела, т.е. наносится ущерб интересам правосудия. Кроме того, в определенной мере дезорганизуется деятельность исправительного учреждения или правоохранительного органа в связи с отвлечением сил и средств для поиска и задержания бежавшего, создается опасность совершения этим лицом нового преступления, порождается сомнение у населения в способности специально созданных на те органы обеспечивать надежную изоляцию преступников от общества.

К местам лишения свободы относятся: колонии-поселения, исправительные колонии, воспитательные колонии и тюрьмы.

К местам предварительного заключения относятся: следственные изоляторы, транзитные пункты, транзитно-пересыльные пункты, следственные изоляторы, автомобили сопровождения или перевозки лиц, задержанных в качестве меры пресечения.

Уклонение может иметь место от прокуратуры, от следователя, от лица, осуществляющего дознание, а также от зала суда или при явке с повинной для производства следственного документа.

Согласно ст. 313 Уголовного кодекса РФ, побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи [1]:

– это побег из лишения свободы, из-под ареста или стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или содержащимся под стражей, — наказывается исправительными работами на срок до четырех лет, либо лишением свободы на этот же срок [2].

– это то же деяние, совершенное группой лиц по взаимному сговору или организованной группой, — наказывается принудительными работами на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок [3].

– это деяния, предусмотренные частями первой или второй статьи 313 УК РФ, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, — наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок до восьми лет.

По мнению О. В. Мазур, уголовная ответственность за побег и уклонение от отбывания наказания должна наступать только при наличии у осужденного конкретной цели — уклонения от отбывания наказания.

Другие авторы также указывают, что «Важным элементом умысла при побеге является его цель, позволяющая отличить наказуемое деяние от дисциплинарного проступка, выражающегося в самовольном оставлении места лишения свободы. Это важно при рассмотрении дел о побегах заключенных, которым предоставлено право передвижения без конвоя и сопровождения».

Лица, осужденные к лишению свободы (независимо от их вида), подозреваемые или обвиняемые, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано лишение свободы, привлекаются к уголовной ответственности за совершение этого преступления.

Законодатель предусмотрел более суровое наказание, если побег совершен группой лиц по предварительному сговору или

организованной группой, а также, если побег совершен с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Максимальное наказание за совершение данного правонарушения предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 8 лет.

Традиционно возникают проблемы с квалификацией данного преступления. Этому способствует отсутствие судебного толкования признаков побега, а также отсутствие определений побега в уставах Минюста и ФСИН России.

Побеги из-под охраны представляют большую общественную опасность. Люди, избежавшие защиты, оказываются в состоянии, неспособном обеспечить себя средствами для нормальной жизни, поэтому совершают новые преступления. Как правило, это лица, отбывающие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, неоднократно судимые, со стойкой анти-социальной направленностью личности, характеризующиеся крайне отрицательно в период отбывания наказания.

Лица, уклонившиеся от проверки, представляют меньшую общественную опасность, так как уже вступили на путь исправления и не имеют цели совершения новых преступлений.

Еще одной проблемой действующего законодательства является разграничение уклонения от отбывания наказания и побега из мест лишения свободы лиц, отбывающих наказание в колониях поселения и осужденных пользующихся правом бесконвойного передвижения. Таким образом, для разграничения побегов нужно определить сроки, в течении которого осужденный считается уклонившимся либо совершившим побег. Также в вопросе разграничения этих преступлений важно отметить цель, которую преследует осужденный, для квалификации его действий как уклонение от отбывания наказания либо побег.

В настоящее время после задержания бесконвойного осужденного или осужденного, отбывающего наказание в колонии поселения, при совершении ими побега назначение наказания происходит от цели этого осужденного. Таким образом, если умысел осужденного был направлен на последующее возвращение в место лишения свободы, то суды квалифицируют пре-

ступление как уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ), иначе — побег из мест лишения свободы, из-под стражи, из-под ареста (ст. 313 УК РФ). Если после отсутствия до задержания осужденного проходит значительное время (например, 9 суток), и он имеет умысел на дальнейшее возвращение на место лишения свободы, то в большинстве случаев суды назначают наказание по ст. 313 УК РФ. Поэтому, чтобы судьи не сомневались в вынесенных ими приговорах, необходимо закрепить в нормативно-правовых актах сроки возможного отсутствия при уклонении от отбывания наказания.

Также важно затронуть еще один проблемный вопрос о доп. выполнении квалифицирующих признаков, содержащихся в ч. 2, 3 ст. 313 УК РФ. Считаем, что в одной статье следует сформулировать два самостоятельных состава преступления: в первой ее части указать побег из-под стражи, во второй — побег из места лишения свободы и из-под ареста, в последующих частях сформулировать квалифицирующие признаки, относящиеся к этим видам, потому что общественная опасность данных составов преступлений различна.

Таким образом, определение уголовной ответственности за уклонение от мест лишения свободы или содержания под стражей является объективной необходимостью законодателя правового государства для обеспечения адекватной уголовной защиты целей и задач правосудия в сфере уголовно-правовых отношений.

Отечественному законодателю необходимо учесть положения законодательства ряда зарубежных государств (Болгарии, Кореи, Франции), указывающие на усиление уголовной ответственности за совершение побега, сопровождающегося уничтожением или повреждением имущества исправительного учреждения. Полагаем, что сегодня в Российской Федерации данный вопрос решается в рамках гражданского иска, предъявляемого к ответчику, допустившему подобные действия.

Для достижения общих и частных профилактических целей законодателю целесообразно предусмотреть основание для освобождения от уголовной ответственности за бегство, что соблюдается в правовых системах большинства государств Е и стран СНГ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 14.07.2022, с изм. от 18.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.07.2022)
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ
3. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 162-ФЗ
4. Беляков А. В., Грязева Н. В. Расследование побегов из исправительных учреждений: учеб. пособие / под общ. ред. Р. А. Ромашова. Самара: СЮИ ФСИН России, 2019. 112 с.
5. Грязева Н. В. Способ совершения побегов, осужденных из исправительных учреждений: проблема определения и классификации // Вестник Владимирского юридического института. — 2021. — № 3 (20). С. 15.
6. Юсбаева Д. А. О способах совершения побегов из мест лишения свободы // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого): сборник трудов XIV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме: Всероссийская научно-практическая конференция, Кострома, 14–16 декабря 2017 года. — Кострома: Костромской государственный университет, 2018. — С. 585.

Наследственный фонд как способ управления имуществом в российском праве и зарубежный опыт

Семерий Денис Игоревич, студент магистратуры
Российская академия адвокатуры и нотариата (г. Москва)

В рамках исследования автором проведен сравнительный анализ моделей организации наследования: траста в государствах англо-саксонской правовой семьи, фонда в странах континентальной правовой системы и наследственного фонда в России. Автор исследует теоретические и практические проблемы, связанные с правовым положением наследственного фонда по российскому законодательству. В результате анализа законодательных положений, регламентирующих правоотношения по созданию и функционированию наследственного фонда в России, автор приходит к выводу о нерешенности вопроса его правовой природы и месте в системе институтов наследственного права. Результатом исследования являются рекомендации по совершенствованию правового механизма регулирования общественных отношений с участием наследственного фонда.

Ключевые слова: наследственное право, наследство, завещание, наследственный фонд, траст, личный фонд, учреждение и управление наследственным фондом.

Inheritance fund as a way of property management in russian law and foreign experience

As part of the study, the author conducted a comparative analysis of models of inheritance organization: a trust in the states of the Anglo-Saxon legal family, a foundation in the countries of the continental legal system and an inheritance fund in Russia. The author explores theoretical and practical problems related to the legal status of the inheritance fund under Russian law. As a result of the analysis of the legislative provisions regulating the legal relations on the creation and functioning of the inheritance fund in Russia, the author comes to the conclusion that the issue of its legal nature and place in the system of institutions of inheritance law is unresolved. The result of the study is recommendations on improving the legal mechanism for regulating public relations with the participation of the inheritance fund.

Keywords: inheritance law, inheritance, will, inheritance fund, trust, personal fund, establishment and management of the inheritance fund.

Введение (Introduction)

Результатом модернизации отечественного наследственного права [22] стало появление института наследственного фонда, призванного нивелировать риски посмертного дробления капитала наследодателя, обеспечить гибкость преемственности владения активами, их сохранения и приумножения в интересах бенефициаров. Подобные институты существуют и успешно функционируют в иностранных правовых порядках. К примеру, в государствах англосаксонской правовой семьи (Великобритания, США) эффективным инструментом, используемым для таких целей, является траст, а в государствах континентальной системы права (Австрия, Лихтенштейн) аналогом траста являются частные фонды.

Однако законодательная регламентация функционирования наследственных фондов в России не лишена недостатков. В результате анализа законодательных положений, регулирующих правоотношения по созданию и функционированию наследственного фонда в России, можно сделать вывод о нерешенности вопроса его правовой природы и месте в системе институтов наследственного права, что в конечном итоге лишает эту модель организации наследования определенности и снижает ее практическую ценность.

Все вышесказанное актуализирует вопросы законодательной регламентации правоотношений, возникающих в рамках такой модели организации наследования (наследственного фонда) в России.

Цель исследования — сравнительный анализ моделей организации наследования: траста в государствах англо-саксонской правовой семьи, фонда в странах континентальной правовой системы и наследственного фонда в России.

Литературный обзор (Literature Review)

В отечественной юридической литературе многими авторами высказываются те или иные замечания относительно правовой природы наследственного фонда, порядка его создания и функционирования. Позиции исследователей можно разделить на две условные группы. В первую группу входят исследования, в которых внимание авторов сфокусировано на оценке целесообразности внедрения института наследственного фонда в ГК РФ, отмечается низкий уровень проработки этой концепции [20], а нередко противоречия с традиционной сложившейся доктриной гражданского права [17].

Во вторую группу входят исследования, в которых аргументируется необходимость внедрения в отечественное наследственное право лучших мировых практик в индустрии управления капиталом. Авторы данных работ склонны положительно оценивать поправки в ГК РФ об учреждении и функционировании наследственных фондов [10]. Однако общим для двух групп исследователей является критика законодательной базы, регулирующей данный институт, которая ограничивается лишь несколькими статьями ГК РФ. По мнению отдельных специалистов, занимающихся наследственным правом, такое

регулирование представляется недостаточным, так как некоторые правовые вопросы требуют более детальной проработки, поэтому целесообразно принятие специального закона в этой сфере [19].

В целом в российской доктрине уделяется большое внимание исследованию особенностей правового положения зарубежных трастов и фондов, в том числе некоммерческих наследственных фондов, их сравнению с отечественным правовым институтом наследственного фонда [6, 8, 9, 12, 13, 15].

Материалы и методы (Materials and methods)

В исследовании проведен анализ конструкций аналогичных наследственному фонду моделей организации наследования в зарубежных правовых системах, выявлена их правовая природа и место в системе институтов наследственного права.

Применение сравнительно-правового анализа институтов траста (США, Великобритания), фонда (Германия, Швейцария, Люксембург) и наследственного фонда (Россия) позволяет выявить и изучить сходства и отличия в правовом регулировании указанных моделей организации наследования.

Функциональный подход в контексте сравнительно-правового анализа вышеназванных институтов, в свою очередь предоставляет возможность оценить эффект, который оказывают правовые нормы на регламентацию общественных отношений.

Результаты (Results)

Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 259-ФЗ впервые в российское наследственное право был введен правовой институт наследственного фонда. Нормы о его правовом статусе отличались лаконичностью, что не способствовало применению этого инструмента планирования наследования на практике. Однако 1 марта 2022 г. вступил в силу Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ, который значительно расширил правовую регламентацию рассматриваемых отношений, главным образом за счет предоставления гражданину права еще при жизни обособить имущество путем передачи его фонду [21]. Как представляется, законодатель, расширяя законодательное регулирование рассматриваемых отношений, учел критические замечания в отношении закрепленной им модели наследственного фонда, которая лишала возможности наследодателя апробировать работу учрежденного им фонда еще при жизни [14, с. 7].

Появившийся в отечественном праве наследственный фонд является единственной организационной структурой-наследником, которая на момент открытия наследства не существует, так как учреждается такой фонд после смерти завещателя. Согласно внесенным Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ в ГК РФ поправкам, наследственный фонд представляет собой разновидность личного фонда. В свою очередь, личный фонд противопоставлен общественно полезному фонду (подпараграф 1 § 7 гл. 4 ГК РФ), поскольку не преследует благотворительные, культурные, образовательные или иные социальные, общественно полезные цели [7]. Законодатель обозначил характер деятельности личного фонда как управление

имуществом, переданным ему гражданином-учредителем при жизни или в порядке наследования (п. 1 ст. 123.20–4 ГК РФ). При этом такая функциональная направленность не является самоцелью деятельности личного фонда. Управление имуществом требуется для того, чтобы обеспечить выгодоприобретателей, которые были обозначены учредителем либо определены в порядке, установленном условиями управления личным фондом (п. 1–2 ст. 123.20–5 ГК РФ).

Законодатель предусмотрел возможность функционирования личного фонда и после кончины учредителя, если такое указание зафиксировано в уставе фонда (абз. 2 п. 2 ст. 123.20–4 ГК РФ). Тем самым, этот тип фонда может в полной мере применяться в качестве средства обеспечения близких наследодателю лиц после его смерти, хотя с формальной точки зрения такие отношения уже не имеют статус наследственных. Из положений закона следует, что наследственным такой фонд не является, законодатель не дает ему специального названия, именует его «личным фондом, созданным при жизни учредителя и продолжающим свою деятельность после его смерти» (п. 7 ст. 123.20–7 ГК РФ).

Наследственный фонд, который учреждается после открытия наследства нотариусом, продолжает оставаться субъектом, создание и функционирование которого требуют специального регулирования. Согласно абз. 1 п. 2 ст. 123.20–4 ГК РФ правила ГК РФ о личных фондах применяются к наследственным фондам субсидиарно (если эти вопросы не регулируются специальными положениями ГК РФ) и в том случае, если не противоречат особенностям правового положения наследственного фонда.

Стоит отметить, что понятие фонда (некоммерческая структура без членства) известно всем основным европейским юрисдикциям (государства континентальной системы права). Фонд в континентально-европейском праве является приблизительным аналогом английского траста. В свою очередь, траст (от англ. trust — доверие) принято определять как фидуциарное правоотношение, участниками которого являются учредитель траста (settlor), передающий другому лицу — доверительному собственнику или трасти (trustee) имущество для управления в интересах третьего лица — бенефициара (beneficiary) [1].

Процесс развития института траста позволил ученым провести их классификацию, основываясь на различных критериях. Наиболее часто дифференциация трастов исходит из способа и цели их учреждения. Так, в частности, выделяют: 1) трасты, создание которых обусловлено законодательными предписаниями (statutory trusts); 2) трасты, учрежденные по воле учредителя («прямо выраженные трасты» (express trusts)); 3) трасты, возникающие из предполагаемой воли учредителя траста (implied trusts). При этом траст может быть учрежден в порядке завещательного распоряжения, которое обретет юридическую силу после смерти своего основателя (завещательный траст (testamentary trust)), либо при жизни учредителя (inter-vivos trust), посредством которого судьба имущества траста определяется на случай его смерти [11, с. 25]. Две указанные категории трастов образуют группу прямо выраженных трастов.

Завещательный траст должен соответствовать ряду юридических критериев, с которыми судебная практика связывает его действительность. Такие условия именуются «определенностями» (*certainties*) в отношении трех элементов траста, которые получили закрепление в судебном решении по делу *Knight v. Knight*, (1840) [2].

Во-первых, определенность относительно намерения создать именно траст, а не смежный правовой институт. Суд буквально оценивает формулировки, используемые в завещании (в контексте всего документа), при решении вопроса о том, намеревался ли наследодатель создать траст. Если намерение лица создать траст выражено не явно, а в тексте распоряжения о передаче имущества третьему лицу не указан термин «траст», такое распоряжение интерпретируется судьями как намерение создать иной, смежный с трастом институт, но не сам траст.

Во-вторых, определенность относительно предмета траста. К примеру, в деле *Palmer v Simmonds* (1854), суд, исходя из фактических обстоятельств дела, пришел к выводу о неопределенности предмета траста, поскольку в документе, которым учреждался траст, четко не указано какие части остаточного имущества наследодателя должны перейти в доверительное управление. Траст был признан недействительным [4].

Однако более поздние судебные решения поддерживают подход, сформулированный в деле *Repington v Roberts-Gawen* (1881–1882). Вывод апелляционного суда при пересмотре вынесенного нижестоящим судом решения, состоял в том, что современная доктрина не состоит в том, чтобы считать завещание недействительным из-за неопределенности, за исключением тех случаев, когда установить истинное намерение завещателя совершенно невозможно. Обязанность суда, как следует из текста судебного постановления, состоит в том, чтобы придать справедливый смысл используемым в документе терминам и определениям [5].

В-третьих, определенность в отношении объекта траста. Траст должен содержать указание на определенных бенефициаров, либо же на то, что он создается для достижения конкретных целей. Указание на то, что бенефициары должны быть, по крайней мере, определяемы, является недавним развитием трастового права, благодаря решению по делу *McPhail v Doulton* (1970) [3]. До этого дела признавалась необходимость указания на исчерпывающий перечень бенефициаров. В качестве альтернативы объектом траста может стать благотворительная цель, а не индивидуальные бенефициары.

Практическое применение института траста в завещательных целях позволяет выделить его неоспоримые преимущества, к числу которых относятся возможность обойти требование закона об обязательной доле наследников учредителем траста, налоговую оптимизацию в отношении передаваемых в траст активов, их защиту от требований кредиторов.

Процедура наследования в контексте завещательного траста осуществляется посредством издания судебным органом документа (*letters of administration*) о назначении исполнителя завещания (управляющего имуществом), в котором определяются и удостоверяются его полномочия. Аналогом исполнителя завещания в отечественном наследственном праве выступает душе-

приказчик, реализующий полномочия по распределению собственности наследодателя и иные действия, предусмотренные последней волей умершего.

Согласно завещательному трасту, выступающему составной частью завещания, доверительный собственник назначается после исполнения завещания и одновременно с осуществлением данной процедуры происходит передача в траст оставшегося имущества наследодателя. Тем самым, в качестве наследственной массы фактически рассматриваются выгоды и доходы от имущества и активов, вверенных трасту, а в качестве наследников, — бенефициары.

Завещательный траст применяется в случаях: 1) указания в тексте завещания положений об учреждении траста и передачи активов наследодателя (полностью/в части) в доверительную собственность; 2) если наследники не соответствуют возрастным критериям и соответствующим требованиям о дееспособности, как следствие они не в состоянии самостоятельно распорядиться имуществом.

Необходимо особенно подчеркнуть, что завещательный траст по своей юридической природе не является организационной структурой, его характеризует особый тип отношений, содержанием которых выступают фидуциарные обязанности доверительных собственников по отношению к бенефициарам траста, а также корреспондирующие права бенефициаров по отношению к доверительным собственникам [18, с. 313].

Наследственное право в странах континентальной правовой системы допускает использование конструкции фонда (фр. *fondation*, нем. *Stiftung*), который обладает схожими с трастом чертами. По сути, трасты и фонды являются двумя наиболее популярными средствами защиты активов и управления капиталом. Несмотря на схожие черты, указанные конструкции обладают рядом отличий.

Первое на что необходимо обратить внимание — фонд является самостоятельным субъектом, имеющим статус юридического лица (корпоративная структура). В свою очередь траст не классифицируется как юридическое лицо. Фонд имеет гражданские права и несет обязанности, обусловленные своей деятельностью, может заключать контракты и владеть активами от своего имени, быть истцом и ответчиком в суде. В случае с трастом, юридические права и обязанности возложены на доверительного управляющего, который заключает контракты от своего имени, является истцом и ответчиком в суде.

Второе различие заключается в специфике учреждения фонда/траста. Для фонда предусмотрено соблюдение процедурных требований по официальной регистрации в соответствующем реестре или органе власти в своей юрисдикции. Регистрация в данном случае служит подтверждением выполнения фондом процедурных требований к его созданию. Фонд имеет учредительные документы, ряд сведений из которых являются закрытыми (личности бенефициаров и др.). Траст, как уже отмечалось, должен соответствовать ряду юридических критериев, с которыми судебная практика связывает его действительность: 1) определенность относительно намерения создать именно траст; 2) определенность относительно предмета траста; 3) определенность в отношении объ-

екта траста. Траст не подлежит регистрации, документы, касающиеся его функционирования, не должны предаваться гласности, само существование траста может оставаться конфиденциальным.

Третье различие состоит в правах бенефициаров. Модель фонда по законодательству стран континентальной системы права предполагает ограниченность прав бенефициаров, если только учредитель фонда не предоставит дополнительные права в соответствии с действующими правилами, кроме того, бенефициары не имеют доступа к информации о фонде. Чтобы траст считался действительным, у него должны быть бенефициары. В случае их отсутствия, назначается лицо, ответственное за обеспечение соответствия управления трастом его первоначальной цели. Бенефициары имеют законные права, в частности, требовать от попечителей принятия необходимых мер через суд, предоставление информации, касающейся деятельности траста и др. [16, с. 30]

Несмотря на широкое распространение конструкции фонда в качестве оформления наследственного правопреемства в таких государствах как Германия, Люксембург, Швейцария, каждая из моделей фонда, применяющихся в названных странах, обладает определенной спецификой, обусловленной различиями в национальном праве. Речь в данном случае идет о налоговом праве, поскольку фонды чаще всего применяются с целью налоговой оптимизации в отношении процедуры наследования. Такое положение вещей свидетельствует о том, что фонд в большей степени следует рассматривать в контексте существующих в указанных государствах налоговых преференций в его отношении.

Обсуждение (Discussions)

Как уже отмечалось, отечественным законодателем были предприняты меры по адаптации западных институтов управления наследственной массой под российские реалии. Несмотря на то, что институт наследственного фонда существует в России с 2018 года, вопросы правового регулирования отношений по созданию и функционированию наследственных фондов не утратили своей актуальности. Кроме того, законодатель ввел еще один институт наследственного права, схожий с английским трастом, в содержание ГК РФ, — личный фонд, который стал общим понятием, а наследственный — его частным случаем. Учитывая особенности законодательного регулирования, а также предназначение наследственного фонда, его следует отличать от личного фонда, опираясь на критерии момента создания (при жизни/после смерти) и требования к минимальной стоимости имущества.

Инициировать процедуру создания наследственного фонда вправе несколько субъектов, среди которых: 1) нотариус, который ведет наследственное дело; 2) душеприказчик; 3) выгодоприобретатель наследственного фонда. Последние два субъекта правомочны обратиться в суд в случае, если нотариус не выполнит свои обязательства по обращению в уполномоченный орган государственной власти. Тем самым, нотариус для учреждения наследственного фонда обращается в уполномоченный государственный орган в лице Министерства юстиции РФ и его

территориальных управлений, а душеприказчик и выгодоприобретатель — в суд, в случае неисполнения нотариусом своей обязанности (ст. 123.20–8 ГК РФ). Срок для реализации обязанности нотариуса по подаче заявления о государственной регистрации фонда составляет 3 дня с момента открытия наследства. Предельный срок для регистрации наследственного фонда составляет один год с момента открытия наследства. Пропуск этого срока означает, что никто из вышеперечисленных субъектов не сможет зарегистрировать наследственный фонд (ст. 123.20–8 ГК РФ).

Процесс создания наследственного фонда разделен на этапы. Первоначально нотариус предлагает лицам, которые еще при жизни были выбраны наследодателем, войти в состав органов управления наследственным фондом. Эти лица могут быть указаны непосредственно в решении о создании наследственного фонда либо установлены иным предусмотренным способом. Соответственно, в случае наличия согласия данных лиц сформировать органы управления фондом, на нотариуса также возлагается обязанность направить сведения об этих лицах в регистрирующий орган. Если же указанные лица отказываются войти в состав органов управления, то формирование органов управления наследственным фондом становится невозможным. Следовательно, нотариус не имеет право подавать заявление о государственной регистрации фонда в Министерство юстиции РФ (ч. 3 ст. 123.20–8 ГК РФ).

Следующий этап — исполнение нотариусом, который получил от наследственного фонда заявление о принятии наследства, обязанности выдать данному фонду свидетельство о праве на наследство. Этот момент очень важен, поскольку наследственный фонд обретает правомочия по управлению имуществом. Кроме того, нотариус обязан выдать свидетельство о праве на наследство в срок, не превышающий 6 месяцев (в ряде случаев срок продлевается еще на 3 месяца). В противном случае сам наследственный фонд имеет право обжаловать бездействие нотариуса (ч. 2 ст. 123.20–8 ГК РФ).

Стоит отметить, что в случае если действия (бездействие) нотариуса нарушает содержание завещания или собственно само решение о создании наследственного фонда, в том числе условия управления подобным фондом, ряд лиц имеет право оспаривать поведение нотариуса: 1) выгодоприобретатели (ими могут быть любые физические и юридические лица, являющиеся полноправными участниками гражданского оборота, за исключением коммерческих организаций — их права не отчуждаемы); 2) душеприказчик (то есть исполнитель завещания); 3) наследники (например, дети или супруг наследодателя) (ч. 1 ст. 123.20–8 ГК РФ).

Гражданин, который при жизни принял решение о создании после своей смерти наследственного фонда, также утверждает при жизни и устав данного фонда, в котором закрепляется структура органов управления, а также условия и порядок управления имуществом фонда. Управление наследственным фондом осуществляется органами, сформированными на основании заявления наследодателя. Так, в частности, структура органов наследственного фонда на практике предусматривает единоличный исполнительный орган в лице руководителя,

а также коллегиальный орган управления в лице, например, совета. При этом важно подчеркнуть, что выгодоприобретатель наследственного фонда не может входить в состав коллегиальных органов управления фонда, а также не вправе быть руководителем (то есть единоличным исполнительным органом) данного фонда (ч. 2 ст. 123.20–7 ГК РФ).

Правила о наследственном фонде предполагают замену руководителя или кого-либо из членов коллегиального органа управления. Такой порядок должен быть предусмотрен уставом наследственного фонда. Более того, в уставе наследственного фонда может быть предусмотрен перечень лиц, которые выступают в случае необходимости подназначения, если кто-либо из членов органов управления фондом не сможет осуществлять свои функции (выбытие лица).

Учитывая тот факт, что условия управления наследственным фондом, как и в ситуации личного фонда, являются конфиденциальными, они должны быть раскрыты только лицам, входящим в органы управления, а также могут быть раскрыты выгодоприобретателям и органам государственной власти (в исключительных случаях). Таким исключением из правила, например, является ситуация, при которой выгодоприобретатель имеет право требовать раскрытия условия и порядок причитающейся ему части имущества наследственного фонда. Уместно подчеркнуть, что ГК РФ прямо предусматривает, что условия управления наследственным фондом могут включать не только саму возможность передачи всего или части имущества в адрес выгодоприобретателя, но и перечень обстоятельств и ситуаций, при которых данная передача осуществляется. При этом судьба наступления подобных обстоятельств неизвестна: они могут, как наступить, так и не наступить никогда (ч. 1 ст. 123.20–5 ГК РФ).

Наконец, условия управления наследственным фондом также должны включать порядок передачи в адрес выгодоприобретателей имущества, вид, размер имущества, также имущественные права, срок, периодичность передачи имущества (ч. 3 ст. 123.20–5 ГК РФ).

В организационной структуре наследственного фонда может присутствовать надзорный орган, например, Попечительский совет наследственного фонда (ч. 3 ст. 123.20–7 ГК РФ). В таком случае, к его компетенции будет относиться в частности: 1) осуществление надзора за деятельностью органов управления фонда; 2) согласование совершения фондом сделок; 3) иные контрольно-надзорные функции.

Важно подчеркнуть, что внести изменения в устав или условия управления наследственным фондом нельзя после его создания по очевидным причинам, ведь первоначальные условия были утверждены лично наследодателем. Тем не менее, отечественный законодатель предусмотрел исключительный случай, когда допускается внесение необходимых изменений: 1) требование органа управления наследственного фонда в ситуации, когда управление им на прежних условиях становится невозможным по причинам, которые нельзя было предвидеть на момент учреждения наследственного фонда; 2) установленный факт того, что выгодоприобретатель является недостойным наследником, если это нельзя было установить на момент учреждения фонда (ч. 8 ст. 123.20–4 ГК РФ).

Поскольку создание наследственного фонда — есть не что иное, как волеизъявление гражданина, ликвидация фонда возможна только в судебном порядке по следующим основаниям: 1) общие основания ликвидации юридического лица (пп. 1–4 п. 3 статьи 61 ГК РФ); 2) требование единоличного исполнительного органа наследственного фонда по истечении срока, на который создавался данный фонд; 3) требование единоличного исполнительного органа наследственного фонда в случае наступления определенных обстоятельств, закрепленных в условиях управления фондом; 4) требование выгодоприобретателя фонда, если невозможно сформировать органы управления (нет кворума в коллегиальных органах, нет единоличного исполнительного органа); 5) требование единоличного исполнительного органа фонда (руководителя), если в течение трехлетнего срока невозможно выполнить условия учредителя, в соответствии с которым подлежат определению выгодоприобретатели данного фонда (ч. 11 ст. 123.20–4 ГК РФ).

Касательно судьбы имущества наследственного фонда в случае его ликвидации, то порядок следующий: оставшееся имущество переходит выгодоприобретателям, в случае невозможности их определения — решением суда в собственность государства.

Таким образом, положительными моментами реформы наследственного права в контексте введения института наследственного фонда следует считать гибкое регулирование касательно определения круга выгодоприобретателей — конкретные перечни одобрять необязательно, можно лишь ограничиться указанием на определенную категорию лиц. Также в качестве единоличного исполнительного органа фонда может быть назначено юридическое лицо. В этих вопросах регулирование в полной мере соответствует лучшим мировым практикам аналогичных институтов (траст, фонд).

Однако, значимым недостатком остается отсутствие изменений в действующее налоговое законодательство по вопросам режима налогообложения деятельности такого фонда, а также выплат выгодоприобретателям. В качестве примера можно привести налоговое законодательство Лихтенштейна, в котором предусмотрен специальный налоговый режим для аналогичных структур.

Кроме того, следует пересмотреть действующие в настоящее время нормы о порядке учреждения фонда (требования к процедуре создания, последующее изменение устава), а также нормы, определяющие правовой статус выгодоприобретателей.

Тем самым, отрицать полезность такого инструмента организации наследования, как фонд (особенно применительно к крупным имущественным массам, таким как бизнес) не рационально, но и в том виде, в котором в настоящее время данный институт закреплен в отечественном законодательстве, он представляется усеченным, требующим доработки посредством внесения дополнений, учитывающих как частный, так и публичный интерес при наследовании.

Заключение (Conclusions)

Итак, проведенный анализ позволяет установить, что наследственный фонд по отечественному и зарубежному за-

конодательству обладает как схожими чертами, так и отличиями. Во-первых, как и в законодательстве ряда зарубежных стран, в отечественном законодательстве предусмотрено создание фонда, как при жизни наследодателя, так и после его смерти. Во-вторых, наследственный фонд получает статус наследника, хотя на момент составления завещания он еще не существовал, что соответствует подходу в зарубежных правовых порядках. В-третьих, отечественный законодатель наделяет наследственный фонд статусом юридического лица, который должен быть зарегистрирован в установленном законом порядке. В других правовых порядках, к примеру, в США, траст таким статусом не обладает, он не подлежит государственной регистрации, документы, касающиеся его функционирования, не должны предаваться гласности, само существование

траста может оставаться конфиденциальным. Траст, как уже отмечалось, должен соответствовать ряду юридических критериев, с которыми судебная практика связывает его действительность: 1) определенность относительно намерения создать именно траст; 2) определенность относительно предмета траста; 3) определенность в отношении объекта траста. Правовая природа траста заключается, прежде всего, в доверительном (фидуциарном) характере таких отношений. Специфика траста предусматривает одновременное наличие имущественных прав, как у доверительного собственника, так и у бенефициара. Это, в свою очередь, обуславливает специфику имущественного интереса доверительного собственника и выгодоприобретателя, а также способы защиты их прав в случае нарушения.

Литература:

1. Black's Law Dictionary / ed. by B. Garner. 7th ed. St. Paul, 1999. — 1513 p.
2. Knight v. Knight, 1840, 3 Beav. 148. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://www.lawteacher.net/cases/knight-v-knight.php> (дата обращения 26.09.2022)
3. McPhail v Doulton (Re Baden (No. 1)) [1971] AC424. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://lawprof.co/trust/creation-of-express-trust-cases/mcphail-v-doulton-re-baden-no-1-1971-ac-424/> (дата обращения 26.09.2022)
4. Palmer v Simmonds (1854) 61 ER704. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://vlex.co.uk/vid/palmer-v-simmonds-805836241> (дата обращения 26.09.2022)
5. Repington v Roberts-Gawen (1881–82) LR19 Ch D520. Электронный ресурс. Режим доступа. https://wikimili.com/en/Repington_v_Roberts-Gawen (дата обращения 26.09.2022)
6. Актуальные проблемы наследственного права зарубежных стран: Монография / Н.И. Гайденок Шер, Ф.А. Лещенков, В.С. Радченко и др.; Отв. ред. Н.Г. Семилютина, О.М. Сакович, С.В. Соловьева. М., 2021. — 272 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Гуцин В. В., Добровинская А. В. Наследственный фонд как способ управления наследственным имуществом // Наследственное право. 2018. № 1. С. 22–25.
9. Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус фонда в Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. М., 2021. — 322 с.
10. Каймакова Е. В. Общая характеристика трансформации наследственного законодательства Российской Федерации // Наследственное право. 2021. № 4. С. 2–4.
11. Канашевский В. А. Правовой режим оффшорных компаний и трастов. 2-е изд., доп. М., 2015. — 189 с.
12. Карташов М. А. Наследственный фонд: новое российское законодательство и иностранный опыт // Современное право. 2017. № 10. С. 83–90.
13. Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; Под ред. Д. А. Медведева. М., 2019. — 492 с.
14. Короп И. И. Проблемные вопросы института наследственного фонда // Наследственное право. 2019. № 2. С. 7–10.
15. Крашенинников П. В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019. — 302 с.
16. Максимов Д. М. Признание трастов как формы международного наследования в России // Нотариус. 2008. № 5. С. 29–34.
17. Мананкова Р. П. Современный этап отечественной цивилистики: достижения и ошибки // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 435. — С. 260–264.
18. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р. С. Бевзенко, С. Л. Будылин, Е. В. Кожевина и др.; отв. ред. Е. Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. — 656 с.
19. Синицын С. А., Шелютто М. Л. В интересах ли бизнеса предложенная реформа российского наследственного права? // Предпринимательское право. 2017. № 2. С. 17–25.
20. Суховенко А. Н., Арсенов Н. А., Околенова В. А. Институт наследственного фонда: проблемы теории и практики // Социально-политические науки. — 2018. — № 5. — С. 174–176.
21. Федеральный закон от 01.07.2021 № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5115.
22. Федеральный закон от 29.07.2017 № 259-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4808.

Правовые последствия нарушения застройщиком обязательства по договору участия в долевом строительстве

Симоненко Екатерина Олеговна, студент магистратуры
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

В статье автором проводится анализ положений действующего законодательства об ответственности застройщика по договору участия в долевом строительстве. Одной из разновидностей является возмещение убытков. Кроме того, правоприменительная практика позволяет выделить подвид возмещения убытков — компенсация упущенной выгоды.

Ключевые слова: договор участия в долевом строительстве, застройщик, ответственность, нарушение обязательств.

Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве» (далее — Закон) действует практически восемнадцать лет, однако дискуссии в научных кругах о неэффективности предусмотренного в нем механизма регулирования отношений между застройщиком и участниками долевого строительства не утихают и по сей день, о попытках совершенствования указанного механизма говорят и многочисленные изменения, вводимые в закон и смежные с ним нормативно-правовые акты [1, с. 95].

При анализе положений вышеназванного нормативно-правового акта можно прийти к выводам о том, что основанием наступления гражданско-правовой ответственности для застройщика выступает правонарушение, которое связывается с неисполнением или ненадлежащим исполнением им возложенных обязательств по договору участия в долевом строительстве. Среди условий наступления гражданско-правовой ответственности выделяют: противоправный характер поведения застройщика, наличие у потерпевшей стороны убытков или вреда, причинная связь между деятельностью застройщика и наступившими последствиями его действий [2, с. 119].

Основываясь на принципах гражданского права, Закон аналогично содержит принцип имущественной ответственности, в частности, ответственность за нарушение обязательств по договору участия в долевом строительстве. Так, положения ст. 10 Закона предусматривает виды гражданско-правовой ответственности для обеих сторон договора участия в долевом строительстве в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по этому договору. В контексте данного исследования интерес представляют правовые последствия нарушения застройщиком обязательств по договору участия в долевом строительстве.

При исследовании вопросов привлечения застройщика к ответственности, по мнению авторов, необходимо исходить из определения причин, послуживших основанием к нарушению застройщиком его обязательств. Так, М. А. Колоскова считает, что если застройщик намеренно и необоснованно растягивает строительство объекта недвижимости, то в этом случае он должен быть привлечен к ответственности, а если же он осуществил все необходимые меры завершения процесса строительства и передачи объекта недвижимости в срок, указанный в договоре, то его действия подлежат совокупной оценке с действиями участника долевого строительства. При рассмотрении споров суду следует оценивать ситуацию исходя из положений закона и внутренних убеждений, оставляя в стороне стереотипы [3, 40].

Законом предусматривается два вида ответственности: уплата неустойки (штрафа, пеней) и возмещение убытков. Хотелось бы подробно остановиться на втором.

Возмещение убытков рассматривается как компенсация тех расходов, которые «потерпевшая сторона» произвела или должна произвести для восстановления нарушенного права. Традиционно в теории гражданского права рассматривают реальный ущерб — утрата или повреждение имущества, и упущенную выгоду — доход, который сторона могла бы получить при нормальных условиях течения отношений в рамках договора, если бы ее право не было нарушено.

Характерной особенностью уплаты убытков, предусмотренных исследуемым нормативно-правовым актом, выступает то, что она основывается на принципе полного возмещения, то есть сторона, а в нашем случае застройщик, не исполнившая или ненадлежащим образом исполнившая обязательство по договору участия в долевом строительстве, становится обязанной возместить в полном объеме причиненные убытки сверх неустойки.

По смыслу закона, полагаем, подразумевается причинение именно реального ущерба. При этом особенно законодателем оговаривается ситуация, при которой наступает ответственность застройщика за ненадлежащее качество передаваемого объекта недвижимости.

Между тем, возможно взыскание не только реального ущерба. При рассмотрении конкретных ситуаций суд, учитывая все имеющиеся обстоятельства дела присуждает возмещение упущенной выгоды. К примеру, в кассационной инстанции Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ пришла к выводу о том, что между просрочкой застройщика по передаче объекта долевого строительства, отсутствием у участника долевого строительства жилого помещения на праве собственности и затратами, понесенными участником по вынужденному найму жилого помещения, имеется причинно-следственная связь [4].

Вытекающей из второй разновидности формой ответственности застройщика за нарушение обязательств по договору о долевом участии в строительстве выступает возможность взыскания процентов за пользование денежными средствами. Такой вид ответственности может быть применим только к застройщику, поскольку он наделен возможностью привлечения денежных средств участника долевого строительства. По общему правилу, предусмотренному в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) размер процентов за пользование чужими денежными средствами равняется ставке рефинансирования, од-

нако поскольку нормы Закона выступают специальными по отношению к нормам ГК РФ, ими указывается повышенный размер процентов и составляет величину, равную размеру неустойки по закону, то есть одной трехсотой ставки рефинансирования Центрального банка РФ, которая действует на день исполнения обязательства по возврату денежных средств, уплаченных участником долевого строительства. Основанием для уплаты процентов является расторжение договора по инициативе участника долевого строительства и по вине застройщика. Проценты за пользование чужими денежными средствами начисляются со дня внесения денежных средств участником долевого строительства или части этих средств в счет цены договора до дня возврата застройщиком. Важным является указание в законе на то, что если участником долевого строитель-

ства выступает гражданин, то размер процентов увеличивается двукратно, полагаем, это связано с предоставлением дополнительной защите физических лиц, как наиболее слабой стороны в отношениях с контрагентом-профессионалом.

Таким образом, при исследовании вопросов о правовых последствиях нарушения застройщиком обязательств по договору участия в долевом строительстве, необходимо отметить, что основанием для привлечения застройщика к ответственности выступает неисполнение или ненадлежащее исполнение им возложенных обязательств, главным из которых является просрочка исполнения обязательства. Законодательством предусматривается ряд видов ответственности, применяемой к застройщику-правонарушителю, среди которых значатся неустойка, возмещение убытков, а также компенсация морального вреда.

Литература:

1. Мильниченко Д. А. Гражданско-правовая ответственность по договору участия в долевом строительстве: общие положения // Новая наука и актуальные тенденции в образовании: сб. научных работ. под редакцией С. В. Кузьмина. — Казань, 2017. — С. 94–98.
2. Сайфутдинова Г. Г. Гражданско-правовая ответственность застройщика ответственность по договору участия в долевом строительстве / Г. Г. Сайфутдинова, А. Ю. Аминова // Вестник современных исследований. — 2018. — № 3.1 (18). — С. 116–119.
3. Колоскова М. А. Условие о сроках в договоре долевого участия в строительстве многоквартирных домов // Гражданское право. 2009. — № 3. — С. 39–41.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 18-КГ17-239. — Документ опубликован не был. — Доступ из СПС Консультант плюс.

Проблемы исполнения договорных обязательств в современных условиях

Слипченко Никита Павлович, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автор рассматривает особенности и проблемы исполнения договорных обязательств в современных условиях. Особое внимание уделяется анализу практики правоприменения, которая отражает проблематику исполнения различных гражданско-правовых договоров в условиях COVID-19.

Ключевые слова: договор, исполнение, обязательства.

В нынешних условиях актуализируется проблема, связанная с надлежащим исполнением договорных обязательств. Так, речь идет, например, о пандемии COVID-19, которая существенно сказалась на возможности соблюдения условий договора и его фактического исполнения, а также определенную проблематику привнесли антироссийские санкции, исходящие от зарубежных стран с конца февраля 2022 года. Как следствие, имеется необходимость в рассмотрении особенностей и проблем исполнения договорных обязательств в современной реальности.

Так, любое обязательство должно быть исполнено надлежащим образом, то есть в полном соответствии с условиями, предусмотренные как заключенным договором, так и требованиями законодательства. При отсутствии прямого указания на особенности исполнения того или иного обязательства предполагается, что обязательство исполняется в соответствии с существующими обычаями делового оборота. В том случае, если обяза-

тельство будет выполнено надлежащим образом, есть основание считать, что обязательство может быть прекращено [3, с. 38].

Любое обязательство должно быть исполнено в натуре, то есть в результате совершения должником таких действий, которые предусмотрены условиями обязательства, без замены данных условий на другим произвольными. Иными словами, обязательство выполняется в денежном эквиваленте, не заменяя обязательство какими-либо другими материальными ценностями.

При этом должник не имеет право в одностороннем порядке отказаться от исполнения обязательства или изменить если условия, за исключением тех случаев, которые прямо предусмотрены в законе. Данный принцип предусмотрен положениями ст. 310 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ [1]). Между тем, из данного правила существуют и исключения, которые, например, заключают в том, что сторона

договора поставки может отказаться от исполнения договора в том случае, если другой стороной будут допущены существенные нарушения условий заключенного договора.

Нарушение исполнения обязательства влечет за собой наступление гражданско-правовых последствий в виде наступления ответственности. Предполагается, что ответственность может наступить за [3, с. 39]:

- 1) ненадлежащее исполнение обязательства;
- 2) неисполнение обязательства в принципе.

Пандемия COVID-19 отразилась, например, на сроках исполнения договорных обязательств, а именно они стали нарушаться. При этом в ряде случаев таким образом субъекты гражданского оборота злоупотребляли свои правами, не исполняя свои договорные обязательства ссылались на коронавирусную инфекцию как на обстоятельство непреодолимой силы.

Так, возьмем сферу долевого участия в строительстве. В суд было заявлено требование о внесении изменений в договор. Истец ссылается на наличие оснований для внесения изменений в договор в части срока передачи ответчикам объекта долевого строительства в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, при этом указав на то, что в момент заключения договора стороны не могли предполагать, что из-за распространения коронавирусной инфекции выполнить взятые на себя обязательства в указанный в договоре срок будет невозможно. В результате в удовлетворении требований было отказано [4].

Нарушение сроков исполнения договора наблюдается и применительно к другим сферам. Например, в суд было заявлено требование о взыскании неустойки по договору об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям. Сетевая организация ссылается на нарушение заказчиком срока осуществления мероприятий по технологическому присоединению.

В результате требование было удовлетворено, поскольку доказан факт нарушения заказчиком срока исполнения обязательства, при этом установление нерабочих дней не является основанием для переноса срока его исполнения, поскольку доказательства наличия препятствий к исполнению обязательства, а также доказательств того, каким образом меры, направленные на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции, повлияли на нарушение срока выполнения мероприятий, заказчик не представил [6].

Достаточно много нарушений наблюдалось в сфере исполнения договора возмездного оказания услуг.

Так, заказчиком были заявлены следующие требования:

- 1) О взыскании неустойки;
- 2) О взыскании денежных средств;
- 3) О расторжении договора;
- 4) О взыскании компенсации морального вреда.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Грызлов К. А. О некоторых вопросах исполнения договорных обязательств в условиях коронавирусной инфекции // Трибуна ученого. — 2021. — № 4. — С. 127–131.

Из материалов дела следует, что истцом с турагентом заключен договор о реализации туристского продукта, совершение поездки стало невозможным в связи с угрозой безопасности жизни и здоровья туристов, обусловленной распространением новой коронавирусной инфекции, истец направил в адрес турагента заявление о расторжении договора, возврате уплаченных денежных средств, которое оставлено без удовлетворения.

В результате требования были удовлетворены судом частично [5].

Анализ норм гражданского законодательства и материалы судебной практики показывают, что институт непреодолимой силы в полной мере относится к последствиям пандемии коронавирусной инфекции и может влиять на исполнение договорных обязательств, однако не на их прекращение.

Проблемы пандемии, связанные с исполнением договорных обязательств, очень активно выразились и поставили перед судами очень непростые задачи, ведь судебной практики, связанной с вопросами признания пандемии форс-мажором в России просто нет. Но стоит отдать должное Верховному Суду РФ, поскольку очень быстро вышел обзор судебной практики и вопросы, связанные с пандемией, оперативно были разъяснены.

Однако последствия пандемии, как основание непреодолимой силы, будут определяться судом самостоятельно с учетом всех субъективных факторов и их причинно-следственной связи в объективной действительности.

Соответственно, учитывая тот факт, что каждое дело будет рассматриваться индивидуально, с точки зрения оценки доказательств, очень трудно будет предугадать доказательственную силу фактов.

Высокий уровень правовой неопределенности предопределяет к сторонам повышенные требования в области соответствия действий принципам разумности и добросовестности [2, с. 130].

Таким образом, мы можем заметить, что исполнение договорных обязательств в условиях пандемии имеет определенную проблематику. При этом практику разрешения споров по такой категории дел также нельзя назвать единообразной. Тем самым происходит нарушение прав субъектов гражданского права. Так, стороны договорных обязательств столкнулись с нарушением сроков исполнения договора или невозможностью его исполнения в принципе. Как следствие, особую востребованность в данном аспекте вызывают разъяснительные положения вышестоящих судебных инстанций по таким вопросам, а также внесение дополнительных изменений в рамки действующего законодательства с учетом возникшей проблематики. Иными словами, имеется необходимость в урегулировании особенностей исполнения договорных обязательств в условиях COVID-19.

3. Курулина М. А. Принципы исполнения обязательств // Вестник науки и образования. — 2019. — № 6–2 (60). — С. 38–40.
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2021 № 88–24559/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 № 88–8366/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29.07.2021 № Ф02–3681/2021 по делу № А19–20562/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Некоторые проблемы отграничения простого убийства от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего

Смирнова Ксения Константиновна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье рассматривается понятие и уголовно-правовая сущность противоправного деяния — убийства, в правовой доктрине известного под упоминанием как «простое убийство». Кроме этого, в данной статье рассмотрены проблемы отграничения убийства от смежных составов преступлений. На основе проведенного исследования автором проведен анализ основных критериев разграничения составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Ключевые слова: убийство, квалификация, отграничение, субъективная сторона, преступление.

Some problems of distinguishing a simple murder from the intentional infliction of grievous bodily harm, which negligently caused the death of the victim

Smirnova Kseniya Konstantinovna, student master's degree

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The author touches upon the issue of determining the criminal law essence of an unlawful act — murder, in the legal doctrine known as «simple murder». In addition, this article considers the problems of delimiting murder from related offenses. On the basis of the study, the author analyzed the main criteria for delimiting the corpus delicti of crimes provided for in Part 1 of Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation and Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: murder, qualification, delineation, subjective side, crimes.

В правовой системе Российской Федерации, отвечающей интересам современного общества, значение человеческой жизни очень велико. Так, в Конституции Российской Федерации, человек и его жизнь, провозглашаются наивысшей ценностью. В Уголовном кодексе личности и преступлениям, посягающим на нее, также отведено первостепенное значение. Такое преступление, как убийство, открывает особенную часть Уголовного кодекса, что позволяет сделать вывод о том, что человеческая жизнь ставится на первое место, в сравнении с преступными посягательствами на интересы общества и государства.

Понятие убийства не имело определения в отечественном законодательстве до 1996 года, что привело к формированию различных подходов к толкованию указанной дефиниции. Так, В. В. Сверчков определяет убийство как «противоправное умышленное лишение виновным жизни другого человека» [7]. По мнению В. И. Кузнецова «убийство — это общественно опасное, противоправное, умышленное причинение смерти другому человеку, когда оно не направлено одновременно на иное охраняемое уголовным законом общественное отно-

шение» [6]. В современном Уголовном кодексе понятие убийство конкретно определено и истолковывается как «умышленное причинение смерти другому человеку» [1].

Несмотря на то, что тема убийства на сегодняшний день достаточно хорошо исследована, в практической деятельности нередко возникают сложности при квалификации данного деяния и отграничении его от смежных составов преступлений. Ошибки при квалификации влекут за собой сложности, возникающие как при расследовании, так и при назначении уголовного наказания. Цена данных ошибок может быть очень высока, поскольку суд, квалифицируя уголовные деяния и определяя размер уголовного наказания, влияет на человеческие судьбы.

Анализируя статистические данные, по исследуемой проблематике, стоит отметить, что за 08 месяцев 2022 года (январь — август) зарегистрировано 5 181 убийство и покушение на убийство, указанный показатель на 0,5% выше, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, при этом количество погибших в результате преступных посягательств гораздо больше — 14 500 человек [8]. Представленная статистика

позволяет нам сделать вывод о том, что около трети всех преступлений, повлекших причинение смерти, квалифицированы как убийство. В остальных случаях, преступные посягательства, обусловившие наступление гибели людей, квалифицированы по иным статьям Уголовного кодекса. В практической деятельности следствия и суда, нередко возникают сложности при квалификации убийства и покушения на убийство и их разграничении со смежными составами преступлений, что требует тщательного анализа всех составных элементов рассматриваемого состава преступления, а также субъективных и объективных признаков совершенного деяния.

Следует отметить, что при отграничении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ от иных преступлений, в результате которых наступила гибель потерпевшего, таких как ст. 109, ч. 2 ст. 143, ч. 2 ст. 216, п. «в» ч. 2 ст. 238, ч. 2 ст. 293 УК РФ, субъективная сторона является одним из наиболее значимых элементов состава преступления и единственным признаком, по которому указанное преступление возможно отграничить от преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, а также квалифицировать содеянное как покушение на убийство.

Одним из наиболее сложных на практике, остается разграничение составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) и ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, повлекшее причинение смерти по неосторожности). В данном случае сложности возникают в определении направленности умысла, поскольку по своей объективной стороне данные преступления зачастую тождественны. В следственной практике, распространены случаи ошибочной квалификации деяния по ч. 4 ст. 111 УК РФ, при условии наступления смерти, через продолжительное время после причинения вреда здоровью.

В научной литературе содержатся данные об исследовании, в соответствии с которым выявлено, что непосредственно после совершения преступления, либо в период не более суток, смерть наступила лишь в 66% дел об убийствах, в иных случаях между причинением телесных повреждений и смертью имелся достаточно значительный временной промежуток (до трех суток — 27%, свыше трех суток — 7%). В противоположность, на практике нередки случаи, когда при быстром наступлении смерти, непосредственно на месте происшествия, преступление квалифицируется по ч. 4 ст. 111 УК РФ [3].

Ряд авторов сходятся во мнении, что продолжительность жизни потерпевшего, после получения им телесных повреждений, может быть связана с рядом факторов, не влияющих на квалификацию содеянного, таких как своевременность и качество оказанной медицинской помощи, состояние здоровья потерпевшего. Таким образом, нельзя рассматривать величину временного промежутка, от момента получения телесных повреждений, до наступления смерти, в качестве квалифицирующего признака.

Анализируя положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее постановление Пленума) можно прийти к выводу, что правильным является разграничение убийства и умышленного причинения

тяжкого вреда здоровью по направленности умысла [2]. Так, при совершении убийства, умысел лица направлен на причинение смерти, в отличие от преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, где отношение к смерти потерпевшего выражается в форме неосторожности.

Белокуров О.В. отмечает, что, если избранные орудия, характер ранения, его локализация и другие данные свидетельствуют, о том, что умысел виновного был направлен именно на причинение вреда здоровью, ответственность за убийство исключается [4].

Верховный суд разъясняет, что для определения направленности умысла, необходимо оценивать все обстоятельства содеянного в совокупности, с учетом характера и локализации телесных повреждений, их количества, способа и орудия совершения преступления, а также предшествующего преступлению и последующего поведения виновного, и потерпевшего, их взаимоотношений. Полагаем, что необходимо дополнить указанные разъяснения Верховного суда, необходимостью оценки также поведения лица, непосредственно во время совершения преступления, поскольку оно может напрямую свидетельствовать о направленности умысла. В процессе совершения преступления виновный наиболее раскрепощен с психологической точки зрения. Реализуя свои преступные намерения, преступник осуществляет непосредственную реализацию умысла, что позволяет наиболее объективно зафиксировать субъективную сторону именно в этот момент. Для того, чтобы в точности воспроизвести картину произошедшего, нужно тщательно анализировать характер причиненных повреждений и свидетельские показания. Показания виновного лица нельзя считать объективной истиной, поскольку зачастую они не отражают полную картину произошедшего, выстроены так, чтобы избежать уголовной ответственности за совершение убийства и доказать направленность умысла исключительно на причинение тяжких телесных повреждений.

В комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации, под редакцией Бриллиантова А.В. отражено, что такие действия как единичный удар кулаком в область шеи, повлекший смерть, множественные удары руками и ногами в различные части тела потерпевшего, повлекшие его смерть; умышленное нанесение удара ножом в бедро, повлекшее смерть человека от острой кровопотери, квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ не подлежат, их следует квалифицировать как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего. [5].

Вместе с тем, нужно учитывать, что в случае если виновный сознательно допускал смертельный исход, деяние должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК РФ, как убийство с косвенным умыслом, а не как преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ. В данном случае необходимо оценивать локализацию телесных повреждений, которые повлекли наступление смерти. Так, локализация телесных повреждений, в местах расположения жизненно-важных органов — головы, шеи, груди, живота, могут указывать на то, что виновный предвидел наступление смерти потерпевшего. Кроме того, нужно учитывать характер телесных повреждений — является ли ранение проникающим, представляет ли оно опасность для жизни. Нема-

ловажную роль играет и орудие совершенного преступления, к примеру, умышленное причинение телесных повреждений с использованием огнестрельного оружия, само по себе указывает на то, что лицо допускало наступление смертельного результата. В случае если характер, локализация телесных повреждений и орудие совершенного преступления указывают на то, что виновное лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий в виде смерти, сознательно допускало, но не желало их наступления, совершенное деяние должно быть квалифицировано по ч. 1 ст. 105 УК РФ, как убийство с косвенным умыслом.

Анализируя исследуемую проблему, также следует отметить, что сложности в следственной и судебной практике возникают при разграничении покушения на убийство и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. В ряде случаев в качестве покушения на убийство могут быть квалифицированы действия, совершенные с косвенным умыслом, когда виновный не имел цели и не желал причинить смерть потерпевшему. Из постановления Пленума Верховного суда, следует, что покушение на убийство возможно только с прямым умыслом [2]. В случае причинения потерпевшему вреда здоровью, при отсутствии прямого умысла, направленного на причинение смерти и безразличном отношении виновного лица к последствиям его дей-

ствий, содеянное нельзя квалифицировать как покушение на убийство. В данном случае действия виновного должны быть квалифицированы в зависимости от наступивших последствий, по ст. 112 или 111 УК РФ.

Таким образом, при квалификации убийства и покушения на него, для отграничения указанных состав преступлений от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, в том числе повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, необходимо в первую очередь рассматривать субъективную сторону и оценивать направленность умысла виновного лица. В связи с изложенным, в целях совершенствования постановления Пленума предлагаем внести изменения в формулировку и изложить второй абзац п. 3 в следующей редакции: «При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), поведение лица непосредственно в момент совершения преступления, в том числе его эмоционально-волевые, мотивационные и интеллектуальные компоненты, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (в ред. От 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 марта 2015 г. №9) // Библиотечка «Российской газеты». 1999. № 8.
3. Борзенков, Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: учеб.-практ. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г.Н. Борзенков; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак. — Москва: Зерцало-М, 2006. — 143 с
4. Квалификация убийства (ст. 105 УК РФ). Учебное пособие / Белокуров О.В. — М.: Юрист, 2004. — 252 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. // А.В. Бриллиантов. 410 с
6. Кузнецов, В.И. Понятие убийства в российском уголовном праве / В.И. Кузнецов. — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2003. — № 4. — С. 41–46
7. Сверчков В.В. Уголовное право. Особенная часть: учебное пособие для вузов / В.В. Сверчков. — 10-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2020. — 280 с.
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — август 2022 года // Официальный сайт МВД РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/32515852/>

Соотношение общих гражданско-правовых и специальных оснований оспаривания сделок должника в процессе несостоятельности (банкротства)

Сноу Сергей Сергеевич, студент

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Статья посвящена изучению вопросов соотношения оснований недействительности сделок, совершенных должником, предусмотренных гражданским законодательством РФ и законодательством РФ о банкротстве. Проведен анализ предусмотренных Федеральным законом «О банкротстве» специальных оснований оспаривания сделок должника. С применением методов сравнения, сопоставления, толкования правовых норм и обобщения материалов правоприменительной практики выявлены актуальные про-

блемы применения норм банкротного законодательства и выработаны критерии применения общих и специальных оснований недействительности сделки.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, недействительность сделок, оспаривание сделок.

The ratio of general civil law and special grounds for challenging the debtor's transactions in the process of insolvency (bankruptcy)

The article is devoted to the study of the correlation between the grounds for invalidity of transactions made by the debtor, provided for by the civil legislation of the Russian Federation and the legislation of the Russian Federation on bankruptcy. Investigated the special grounds for challenging the debtor's transactions, provided for by the Federal Law of the Russian Federation «On Bankruptcy». With the use of methods of comparison, comparison, interpretation of legal norms and generalization of materials of law enforcement practice, urgent problems of applying the norms of bankruptcy legislation were identified and criteria for the application of general and special grounds for the invalidity of a transaction were developed.

Keywords: insolvency, bankruptcy, invalidity of transactions, challenging transactions.

Оспаривание сделок должника в процессе процедуры банкротства и признание их недействительными представляет собой способ защиты имущественных прав кредиторов, впервые получивший нормативное закрепление в 2009 г. [3]. Согласно статье 6.1 Федерального Закона РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), совершенные должником сделки могут быть признаны недействительными как по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, так и по специальным, предусмотренным законодательством о банкротстве. Оспаривание совершенных должником сделок допускается при наличии заявления внешнего управляющего, конкурсного управляющего либо кредитора до введения в отношении должника процедур конкурсного производства либо внешнего управления.

По общими основаниями недействительной сделки, совершенной должником, согласно пункту 2 статьи 174 Гражданского Кодекса РФ (далее — ГК РФ), следует понимать заведомую осведомленность контрагента по сделке о ее явном ущербе для должника либо совершение контрагентом иных совместных с должником действий. Как указывает высший судебный орган, под совершенной с явным ущербом следует понимать сделку, заключенную на заведомо и значительно невыгодных условиях, при этом основываться следует на том, что сторона по сделке должна была быть осведомлена об ущербе по сделке, если это было бы очевидным для любой из сторон сделки в момент ее заключения. При этом ущерб может быть выражен как в материальных потерях, так и в нарушении иных охраняемых законом интересов должника, включая его деловую репутацию [6]. Следует учитывать, что по специальному основанию, предусмотренному Федеральным Законом РФ «О банкротстве», соответствующие сделки могут быть оспорены только при доказанности сговора или совершения иных совместных действий представителя должника и контрагента по сделке, совершенных исключительно в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. В отсутствие же такого умысла соответствующие сделки оспариваются по основаниям, предусмотренным пунктом 2 статьи 174 ГК РФ.

В 2013 г. в статью 168 ГК РФ внесены изменения, в соответствии с которыми сделки, совершенные с нарушением тре-

бований законов или иных нормативных правовых актов, являются оспоримыми, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. Исключение составляют сделки, посягающие на публичные интересы либо права и законные интересы третьих лиц, которые являются ничтожными, если их оспоримость не предусмотрена законом [4]. В свою очередь, в соответствии с положениями статей 61.2–61.3 Федерального Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)», подозрительные сделки должника и сделки с предпочтением отнесены к числу оспоримых. Таким образом, заявление об оспаривании указанных сделок, согласно пункту 2 статьи 181 ГК РФ, может быть подано в течение срока исковой давности, составляющего 1 год. Правила исчисления срока исковой давности по данной категории дел закреплены в пункте 1 статьи 61.9 Федерального Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)», в соответствии с которым данный срок исчисляется с момента, в который арбитражный управляющий узнал либо должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки. Важно учитывать разъяснения, сформулированные Высшим Арбитражным Судом РФ, указавшим, что, если конкурсный управляющий или внешний управляющий ранее исполнял функции временного управляющего в ходе процедуры наблюдения и должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки на стадии анализа финансового положения должника, срок исковой давности исчисляется с момента утверждения лица как внешнего управляющего либо конкурсного управляющего [5].

Злоупотребление правом в арбитражной практике определяется как совершение управомоченным субъектом действий, направленных на реализацию предоставленного ему права, которые сопряжены с нарушением пределов реализации гражданских прав либо совершаются с противоправными целями или же нарушают права и законные интересы третьих лиц. Так, злоупотребление правом может быть выражено в отчуждении должником имущества в целях предотвращения его включения в конкурсную массу [8]. Злоупотребление правом должно быть явным и очевидным, не оставляя сомнений в фактической цели заключения сделки и иметь место как со стороны долж-

ника, так и со стороны контрагента по сделке, применительно к которому оно выражается в заключении им сделки [9].

Предусмотренные законодательством о банкротстве недействительные сделки могут быть определены как форма злоупотребления правом, однако сделка может быть признана недействительной как совершенная со злоупотреблением правом в соответствии со статьями 10 и 168 ГК РФ в случае, если ее пороки выходят за пределы подозрительности сделок или сделок с предпочтением, предусмотренных законодательством о банкротстве. В практике высших судебных инстанций сформирована устойчивая позиция, в соответствии с которой доводы конкурсных управляющих о необходимости применения в отношении подозрительных сделок либо сделок с предпочтением при отсутствии в них иных пороков общих положений о ни-

чтожности сделки представляют собой форму обхода общего правила о сроках исковой давности [7].

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

Квалификация сделок должника как недействительных различается в соответствии с фактом возбуждения в отношении должника производства по делу о банкротстве и процедуры о банкротстве, применяемой на момент совершения оспариваемой сделки. В случае, если соответствующая сделка заключена должником на стадии процедуры наблюдения, она может быть признана недействительной по общим основаниям, предусмотренным ГК РФ, в то время как на стадиях внешнего управления и конкурсного производства применению подлежат специальные оснований недействительности сделки, предусмотренные законодательством о банкротстве.

Литература:

1. Гражданский Кодекс РФ, часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный Закон РФ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
3. Федеральный Закон РФ от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 18. — Ст. 2153
4. Федеральный Закон РФ от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части 1 Гражданского Кодекса РФ и статью 1153 части 3 Гражданского Кодекса РФ» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 19. — Ст. 2327.
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального Закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2011. — № 3.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части 1 Гражданского Кодекса РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 8.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июня 2014 г. № 10044/11 по делу № А32-26991/2009 // Справочно-правовая система «Решения арбитражных судов».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 июня 2016 г. № 52-КГ16 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10 октября 2018 г. № Ф07-11558/2018 по делу № А56-57508/2016 // Справочно-правовая система «Решения арбитражных судов».

Взаимовлияние механизма индивидуального правового регулирования и правозащитной деятельности: к постановке проблемы

Спирин Константин Олегович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор предпринимает попытку постановки проблемы соотношения (взаимовлияния) механизма индивидуального правового регулирования и правозащитной деятельности, роли судебной деятельности.

Ключевые слова: механизм индивидуального правового регулирования, правозащитная деятельность, стадии индивидуального правового регулирования, толкование права, правоприменение.

Правовое регулирование является интенсивным воздействием, осуществляемым с прямой целью установления правового порядка, на достижение которой направлен системный подбор специальных средств.

В современных условиях социально-экономических, политических, культурных изменений в стране актуализируется потребность в обеспечении надежной охраны общественного порядка в интересах как личности, так и общества в целом.

Вместе с тем, высокая социальная значимость и полифункциональный характер деятельности органов государственной власти, а также негосударственных объединений по охране общественного порядка обуславливают необходимость доктринального осмысления проблематики и разработки системы нормативно-правовых основ и организационно-правовых мер, посредством которых будет достигаться результативное правовое регулирование общественных отношений в рассматриваемом правовом поле.

Государство, а также его органы, в той или иной степени регулируют широкий круг общественных отношений, затрагивающий практически все сферы жизни. Одной из основных задач и в то же время обязанностей механизма государства является защита прав и свобод человека и гражданина, о чем сказано в ст. 2 Конституции Российской Федерации, а также обеспечение режима законности и охрана правопорядка, борьба с различными правонарушениями и преступными посягательствами.

Различные сферы и различные цели правового регулирования обуславливают дифференциацию целей и средств. Поэтому объективные сложности исследования правового регулирования вызваны разнообразием общественных отношений, целей, средств и способов регулирования [1, с. 67].

«Правоприменение — отмечает Редько А. А. — возможно только при наличии сформированной правотворческой базы, т.е. правотворчество, а равно правотворческая политика имеют первенство во времени по отношению к правоприменению и правоприменительной политике. Без нормативно-правовой базы, созданной в результате правотворческого процесса, сформировавшегося под влиянием правотворческой политики, существование правоприменения как формы реализации правозащитной политики невозможно. Правотворческая политика предшествует и определяет политику правоприменительную, следовательно, правотворчество и правоприменение находятся в постоянном взаимодействии и взаимосвязи» [2, с. 29].

В юридической науке формулируется такая категория как «механизм правового регулирования», имеющая существенное значение в ходе правоприменительной и правозащитной деятельности, обуславливающая различные аспекты действительности толкования правовых норм.

В переводе с греческого (от греч. — *Mēchanē*), механизм — это:

«1) внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие;

2) последовательность состояний, процессов, определяющих собою какое-нибудь действие, явление; 3) система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности» [3, с. 55].

Тем самым, природу любого механизма составляет взятая в единстве система явлений (состояний, процессов и т.д.), построенная по определенной схеме, определяющая эффективный порядок деятельности (функционирования).

Данное понятие весьма востребовано юридической наукой для обозначения различных явлений и состояний — таких, как «механизм правотворчества»; «механизм формирования правомерного поведения»; «механизм правового регулирования»; «юридический механизм управления»; общий механизм дей-

ствия права», «правовой механизм» и некоторых других. Во всех случаях правовой механизм выступает сложным системным образованием, объединяющим в себе компоненты как социального, юридического, так и политического характера; данные элементы взаимодействуют друг с другом и отличаются соподчиненными организационными связями, составляющими систему.

Таким образом, под механизмом правового регулирования следует понимать нормативно закрепленный, системно организованный комплекс правовых средств, направленный на достижение в соответствии с определенной юридической процедурой целей правового регулирования [4, с. 78].

В диссертационном исследовании Березовской Е. В. отмечается, что индивидуальное правовое регулирование можно классифицировать в зависимости от субъектов, осуществляющих данный вид деятельности. В роли субъектов выступают государственные органы, должностные лица, а также в установленном законом порядке юридические лица (например, хозяйственные и общественные организации), трудовые коллективы при заключении трудового договора (контракта) и т.д. Некоторые индивидуальные акты, связанные с использованием юридических норм (осуществлением субъективных прав), довольно близки к актам применения права. Таковы, например, договоры и односторонние акты (сделки) в гражданском, трудовом праве. В зависимости от сферы деятельности индивидуальное правовое регулирование может выступать, например, в виде решений органа государственной власти о назначении выборов, о назначении дипломатического представителя, об образовании или упразднении комитета, ведомства [5, с. 28].

Индивидуальное правовое регулирование — как следует из диссертации А. С. Григорьева — представляет собой правовое воздействие на общественные отношения, выражающееся в возложении и реализации субъективных прав и юридических обязанностей в индивидуальном порядке, направленное на разрешение конкретных ситуаций, осуществляемое путем совершения односторонних правомерных юридически значимых действий, результатом, которых являются индивидуальные правовые акты [6, с. 19].

Как отмечает Григорьев А. С. в своем диссертационном исследовании, индивидуальное правовое регулирование — это «вид правового регулирования, при котором властноорганизующие начала сочетаются с возможностью принятия субъектами права собственных решений, выражающих их индивидуальную волю, цели и интересы. В отличие от нормативного правового регулирования, когда субъекты выбирают предусмотренные нормами права варианты поведения и пределы субъективного усмотрения существенно ограничены, в ИПР, как правило, наблюдается существенное увеличение сферы и пределов автономии (усмотрения) в правовом поведении субъектов при реализации законных интересов» [6, с. 22].

При этом в отличие от стадий нормативного правового регулирования, в число которых юридической наукой традиционно включают:

— Стадия формирования и общего действия юридических норм, где правовые нормы, вступившие в силу, устанавливают правовой режим, в рамках которого будет происходить

конкретное взаимодействие будущих участников правоотношений;

— Стадия возникновения прав и обязанностей (стадия возникновения правоотношений), на которой на основе юридических фактов, предусмотренных действующими правовыми нормами, у конкретных субъектов возникают юридические права и обязанности — индивидуализированные правила их поведения;

— Стадия реализации прав и обязанностей, на которой субъективные права и обязанности участников правоотношений, заложенные в юридических нормах, воплощаются в жизнь, осуществляются в фактическом поведении субъектов [7, с. 26],

Стадии индивидуального правового регулирования выстраиваются с учетом специфики казуального регулирования, учитывая не только юридические (нормативные) аспекты, но и социальные начала права, во многом предопределяющие принципиальную возможность разрешения тех или иных правовых ситуаций.

А. С. Григорьевым выделяются следующие стадии индивидуального правового регулирования:

— правообразование (объективный процесс, который предваряет правотворческую деятельность компетентных органов государства. Право формируется самой жизнью, столкновением интересов субъектов общественных отношений и иными социальными противоречиями);

— правотворчество (компетентные государственные и иные органы (органы местного самоуправления, общественные организации) создают нормативные правовые акты, окончательно закрепляя сформированные в обществе правила поведения, сообщая им легальный нормативный, государственно-властный характер);

— правореализация (юридически должное и возможное превращается в юридически существующее, действительное. Потенциальные субъективные права и юридические обязанности субъектов права наполняются конкретным фактическим содержанием применительно к реальным жизненным ситуациям) [8, с. 92–93].

В этой связи нам представляется существенным рассмотрение влияния индивидуального правового регулирования на правозащитную деятельность, учитывая многообразие и порой стихийность складывающихся правовых ситуаций (конфликтов, споров), требующих компетентного и правильного разрешения.

При этом рассмотрение влияния индивидуального правового регулирования на правозащитную деятельность представляется нам важным и потому, что внесение казуальных черт регулирования в данной сфере призвано активизировать институты гражданского общества и обеспечить тем самым соответствующее ожиданиям, предсказуемое, регулирование правоотношений в различного рода сферах взаимодействия индивидов.

Особенно влияние механизма индивидуального правового регулирования обнаруживает себя в деятельности судебной системы.

Количество судебных споров, рассматриваемых судами судебной системы Российской Федерации, от года к году возрастает, что ставит перед судебной системой сложную задачу

по оптимизации процедур рассмотрения дел и совершенствования индивидуального судебного регулирования.

В этой связи актуальна проблема установления неких пределов, ограничивавших бы властный судебный произвол в той мере, в какой это было необходимо для выполнения ключевых задач судопроизводства и реализации права каждого на справедливое судебное разбирательство, но при этом не попрекало бы принцип независимости судей.

Полагая, что решение данного вопроса находится больше в плоскости этики, чем права, нам представляется важным установление более высоких требований не только к квалификации кандидата в судьи, но и к его репутации, а также установления необходимости требования обязательного двухступенчатого порядка исчисления стажа по юридической профессии, то есть со включением требования об обязательном стаже работы как в адвокатуре, так и в государственных органах.

Указанное позволит создать более широкое представление у кандидата в судьи о правовой действительности и будет способствовать более справедливому и адекватному усмотрению, что, в свою очередь, обеспечит стабильность индивидуального судебного регулирования как «дополнения нормативного регулирования и самостоятельного средства правовой защиты нарушенного права» [9, с. 14].

Как отмечает Степин А. Б., индивидуальное судебное регулирование — это «правовая деятельность суда, выраженная в правовом воздействии на конкретные общественные отношения с целью их урегулирования (разрешения), упорядочения (квалификации), прекращения конфликтности сторон (участников), защиты нарушенного права. В зависимости от вида общественных отношений (семейных, трудовых, социальных, гражданских, публичных и др.) следует выделять и соответствующие виды индивидуального судебного регулирования, возникающего при регулировании неповторяемых отношений, отличающихся «ограниченным кругом субъектов и осуществляемых с помощью индивидуально-правовых средств» [10, с. 12].

Безусловно, в зависимости от вида общественных отношений, в рамках индивидуального судебного регулирования применяются и различные подходы к толкованию права, при помощи которых и достигаются цели отправления правосудия. В этой связи именно правозащитная деятельность профессиональных ее субъектов формирует релевантные подходы к осмыслению права в целом и применительно к отдельным казам правовой действительности.

Таким образом, по нашему мнению, в вопросе соотношения механизма индивидуального правового регулирования и правозащитной деятельности именно последняя обеспечивает «оживление» правоинтерпретационной деятельности, с помощью которой и достигается индивидуальное (при разрешении споров) воздействие на общественные отношения, поскольку в ходе рассмотрения и разрешения правовых ситуаций субъекты, осуществляющие правозащитную деятельность, осмысливают нормативные предписания применительно к контексту конкретных споров и ситуаций, в ходе которых могут выявлять пробелы в правовом регулировании, которые требуют уточнения содержания правовых норм и их применения на практике, что достигается посредством их толкования.

Литература:

1. Талыкин, Е. А. Место индивидуального правового регулирования в системе правового регулирования рассмотрения и разрешения споров / Е. А. Талыкин. — Текст: непосредственный // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. — 2021. — № 2 (11). — С. 63–74.
2. Редько, А. А. Правозащитная политика и правоприменительная деятельность в Российской Федерации: учебное пособие для вузов / А. А. Редько, Т. В. Яловенко. — Москва: Юрайт, 2022. — 76 с. — Текст: непосредственный.
3. Головкин, Р. Б. Актуальные проблемы теории правового регулирования: учебное пособие для вузов / Р. Б. Головкин, Ю. П. Колесникова, О. Д. Третьякова. — 2-е изд. — Москва: Юрайт, 2022. — 305 с. — Текст: непосредственный.
4. Лазарев, В. В. Теория государства и права: учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — 5-е изд. испр. и доп. — Москва: Юрайт, 2022. — 521 с. — Текст: непосредственный.
5. Березовская, Е. В. Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование: специальность 12.00.01 «теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Березовская Е. В.; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2005. — 293 с. — Текст: непосредственный.
6. Григорьев, А. С. Механизм индивидуального правового регулирования общественных отношений: специальность 12.00.01 «теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Григорьев А. С.; Тюменский юридический институт МВД России. — Тюмень, 2011. — 185 с. — Текст: непосредственный.
7. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. — Москва, 1981. — 534 с. — Текст: непосредственный.
8. Григорьев, А. С. Стадии индивидуального правового регулирования / А. С. Григорьев. — Текст: непосредственный // Евразийский юридический журнал. — 2017. — № 9 (112). — С. 92–93.
9. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак. — Москва: Норма, 1999. — 376 с. — Текст: непосредственный.
10. Степин, А. Б. Индивидуальное судебное регулирование в правовой системе Российской Федерации / А. Б. Степин. — Текст: непосредственный // Российский судья. — 2017. — № 7. — С. 92–93.

Толкование права и его влияние на правозащитную деятельность

Спирин Константин Олегович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор предпринимает попытку постановки проблемы соотношения (взаимовлияния) механизма индивидуального правового регулирования и правозащитной деятельности, роли судебной деятельности.

Ключевые слова: правозащитная деятельность, толкование права, правоинтерпретационная деятельность, суд, юридическая помощь, защита.

Толкование права является специфической правовой деятельностью, которая тесно связана с правовой действительностью. Право тесно связано с государством, оно обладает своими специфическими чертами. Это системность, нормативность, формальная определенность, необходимость государственного принуждения. Именно эти признаки права, по мнению Рубанцовой Т. А., и порождают необходимость толкования нормативно-правовых актов в системе российского права [1, с. 214].

Толкование права — это установление содержания нормативно-правовых предписаний для их практической реализации. Цель толкования состоит в том, чтобы выявить точный смысл юридических правил, правовых предписаний, содержащихся в нормативно-правовых актах [2, с. 203].

Установлению подлежит государственная воля, которая объективно выражена и закреплена в тексте нормативно-правового акта. Объектами толкования, таким образом, высту-

пают юридические нормативные акты как письменные акты-документы, содержащие нормы права.

Стратегическая задача толкования — эффективная реализация правовых предписаний в режиме строгой законности. В конечном счете направлено на практическое осуществление правовых норм. Большое значение оно имеет для правоприменения и деятельности государственных органов по изданию и систематизации нормативно-правовых актов [3, с. 123].

Толкование права следует определить как юридически значимую интеллектуально-волевою деятельность субъектов права по уяснению и разъяснению смысла содержания правовых актов в целях их реализации и совершенствования.

Таким образом, правоинтерпретационная деятельность имеет непосредственное практическое значение, поскольку через толкование норм права достигается реализация властных нормативных предписаний в правоприменительной деятельности.

Как отмечает Тарасов А. Н., сущность толкования права заключается в «уяснении для себя и для субъектов общественных отношений, а также в разъяснении для других объективно существующих принципов и норм права, содержащихся в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного права, реализуемых в государстве, с целью выявления прежде всего действительной воли управомоченных правотворческих органов, а не «букв» в принципах и нормах права» [4, С. 27]

В целом разделяя вышеприведенную точку зрения отметим, что зачастую «выявление воли управомоченных правотворческих органов» оказывается не всегда возможным сразу ввиду различных факторов, связанных, например с новизной правоотношения или его сложностью, отсутствием устойчивой правоприменительной практики или же, напротив, наличием противоречивой практики применения норм права, в связи с чем справедливо замечание Морозовой Л. А. о том, что «необходимость толкования норм права возникает в процессе правоприменения, поскольку невозможно применить норму права, не уяснив ее точный смысл» [5, С. 268].

При этом постановка проблемы правоинтерпретационной деятельности в правозащитном аспекте представляется значимой ввиду особых условий его существования в российской действительности.

Особое место в системе официального толкования права имеют решения международных судов, будучи направленными на достижение целей беспристрастного и справедливого правосудия, которое обеспечивает защиту и восстановление общепризнанных принципов и норм права. Установление юридической природы решений международных судов, в частности Европейского суда по правам человека, имеет особую важность для определения места и роли акта судебного толкования права

Европейский Суд по правам человека (European Court of Human Rights (англ.); Cour européenne des droits de l'homme (фр.)) — международный судебный орган, юрисдикция которого распространяется на все государства — члены Совета Европы, ратифицировавшие Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, и является исключительным органом по толкованию применению Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Несмотря на прекращение членства России в Совете Европы, многие правовые позиции, ранее выраженные в решениях Европейского Суда по правам человека, были восприняты в судебной практике национальных судов Российской Федерации на уровне Конституционного Суда Российской Федерации, обзоров судебной практики и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.

С учетом имплементации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в правоприменительную практику судов Российской Федерации, представляется возможным провести анализ «первоисточника» применительно к правозащитной деятельности, поскольку суждения Европейского Суда по правам человека всегда имели существенное значение для правозащитной деятельности в цивилизованных странах.

Правовое значение толкования, придаваемого нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод, сложно пе-

реоценить и оно является неоспоримо важным для правозащитной деятельности.

Так, в соответствии с частью 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Как неоднократно подчеркивал Европейский Суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод (в том числе закрепленное в ней право на суд) имеет целью гарантировать не теоретические или иллюзорные права, а те права, которые являются практическими и эффективными.

Придание постановлением Европейского Суда по правам человека особого правоинтерпретационного значения, имплементация его позиций в судебную практику судов РФ предопределило включение законодателем специальных механизмов преодоления окончательности судебных решений судов РФ в случаях установления нарушения норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Применение при выстраивании процессуальной позиции международно-правовых подходов к толкованию права зачастую способствует повышению качества правозащитной деятельности в судах Российской Федерации.

Согласно статье 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» квалифицированная юридическая помощь оказывается на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката.

Несмотря на законодательное регулирование вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, законодатель не раскрывает содержания данного понятия.

В свою очередь, характеризуя смысл правой помощи и защиты, например, по уголовному делу, следует отметить, что линия защиты адвоката в уголовном судопроизводстве заранее не определена уголовно-процессуальным законом. Он только обеспечивает интересы правосудия и способствует выполнению различных функций, в том числе и защиты.

По нашему мнению, оказание юридической помощи и защита в сфере уголовно-процессуальной деятельности представляет собой систему мер, направленных не столько на установление истины по делу, сколько способствующих возможности доверителя представить свое видение произошедшего как верное и тем самым обеспечить себе защиту от уголовного преследования.

Оказание квалифицированной юридической помощи при таких обстоятельствах является гарантом возможности лица, в отношении которого ведется производство по уголовному делу, облечь свою концепцию произошедшего в правовые рамки путем консультаций с защитником, отстаивать свои интересы в рамках уголовного дела, воспользовавшись специальными знаниями адвоката.

Защита человека в уголовном процессе характеризуется особыми условиями своего осуществления. Так, она конкретизирована уголовно-процессуальными нормами, обусловлена наличием обвинения. Кроме того, она производится уполномо-

ченными на то должностными лицами, в задачу которых входит борьба с преступностью, а не защита обвиняемых.

Защита по уголовному делу не может быть сведена к какому-нибудь одному направлению, а потому толкование права, применяемое различными субъектами, в частности осуществляющими правозащитную деятельность, может способствовать достижению результатов защиты не только в их сугубо теоретическом значении, но и достигать цели реальной помощи конкретному доверителю (в частности, ранее мы обращали особое внимание на позиции ЕСПЧ, которые во многом были

восприняты российской судебной правоприменительной практикой).

Таким образом, толкование права является важным элементом юридической деятельности, обеспечивающим воплощение правовых предписаний в соответствии с условиями реального развития правоотношений, актуальными потребностями общества и государства и, вместе с тем, способствующим развитию правозащитной деятельности сквозь призму применяемых правовых подходов для разрешения отдельных правовых ситуаций, судебных дел.

Литература:

1. Рубанцова, Т. А. Толкование права как условие правореализации / Т. А. Рубанцова. — Текст: непосредственный // Гуманитарный научный вестник. — 2021. — № 6. — С. 212–216.
2. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства: учебник / В. С. Нерсесянц. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 569 с. — Текст: непосредственный.
3. Протасов, В. Н. Теория права и государства: учебное пособие для среднего профессионального образования / В. Н. Протасов. — 5-е изд. перераб. и доп.. — Москва: Юрайт, 2022. — 192 с. — Текст: непосредственный.
4. Тарасов, А. Н. Эволюция современных взглядов на толкование права / А. Н. Тарасов. — Текст: непосредственный // Экономика. Бизнес. Финансы. — 2019. — № 3. — С. 27–30.
5. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. — 4-е изд. перераб. и доп.. — Москва: Эксмо, 2010. — 510 с. — Текст: непосредственный.

Специфика установления предмета иска по требованиям к членам исполнительного коллегиального органа по привлечению к субсидиарной ответственности в виде взыскания убытков

Суратов Станислав Евгеньевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор анализирует сформировавшуюся устойчивую судебную практику по привлечению к ответственности членов коллегиального исполнительного органа юридического лица через взыскание убытков. Указывает на выявленные нарушения в части определения предмета иска по подобным спорам.

Ключевые слова: коллегиальный исполнительный орган, взыскание убытков.

Одним из способов управления делами общества является непосредственное участие в работе органов управления общества, в т. ч. участие в работе коллегиального исполнительного органа общества.

Член исполнительного коллегиального органа через неимущественное право участия в органе управления имеет возможность принимать активное участие в деятельности общества в качестве члена исполнительного органа. Такое право позволяет члену исполнительного коллегиального органа определять направление развития общества в рамках утвержденной стратегии, контролировать работу иных исполнительных органов и персонала общества, контролировать движение финансовых потоков и капитала общества, принимать ключевые решения по развитию общества.

В связи с этим, в контексте введения в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве, и направления

требования о возмещении должнику убытков к членам коллегиального исполнительного органа юридического лица, возникает вопрос, подлежит ли рассмотрению указанное требование по решению, принятому отдельным членом коллегиального исполнительного органа, принятого им вне деятельности указанного органа, т. е. в рамках своих должностных обязанностей, в случае, когда им совмещается работа в обществе и как члена коллегиального исполнительного органа, и как наемного работника?

Ответом в первом приближении можно предположить, что требование к члену коллегиального исполнительного органа по решению, принятому им вне рамок регламента исполнительного органа, не допустимо, потому что только в составе указанного органа существуют полномочия и обязанности органа исполнительной власти общества, который в целом через призму коллегиальности наделяется возможностью осуществлять управление обществом в рамках своей компетенции.

В качестве доказательства этому можно привести пункт 2 статьи 41 Федерального закона от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО), которым предусмотрено, что порядок деятельности коллегиального исполнительного органа общества и принятия им решений подлежит установлению уставом общества и внутренними документами общества. Пунктом 2 статьи 12 Закона об ООО предписывается отражать в уставе общества сведения о составе и компетенции органов общества, а детализирующее положение п. 1 ст. 41 Закона об ООО устанавливает определять количество членов коллегиального исполнительного органа общества и срок полномочий данного органа. Во внутренних документах общества, которыми согласно пп. 6 п. 2.1 ст. 32 и пп. 8 п. 2 ст. 33 Закона об ООО обозначаются документы, регулирующие внутреннюю деятельность общества, видимо, подлежат урегулированию более детальные вопросы деятельности коллегиального исполнительного органа общества. Таким внутренним документом общества может быть, например, положение о правлении общества.

Как следует из положений ст. 53 ГК РФ, юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом.

Порядок образования и компетенция органов юридического лица определяются законом и учредительным документом.

Кроме того, учредительным документом может быть предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, действующим совместно или независимо друг от друга. Сведения об этом подлежат включению в Единый государственный реестр юридических лиц.

Особое значение имеет закрепленное в п. 3 ст. 53 ГК РФ положение, предусматривающее, что лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Такую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.).

Анализируя ст. 61.20 Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), пунктом 1 которой установлено, что требование о возмещении должнику убытков, причиненных ему лицами, уполномоченными выступать от имени юридического лица предъявляются в т.ч. к членам коллегиальных органов юридического лица.

Причем п. 2 указанной статьи в список лиц, уполномоченных подавать заявление о взыскании убытков в пользу должника, члены коллегиального органа не поименованы.

Таким образом, состав лиц из первого пункта не совпадает по субъектному составу со вторым, хотя можно предположить, что если коллегиальному органу могут вменяться убытки, то он на основе его презумпции как наделенном функциями руководителя, мог бы и направлять заявления о взыскании убытков. Следовательно, возможность определять действия юридического лица есть только у самого органа, а значит, основанием

для привлечения членов коллегиального исполнительного органа в виде взыскания убытков есть только по тем вопросам, который принял данный исполнительный орган, иные основания к упомянутым членам применяться не должны.

Таким образом, можно сделать вывод в части рассматриваемого вопроса, что способность осуществлять оперативное руководство обществом, а значит определять действия юридического лица у члена коллегиального исполнительного органа возникает только через его участие в указанном органе с учетом регламента по принятию решений в рамках компетенции исполнительного органа, а следовательно, решения, принятые членом коллегиального исполнительного органа вне деятельности обозначенного органа не могут быть предметом по взысканию убытков с такого физического лица при условии, что он не относится к перечню контролирурующих лиц должника иным свойством.

На кажущуюся простоту вопроса по установлению предмета иска к субъектам, к которым может быть предъявлено требование по возмещению убытков, в силу осуществления ими действий или бездействий в качестве лиц, осуществляющих управление обществом через коллегиальный исполнительный орган, сформировавшаяся судебная практика не столь однозначна.

Доказательством этого служат многочисленные судебные акты Судебной коллегии Верховного Суда РФ по пересмотру жалоб в кассационном порядке.

В которых, как правило, по заявлению Государственной корпорации «Агентства по страхованию вкладов» (далее — ГК АСВ), выступающей в лице конкурсного управляющего кредитных организаций в делах о банкротстве (но это факт не должен вводить в заблуждение с учетом того, что ФНС, как уполномоченный орган государства в делах о банкротстве, наделен теми же, а зачастую и более расширенными правами в части предъявления исков к лицам, контролирующим должника), выходит с требованием о взыскании убытков с членов правления только на основании того, что они совмещали свою деятельность с членством в кредитном комитете. Таким образом, в предмет взыскания убытков с членов коллегиального исполнительного органа (правления) включаются действия, которые были совершены членами кредитного комитета, что, по мнению автора, является недопустимым. По подобным искам судам надлежит отказывать в принятии заявления по мотивам привлечения к субсидиарной ответственности через взыскания убытков только на основании того, что предмет иска не отождествляется с действиями члена коллегиально исполнительного органа.

Но в текущих реалиях этого не происходит, о чем свидетельствуют следующие судебные акты:

— Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.10.2021 N307-ЭС19-18598(18) по делу N А56-94386/2018;

— Определение Верховного Суда РФ от 11.02.2020 N305-ЭС20-774(1,2) по делу N А40-92030/2015. В обозначенном определении указано: *то обстоятельство, что ответчики при одобрении ссуд действовали не в рамках собраний правления и совета директоров, а в составе кредитного коми-*

тета, не отменяет их статуса в органах управления банком и обязанности действовать разумно и добросовестно. Иных доводов о том, что привлекать членов коллегиального исполнительного органа можно за все действия вне их деятельности как членов органа управления ВС РФ не приведено, что нарушает основополагающий принцип судопроизводства, установленный в соответствии с положениями части 4 статьи 15 АПК РФ: Принимаемые арбитражным судом судебные приказы, решения, постановления, определения должны быть законными, обоснованными и мотивированными;

— Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 07.10.2021 N305-ЭС18-13210(2) по делу N А40-252160/2015;

— Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.11.2021 N305-ЭС19-14439(3-8) по делу N А40-208852/2015.

Из анализа приведенной судебной практики следует, что в общем случае, по мнению конкурсного управляющего должника ГК АСВ, вина, вменяемая члену коллегиального исполнительного органа, заключается в ненадлежащем исполнении им обязанностей члена кредитного комитета при условии совмещения работы, в данном случае может выступать любой комитет, которых в структуре организации может быть достаточное количество — от клиентского комитета, устанавливающего работу по привлечению клиентов, до комитета по стратегии, который формирует предложения по развитию общества уполномоченному органу управления, при этом статус КДЛ заявитель определяет только членством в коллегиальном исполнительном органе (Правлении Банка).

Развивая тенденцию, которая применяется ГК АСВ, можно легко предположить, что член коллегиального исполнительного органа, по совместительству отвечающий за организацию хозяйственной деятельности общества, может быть привлечен к субсидиарной ответственности в виде возмещения убытков, за то, что им не проконтролировано качество труб, в результате скрытого дефекта которых посредством прорыва водопровода был уничтожен архив общества.

Таким образом, заявителем в лице ГК АСВ не предоставляются доказательства, свидетельствующие об использовании

членами коллегиального исполнительного органа права давать обязательные указания для должника либо иным образом определять его действия, а также о совершении действий, свидетельствующих об использовании такого права, при осуществлении ими деятельности в коллегиальном исполнительном органе, но это не мешает привлекать членов правления за действия, осуществляемые ими в рамках иных своих должностных обязанностей.

В результате наличия логической конструкции, которой доказывается отсутствие убыточности в действиях членов коллегиального исполнительного органа, не является основанием от освобождения таких лиц от взыскания убытков, причиненных юридическому лицу, что согласно действующим нормам ГК РФ и Закона о банкротстве является недопустимым, любое заявление уполномоченного лица о взыскании убытков с лиц, установленных ст. 53.1 ГК РФ и ст. 61.20 Закона о банкротстве за действия, которые осуществлены вне сферы их ответственности, по признаку признания их лицами, способными определять действия юридического лица, является действиями, направленными в обход закона и должны оцениваться судами с точки зрения диспозиции ст. 10 ГК РФ: Не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Членство в кредитном комитете, равно и ином комитете или органе общества, не упомянутом в ст. 53.1 ГК РФ и 61.20 Закона о банкротстве, является безусловным основанием в отказе принятия требования о взыскании убытков в силу того, что комитеты и иные органы имеют совещательный статус, и им не делегированы полномочия по управлению обществом.

В результате, можно сделать вывод, что в настоящее время формируется целый кластер судебных разбирательств по привлечению членов коллегиального исполнительного органа в виде взыскания убытков за действия, которые совершены фактически не лицами, входящими в субъективный состав статьи 53.1 ГК РФ и ст. 61.20 Закона о банкротстве, что является крайне опасной тенденцией и не способствует развитию принципа справедливости в гражданском и налоговом праве.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 21.12.2021).
3. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)».

Привлечение к ответственности физического лица, контролирующего деятельность налогоплательщика, в виде взыскания убытков за налоговые правонарушения организации

Суратов Станислав Евгеньевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует механизм привлечения к ответственности через взыскание убытков с лиц, контролирующих налогоплательщика. Выявляет отрицательные тенденции, сформированные в прокредиторской судебной практике, направленной на снижение стандарта доказывания наличия оснований для взыскания убытков с контролирующих должника лиц.

Ключевые слова: контролирующие лица налогоплательщика, субсидиарная ответственность, взыскание убытков.

В соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации лицом, ответственным за неуплату налогов и сборов в бюджет, является, как правило, сам налогоплательщик, возложение каких-либо налоговых обязанностей или налоговой ответственности на иных лиц (например, налоговых агентов) возможно лишь в силу прямого указания закона. Применительно к налогоплательщику-организации это означает, что совершившей собственно налоговое правонарушение признается именно организация как юридическое лицо, которое может быть привлечено к ответственности, предусмотренной налоговым законодательством.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что обязанность возместить причиненный вред как мера гражданско-правовой ответственности применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего, как правило, наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину (постановления от 15 июля 2009 года № 13-П и от 7 апреля 2015 года № 7-П; определения от 4 октября 2012 года № 1833-О, от 15 января 2016 года № 4-О, от 19 июля 2016 года № 1580-О и др.). Тем самым предполагается, что привлечение физического лица к ответственности за деликт в каждом случае требует установления судом состава гражданского правонарушения, — иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности вопреки требованиям статей 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Рассматривая проблематику взыскания убытков с бенефициаров налогоплательщиков-организаций автором проанализировано Протокольное решение № 11 от 14.03.2022 Президиума Арбитражного суда Московского округа, по утверждению рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа, которым установлено, что при решении вопросов о том, вправе ли контролирующие (контролировавшие) налогоплательщика лица обращаться в суд с требованием об оспаривании решений налоговых органов, вынесенных в отношении налогоплательщика, при наличии такого права подлежит ли соответствующий спор рассмотрению в арбитражном суде. Сформирована следующая позиция что,

если заявителем является физическое лицо, руководствоваться тем, что контролирующие налогоплательщика лица не вправе оспаривать вынесенные в отношении них акты налогового органа, поскольку указанные лица не являются участниками конкретных налоговых правоотношений и нарушение их прав данными актами не предполагается.

В случае наличия включенного в реестр требований кредиторов (далее — РТК) должника (налогоплательщика) требования налогового органа и заявления о привлечении контролирующих должника лиц (далее — КДЛ) к субсидиарной ответственности, указанные лица вправе обжаловать определение о включении требований налогового органа в РТК должника.

В случае если требование налогового органа о включении в реестр прошло судебную проверку, то контролирующие должника лица, в отношении которых подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности, вправе обжаловать судебный акт, которым решение налогового органа оставлено в силе.

Таким образом можно предположить, что налоговый орган не вправе предъявлять прямые иски к контролирующим налогоплательщика лицам по взысканию убытков, причиненных бюджету вызванных невозможностью взыскания начисленных недоимок по уплате налогов, без подачи заявления о банкротстве налогоплательщика.

Данный тезис подтверждается разъяснениями, представленными в Письме Минфина России от 15.02.2018 N03-02-08/9589, согласно которому, Минфин России напомнил о позиции Конституционного суда РФ от 08.12.2017 N39-П (далее — Постановление КС РФ № 39-П). Согласно которой, привлечение физического лица к гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный публично-правовому образованию, в размере подлежащих зачислению в его бюджет налогов организации-налогоплательщика, возникший в результате уголовно-противоправных действий этого физического лица, возможно лишь при исчерпании либо отсутствии правовых оснований для применения предусмотренных законодательством механизмов удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, привлекаемых к ответственности по ее долгам в предусмотренном законом порядке.

В тех же случаях, когда судом установлено, что юридическое лицо служит лишь «прикрытием» для действий контролирующего его физического лица (то есть *de facto* не является самостоятельным участником экономической деятельности), не ис-

ключается возможность привлечения такого физического лица к ответственности за вред, причиненный бюджету в связи с совершением соответствующего налогового преступления, еще до наступления признаков невозможности исполнения юридическим лицом налоговых обязательств.

По мнению автора, в случае наличия обнаружения признаков прикрытия для действий контролирующего лица, т.е. фактически при наличии признаков недействительных сделок. Налоговый орган при изменении юридической классификации сделок, обязан обратиться в суд, согласно п. 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», которым установлено, что при установлении в ходе налоговой проверки факта занижения налоговой базы вследствие неправильной юридической квалификации налогоплательщиком совершенных сделок и оценки налоговых последствий их исполнения налоговый орган, руководствуясь подпунктом 3 пункта 2 статьи 45 НК РФ, вправе самостоятельно осуществить изменение юридической квалификации сделок, статуса и характера деятельности налогоплательщика и обратиться в суд с требованием о взыскании доначисленных налогов.

Таким образом, наличие факта «прикрытия» действий контролирующих лиц налогоплательщика должно быть установлено в судебном разбирательстве и только после установления этого юридического факта, у налогового органа возникает возможность обратиться к должностным лицам налогоплательщика с требованием о взыскании ущерба, причиненного налоговым правонарушением.

Как правило, в рамках дела о банкротстве, убытки причиненные должнику юридическому лицу, взыскиваются через механизм субсидиарной ответственности.

Особенность требования о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности заключается в том, что оно, по сути, опосредует типизированный иск о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением основного должника до банкротства. Выделение названного иска ввиду его специального применения и распространенности позволяет стандартизировать и упростить процесс доказывания (в том числе посредством введения презумпций вины ответчика — п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве в настоящей редакции). Особенностью данного иска по сравнению с рядовым иском о возмещении убытков выступает также и порядок определения размера ответственности виновного лица (п. 11 ст. 61.11 названного Закона), правила об исковой давности и т.д.

Пунктом 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление № 53) указано, что при решении вопроса о том, какие нормы подлежат применению — общие положения о возмещении убытков (в том числе статья 53.1 ГК РФ) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (статья 61.11 Закона о банкротстве), — суд в каждом конкретном случае оценивает, насколько существенным было негативное воздействие контролирующего лица (нескольких контролирующих лиц, действующих со-

вместно либо отдельно) на деятельность должника, проверяя, как сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника, какие тенденции приобрели экономические показатели, характеризующие должника, после этого воздействия.

Абзацем вторым и третьим указанного пункта, законодатель фактически отменяет наличие источников фактов выступающих основанием для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего должника лица и упрощает для истца механизм привлечения всё к той же субсидиарной ответственности, но через диспозицию ст. 61.20 Закона о банкротстве, указав, что если допущенные контролирующим лицом (несколькими контролирующими лицами) нарушения явились необходимой причиной банкротства, применению подлежат нормы о субсидиарной ответственности (пункт 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве), совокупный размер которой, по общим правилам, определяется на основании абзацев первого и третьего пункта 11 статьи 61.11 Закона о банкротстве.

В том случае, когда причиненный контролирующими лицами, указанными в статье 53.1 ГК РФ, вред исходя из разумных ожиданий не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ.

В итоге происходит привлечение к субсидиарной ответственности уже в обход наличия доказанности о том, что требования к контролирующим лицам, направленного на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства.

Нарушается сама генеральная идея, что взыскание убытков с контролирующего налогоплательщика лица, возможно только при возбуждении дела о банкротстве и принятия иска, внутри это производства, о привлечении к субсидиарной ответственности, полагая, что привлечение к указанной ответственности происходит при наличии доказанности оснований указанных в статьях 61.11–61.13 Закона о банкротстве, которые по мимо прочего содержат требований о доказательстве или опровержении факта наличия признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества, в противном случае, т.е. в отсутствии признаков критического финансового состояния юридического лица заявление о введении процедуры банкротства отклонялось бы арбитражным судом, что с учетом Постановления КС РФ № 39-П, блокировало бы иск о взыскании убытков с контролирующего налогоплательщика лица.

В результате у ответчика возникает ситуация, в которую его ставит законодатель или оспорить иск о взыскания убытков через основание, предусмотренное ст. 61.20 Закона о банкротстве, где он будет представлять доказательства, что требования налогового органа основаны на нарушениях, которые явились необходимой причиной банкротства, тем самым переходя к основаниям о привлечении к субсидиарной ответственности по нормам статей 61.11–61.13 Закона о банкротстве, в надежде на то что стандарт доказывания виновности по указанным статьям для истца более сложен и нацелен на изучение всесторонних обстоятельств наступления ситуации неплатежеспособности и недостаточности имущества, или согла-

ситься с требованиями налогового органа и отстаивать свою позицию в рамках статьи 61.20 Закона о банкротстве, которая не содержит презумпций невиновности ответчика отраженных в статьях 61.11–61.13 упомянутого закона.

Как отмечалось ранее обосновывая допустимость предъявления иска о взыскании с руководителя юридического лица ущерба, причиненного в результате совершения налогового преступления, в большой степени основывается на Постановлении КС РФ № 39-П. Между тем правомерность такой практики подтверждалась на уровне высших судов и ранее (Кассационное определение ВС РФ от 30.07.2014 № 3-УДп14–2; Определение ВС РФ от 27.01.2015 № 81-КГ14–19; Определения КС РФ от 19.11.2015 № 2731-О, от 19.07.2016 № 1580-О, от 25.10.2016 № 2316-О, от 28.02.2017 № 396-О).

Также пунктом 28 Постановлении Пленума ВС РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» даны следующие разъяснения, обратить внимание судов на то, что по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, связанных с деятельностью организаций, являющихся налоговыми агентами либо плательщиками налогов, сборов, страховых взносов, виновное физическое лицо может быть привлечено в качестве гражданского ответчика лишь в случаях, когда отсутствуют правовые и (или) фактические основания для удовлетворения налоговых требований за счет самой организации или лиц, отвечающих по ее долгам в предусмотренном законом порядке (например, если у организации-налогоплательщика имеются признаки недействующего юридического лица, указанные в пункте 1 статьи 21.1 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», либо установлена невозможность удовлетворения требований об уплате обязательных платежей с учетом рыночной стоимости активов организации).

Относительно общего случая привлечения контролирующего лица за налоговые правонарушения организации, через механизм субсидиарной ответственности в деле о банкротстве. Автор полагает, что в случае наличия не оспоренного налогоплательщиком акта налоговой проверки (требования о взыскании недоимки по налогам) равно как и наличие судебного акта подтверждающего законность требования налогового органа, включение в РТК и предъявления самостоятельно иска по привлечению к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве носит технический характер, данный вывод формируется на основе обязанности налогового органа предусмотренного п. 2 Постановления Правительства РФ от 29.05.2004 N257 (ред. от 21.07.2017) «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» и п. 26 Постановления № 53 согласно которому, в соответствии с подпунктом 3 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве, в частности, предполагается, что действия (бездействие) контролирующего лица стали необходимой причиной объективного банкротства при доказанности следующей совокупности обстоятельств:

должник привлечен к налоговой ответственности за неплату или неполную уплату сумм налога (сбора, страховых

взносов) в результате занижения налоговой базы (базы для исчисления страховых взносов), иного неправильного исчисления налога (сбора, страховых взносов) или других неправомерных действий (бездействия);

доначисленные по результатам мероприятий налогового контроля суммы налога (сбора, страховых взносов) составили более 50 процентов совокупного размера основной задолженности перед реестровыми кредиторами третьей очереди удовлетворения.

Данная презумпция применяется при привлечении к субсидиарной ответственности как руководителя должника (фактического и номинального), так и иных лиц, признанных контролирующими на момент совершения налогового правонарушения (пункт 5 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Предположительно, что с учетом наличия включенного в РТК требования уполномоченного органа, не заявившим по каким-либо причинам иск о привлечении к субсидиарной ответственности лиц контролирующим должника, с учетом системного толкования Закона о банкротстве, допускается рассмотрение иска по взысканию убытков с учетом ст. 61.20 Закона о банкротстве, только при наличии оснований, предусмотренных п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве в их уточнении пунктами 5, 6 и 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона »О несостоятельности (банкротстве)» с учетом предположения о доказанности всех презумпций указанной статьи касательно заинтересованного лица по отношению к должнику и являющегося стороной по сделке по которой взыскиваются убытки.

Из изложенного, следует, что взыскание убытков с КДЛ надлежит применять только при условии, что выявленное налоговое правонарушение или оспоренная налоговым органом сделка, по которым предполагается взыскания ущерба может осуществляться только при наличии доказанности, что заинтересованное лицо виновно в негативных действий по доведению должника до банкротства, т.ч. через установления презумпции совершения действий при наличии признаком неплатежеспособности или недостаточности имущества в период подозрительности установленного Законом о банкротстве равным три года с момента принятия заявления о признании должника несостоятельным (банкротом).

Однако в настоящее время формируется судебная практика, при которой происходит взыскание убытков с контролирующих лиц налогоплательщика без привлечения последних к субсидиарной ответственности, а через механизм предусмотренный ст. 61.20 Закона о банкротстве, что по мнению автора является действиями, направленными в обход закона, в силу того, что указанная статья не содержит нормы направленные на типизацию иска о возмещении причиненного вреда, возникшего у кредиторов в связи с доведением налогоплательщика до банкротства.

Основание для направления заявления о взыскании убытков в рамках ст. 61.20 Закона о банкротстве законодателем не ставится в зависимость от наличия оснований привлечения лиц контролирующих должника к субсидиарной ответственности, норма предусмотренная ст. 61.20 Закона о банкротстве носит

самостоятельный характер, и согласно п. 1 указанной статьи, для взыскания убытков в деле о банкротстве с КДЛ достаточно наличие только введенной процедуры в деле о банкротстве, а именно, в случае введения в отношении должника процедуры, применяемой в деле о банкротстве, требование о возмещении должнику убытков, причиненных ему лицами, уполномоченными выступать от имени юридического лица, членами коллегиальных органов юридического лица или лицами, определяющими действия юридического лица, в том числе учредителями (участниками) юридического лица или лицами, имеющими фактическую возможность определять действия юридического лица, подлежит рассмотрению арбитражным судом в рамках дела о банкротстве должника по правилам, предусмотренным настоящей главой.

Соответственно, взыскание убытков в деле о банкротстве в действующей редакции Закона о банкротстве не предполагает наличия факта, допущенного контролирующим лицом (несколькими контролирующими лицами) нарушения, которое в последующем явилось необходимой причиной банкротства.

Между тем, нет оснований отрицать, что в понимании судов, взыскание убытков является видом субсидиарной ответственности, так Постановлением Четвертого арбитражного апелляционного суда от 28.10.2021 N04АП-4389/2021 по делу N A19-19492/2020 указано, удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции пришел к выводу о доказанности наличия совокупности обстоятельств, необходимых для привлечения ответчика к субсидиарной ответственности в виде взыскания убытков. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица является гражданско-правовой, в связи с чем возложение обязанности на него нести субсидиарную ответственность осуществляется по правилам статьи 15 ГК РФ.

В результате судебная практика в текущем моменте использует ст. 61.20 Закона о банкротстве, в качестве дублера статей 61.11, 61.12 и 61.13 Закона о банкротстве, в основном, по причине отсутствует в указанной норме предусмотренных реабилитирующих механизмов для действий КДЛ, которые указаны в абз. 2 п. 9 Постановления № 53, согласно которому установлено, что если руководитель должника докажет, что само по себе возникновение признаков неплатежеспособности, обстоятельств, названных в абзацах пятом, седьмом пункта 1 статьи 9 Закона о банкротстве, не свидетельствовало об объективном банкротстве, и он, несмотря на временные финансовые затруднения, добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил необходимые усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель может быть освобожден от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным с точки зрения обычного руководителя, находящегося в сходных обстоятельствах.

Дополнительную обеспокоенность в части нарушения прав КДЛ вызывает норма установленная п. 6 ст. 61.20 привлечение

лица к ответственности по основаниям, предусмотренным статьями 61.11–61.13 настоящего Федерального закона, не препятствует предъявлению к этому лицу требования, предусмотренного пунктом 1 настоящей статьи, в части, не покрытой размером субсидиарной ответственности.

Таким образом законодатель определяет дополнительное широкое в своем применении, основание по взысканию требований кредиторов или уполномоченного органа, которое отлично от размера субсидиарной ответственности, а, следовательно, превышает размер требований кредиторов, установленных в реестре, что в значительной мере нарушает права должника и его контролирующих лиц, в части привлечения их к субсидиарной ответственности, в т.ч. через норму ст. 61.20 Закона о банкротстве.

В Определении ВС РФ от 6 августа 2018 г. N308-ЭС17-6757(2,3) разъяснено, что субсидиарная ответственность является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, то есть исключением из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения менеджеров, поэтому по названной категории дел не может быть применен стандарт доказывания, применяемый в рядовых гражданско-правовых спорах.

Резюмирую изложенное можно предположить, что при взыскании убытков по ст. 61.20 Закона о банкротстве для установления фактов заведомо недобросовестных деяний причинителя ущерба, а также для установления, что причинитель вреда действовал недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску, нужно применять более высокий стандарт доказывания, который качественно должен отличаться от стандарта доказывания причинения убытков взыскиваемых по основаниям предусмотренным ГК РФ. Но в настоящее время редакция Закона о банкротстве подобных повышенных требований в предоставлении виновности ответчика не содержит, а зачастую как показано выше занимает прокредиторскую позицию.

Автор полагает, что взыскание убытков за налоговое правонарушение с контролирующих налогоплательщика лиц, допустимо только в рамках процедуры банкротства налогоплательщика в арбитражном суде который рассматривает дело о несостоятельности должника при установлении основания привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности, с учетом периода подозрительности по аналогии с п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, определенным как три года до принятия заявления о признании должника банкротом или после принятия указанного заявления, с обязательным наличием в указанном периоде доказанности фактов неплатежеспособности и недостаточности имущества по основаниям норм статей 61.11, 61.12 и 61.13 Закона о банкротстве, применение статьи 61.20 Закона о банкротстве в её действующей редакции представляется недопустимым.

Литература:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 21.12.2021).

3. Федеральный закон от 26.10.2002 N127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О несостоятельности (банкротстве)».
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ».
5. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
6. Письмо Минфина России от 15.02.2018 N03-02-08/9589 «О привлечении к ответственности за нарушение налогового законодательства лица, ответственного за ведение бухучета организации».
7. Протокольное решение № 11 от 14.03.2022 Президиума Арбитражного суда Московского округа, по утверждению рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа.

Взыскание судебных расходов на оплату услуг представителя в арбитражном процессе

Таланова Кристина Владиславовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Пушкарев Игорь Петрович, кандидат юридических наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье автор рассматривает особенности взыскания судебных расходов на представителя в арбитражном процессе.

Ключевые слова: судебные расходы, издержки, арбитражный процесс.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 46). Действующее арбитражное процессуальное законодательство предоставляет гражданам право вести свои дела в арбитражном суде как лично, так и через представителей. При этом ведение дела лично не лишает гражданина права иметь представителей. В соответствии с требованиями закона представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

При этом, несмотря на участие профессиональных представителей в арбитражном процессе, которые осуществляют это на возмездной основе предсказать решение того или иного суда по вопросам, связанным с возмещением расходов на оплату услуг представителя, оказывается не под силу даже им, в связи с ее разнообразием. Зачастую судами принимаются решения о снижении сумм взыскиваемых издержек на оплату услуг представителя в разы и отсутствием какой-нибудь мотивировки за исключением ссылок на разумные пределы [3].

При этом подобные снижения размера процессуальных издержек не позволяют говорить о полноценной защите нарушенного права и восстановлении социальной справедливости, так как стороне в пользу которой принимается судебное решение не возмещаются в полной мере расходы на оплату услуг представителя, которые лицо понесло для защиты своих прав.

Все вышесказанное вызвало необходимость разъяснения вопросов определения разумности заявленных сумм по оплате услуг представителя на уровне Верховного суда Российской Федерации. Вопросы возмещения судебных издержек рассматриваются в Постановлении Пленума ВС РФ «О некоторых

вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» от 21 января 2016 г. № 1 (далее по тексту — Постановление Пленума ВС РФ N1) [1], в соответствии с которым принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу. При этом лицо, заявляющее о взыскании судебных издержек, должно доказать факт их несения, а также связь между понесенными указанным лицом издержками и делом, рассматриваемым в суде с его участием. Недоказанность данных обстоятельств является основанием для отказа в возмещении судебных издержек.

В то же время, разрешая вопрос о размере сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов.

Вместе с тем в целях реализации задачи судопроизводства по справедливому публичному судебному разбирательству, обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей сторон суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер. Расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах.

Согласно правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2004 N454-О, ч. 2 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предоставляет арбитражному суду

право уменьшить сумму, взыскиваемую в возмещение соответствующих расходов по оплате услуг представителя. Реализация названного права судом возможна лишь в том случае, если он признает эти расходы чрезмерными в силу конкретных обстоятельств дела, притом, что, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, суд обязан создавать условия, при которых соблюдался бы необходимый баланс процессуальных прав и обязанностей сторон.

Обязанность суда взыскивать расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя и тем самым — на реализацию требования ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации. Именно поэтому в ч. 2 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации речь идет, по существу, об обязанности суда установить баланс между правами лиц, участвующих в деле.

В то же время, полагаем, исходя из существующей законодательной формулировки, доказывание разумности взыскиваемых сумм возлагается на сторону, которая просит взыскать процессуальные издержки. При этом суды зачастую не возлагают на проигравшую сторону обязанности доказывать неразумность возмещаемых процессуальных издержек, а считают достаточным простое заявление стороны с просьбой снижения сумм издержек [5] или указывающей на чрезмерность судебных издержек [6].

Существующий в действующем процессуальном законодательстве порядок распределения обязанностей по доказыванию при рассмотрении вопросов о возмещении процессуальных издержек не отвечает в полной мере принципам справедливости. Это связано с тем, что сторона выигравшая дело является по сути пострадавшей от проигравшей стороны и суд решением по делу восстанавливает ее нарушенные права, но при этом обязывает эту же сторону доказывать, что она несла расходы в разумных пределах осуществляя свою защиту.

Для решения данной проблемы необходимо законодательное ограничение существующей судебной практики произвольного снижения судебных расходов до разумных пределов.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2016.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. N30. Ст. 3012.
3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2022 N17АП-13533/2021-ГК по делу N А60-23138/2021 // СПС КонсультантПлюс.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 N454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Траст» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Суда по интеллектуальным правам от 03.06.2021 по делу N СИП-286/2020 «О разрешении вопроса о распределении судебных расходов» // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Суда по интеллектуальным правам от 03.12.2020 по делу N СИП-360/2018 «О распределении судебных расходов» // СПС КонсультантПлюс.

Полагаем, что только введение принципа полного возмещения судебных расходов в АПК РФ [2], за исключением случаев, когда проигравшая сторона докажет их чрезмерность приведет к окончательному искоренению существующей практики необоснованного снижения судебных издержек.

Анализ материалов судебно-арбитражной практики, проведенный при написании данной статьи показал, что для полноценного возмещения судебных расходов стороне, в пользу которой принят судебный акт необходимо приложить немалые усилия, но даже в этом случае отсутствует гарантия полного возмещения судебных издержек.

Практика снижения судебных издержек, рассмотренная в данной статье, свидетельствует о недостаточной неэффективности судебной защиты нарушенных прав, так как сторона право которой нарушено и которая вынуждена обратиться за его защитой при этом несет расходы, которые не возмещаются судом в последствии в полном объеме. Все это негативно влияет на стабильность гражданского оборота, т.к. субъекты хозяйственной деятельности учитывая расходы на представителя и практику их снижения в ряде случаев предпочитают смириться с понесенными убытками, нежели обращаться в суд.

На основании вышеизложенного, представляется необходимым, помимо внесения в действующее законодательство принципа полного возмещения процессуальных издержек, также исключение из процессуального законодательства критерия разумных пределов взыскания процессуальных издержек.

Кроме того, исходя из принципа социальной справедливости необходимо перераспределить обязанности по доказыванию по вопросам распределения судебных издержек, а именно возложить на сторону, в пользу которой принят судебный акт только обязанность по представлению доказательств касающихся факта несения судебных издержек, а возможность снижения судебных расходов на оплату услуг представителя оставить в исключительных случаях когда проигравшая сторона сможет доказать явную чрезмерность таких расходов.

Уверенность сторон в полном возмещении издержек понесенных в связи с обращением их за судебной защитой будут стимулировать стороны к досудебному удовлетворению законных требований контрагентов, стабильности рыночных отношений и в перспективе снижения нагрузки на судебные органы.

Эффективность стадии подготовки гражданских дел к судебному разбирательству

Ухова Анастасия Алексеевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье автор оценивает влияние стадии подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском процессе на рассмотрение дела.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, подготовка дела, суд, процессуальное законодательство, эффективность.

Подготовка дела к судебному разбирательству является одним из ключевых этапов рассмотрения гражданского дела судом и имеет важное значение для дальнейшего процесса. Соблюдение требований закона о проведении подготовки в надлежащей форме поможет сторонам минимизировать сроки рассмотрения дела и повысить эффективность принятого решения. Стадия подготовки дела является обязательной по каждому гражданскому делу.

Рассматривая формирование данной стадии в историческом аспекте, можно выделить несколько ключевых аспектов. Стоит отметить, что этап подготовки дела к судебному разбирательству практически не существовал до 1929 г. Суть подготовки в ГПК РСФСР 1923 г. сводилась лишь к праву судьи собирать необходимые для разрешения дела доказательства по просьбе истца и вне возражений ответчика. В свою очередь, новая редакция ГПК РСФСР от «20» ноября 1929 г. внесла свои корректировки и определила, что судья до назначения дела к слушанию вправе единолично, без согласия на то сторон, произвести ряд подготовительных действий. Таким образом, проведение подготовки осуществлялось на усмотрение судьи. В 1935 г. произошло новое изменение в «определение статуса» стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Пленум ВС СССР установил обязательность «досудебной подготовки гражданских дел», но при этом положение дополнялось оговоркой, что при ясности обстоятельств дела и полноты доказательств судья в праве считать подготовку дела излишней и не прибегать к ней. По сути, решение вопроса о том, проводить подготовку или нет, снова осталось на усмотрение суда.

В советский период положение о заключении мирового соглашения также имело неоднозначный статус применения. В пункте 12 Постановления Пленума ВС СССР от 1 декабря 1983 г. №10 «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции» (утратил силу) указано, что в необходимых случаях в зависимости от характера спора судьи должны содействовать окончанию дела путем заключения сторонами мирового соглашения, при этом возможность разрешения спора заключением мирового соглашения должна выясняться и в процессе подготовки дела к судебному разбирательству. Однако состояние института примирения довольно точно на тот момент определил В. М. Семенов, сказав, что идея примирения сторон, существовавшая и в это время, заняла свое прочное место в тени правосудия [8].

Возвращаясь к современному периоду, укажем, что, структурный закрытый перечень задач этапа подготовки дела к су-

дебному разбирательству нашел свое отражение в главе 14 ГПК РФ. В свою очередь в статье 148 заключены задачи, которые поставлены перед сторонами на данной стадии гражданского процесса, а именно:

1. уточнение фактических обстоятельств дела,
2. определение нормативной базы (закона), которой следует руководствоваться для правильного разрешения спора,
3. формирование перечня лиц, участвующих в деле,
4. предоставление сторонами (или другими лицами, участвующими в деле) доказательственной базы,
5. возможные формы примирения сторон.

В своей работе, исследуя задачи подготовки через их функции, И. И. Черных отмечает, что функция задач на данном этапе движения дела состоит в том, чтобы воспроизвести хронологию событий дела и смоделировать правовую ситуацию. Однако, автор выделяет задачу по примирению сторон и называет её «чужеродной» [16 с. 673–684]. Тем не менее, на сегодняшний день, обязательным элементом стадии подготовки дела к судебному разбирательству является деятельность суда, направленная на примирение сторон и исчерпания конфликта доступными способами [6]. В. Н. Щеглов в поддержку данной деятельности отмечает, что суд, реализуя задачу по примирению, должен напоминать сторонам о процессуальной возможности окончить дело миром, заключив мировое соглашение [4]. Разрешение дела подобным способом помогает сократить судебные издержки сторон, а также снизить загруженность судебной системы.

В связи с двойственным мнением ученых по поводу нахождения задачи по примирению сторон в списке А. В. Чекмарева справедливо отмечает, что цель подготовительных процедур в суде первой инстанции имеет двухкомпонентный характер: примирение сторон и обеспечение возможности рассмотрения дела в судебном заседании [15]. Фактически на стадии подготовки дела для сторон процесса появляется возможность для оценки своей правовой позиции и доказательственной базы. На данном этапе стороны могут полноценно представить свою готовность продолжить участие в судебном процессе или же наоборот выйти из него по средствам заключения мирового соглашения.

Суждение о том, что судебное разбирательство следует квалифицировать в качестве эффективного, если процесс может быть окончен в первоначальном заседании представляется довольно прогрессивным, если учесть стремление к разгрузке судебного аппарата и развитию медиации в Российской Федерации. Стадия подготовки дела к судебному разбиратель-

ству является ключевым звеном для отображения данного суждения и играет ключевую роль. Недаром В. К. Пучинский указывал: «Образцово провести подготовку — значит совершить все, что требуется для установления истины по делу, вынесения законного и обоснованного решения в первом же судебном заседании».

Довольно часто стороны, вступая в судопроизводство, не осознают всей сложности предстоящего процесса, а также самостоятельно не могут оценить силу и «прочность» своей позиции. В этом случае, представляется довольно разумным положение о том, что судья предлагает и помогает сторонам выйти на мирное разрешение конфликта. Конечно, при таком положении дел судья выступает в смежной роли «медиатора», что также накладывает свои сложности при подготовке профессиональных кадров. На сегодняшний день, судебная практика выработала некоторые неформальные процедуры, которые позволяют сторонам определиться с правовой позицией по делу. Так, в рамках стадии подго-

товки дела к судебному разбирательству судьи проводят беседы, в рамках которых объясняют сторонами возможные пути примирения (например, положения мирового соглашения).

На сегодняшний день положения процессуального закона, касающиеся института примирения, существенно изменились. Потенциал примирительных процедур, реализуемых на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, достаточно велик. Примирение сторон в дальнейшем может стать первостепенной процессуальной целью и задачей на данной стадии судопроизводства. А в случае, если примирения в добровольном порядке достичь не удалось, суд должен выполнить необходимые действия в целях своевременного и правильного рассмотрения и разрешения дела, согласно остальным задачам, прописанным в статье 148 ГПК РФ. Ведь урегулирование конфликтов как с помощью проведения примирительных процедур, так и путем организации грамотного судопроизводства — необходимая задача судебной власти.

Литература:

7. Гражданский процесс: Учебник для студентов / Т. К. Андреева, В. В. Аргунов, Е. А. Борисова [и др.]; Под редакцией М. К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Городец, 2018.
8. Гурвич М. А. Рецензия на книгу В. К. Пучинского «Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству» // Правоведение. 1964.
9. Курочкин С. А. Реализация целей гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах Российской Федерации // Государство и право. 2016.
10. Научное наследие кафедры гражданского и административного судопроизводства (гражданского процесса): сб. науч. трудов. М., 2017.
11. Поспелов Б. И. Цели и задачи гражданского судопроизводства: теоретические проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2014.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» от 24.06.2008.
13. Пучинский В. К. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству. М.: Госюриздат, 1962. С. 89
14. Семенов В. М. Гражданское судопроизводство: учеб. пособие, 1974.
15. Советский гражданский процесс: Учебник / Под ред. М. А. Гурвича. М.: Высш. шк., 1967.
16. Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции: Монография / М. Л. Скуратовский. Москва: Волтерс Клувер, 2008.
17. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 1995.
18. Чекмарева А. В. Реализация задачи примирения сторон при подготовке гражданских дел к судебному разбирательству // Вестник СГАП. 2011. С. 81–82
19. Чекмарева А. В. Цель и задачи подготовки гражданских дел к судебному разбирательству // Арбитражный и гражданский процесс. 2012.
20. Чекмарева А. В. Внедрение медиации в гражданское судопроизводство: от теоретической концепции к реальной практике (по итогам II Международной научно-практической конференции «Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения») // Третейский суд. 2014. С. 132–137
21. Чекмарева А. В. Подготовительные процедуры в гражданском процессе: автореф. 2015.
22. Черных И. И. Система подготовки дела к судебному разбирательству // Lex russica. 2009. С. 673–684.
23. Ярков В. В. Цели правосудия и доступ к правосудию // Проблема доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. И. А. Приходько. М.: Лиджист, 2001.

Актуальные проблемы ответственности государственных служащих в Российской Федерации

Фомичев Сергей Михайлович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются проблемы применения мер административной и дисциплинарной ответственности в отношении государственных гражданских служащих и вносятся предложения по доработке законодательной базы в этой области.

Ключевые слова: государственный гражданский служащий, гражданский служащий, государственная служба, административная ответственность, дисциплинарная ответственность.

Государственная служба играет важную роль в структуре государственной власти Российской Федерации. Решение вопросов обеспечения выполнения функций государства, реализации экономических и правовых реформ опирается на деятельность государственных служащих. В таких условиях успех развития государства напрямую зависит от честности и порядочности государственных служащих, от их готовности служить в интересах общества. И задача государства тут заключается в том, чтобы выстроить систему, которая закрепляет принцип ответственности государственных служащих и снизит в их рядах количество нарушений и проступков, связанных с их служебной деятельностью.

Как отмечает А.Ф. Ноздрачев «закрепление принципа ответственности имеет своей целью ориентировать государственных служащих на добросовестное, целесообразное и законное осуществление своих должностных обязанностей и практически означает, что невыполнение или ненадлежащее выполнение этих обязанностей должны повлечь за собой применение мер юридической ответственности» [1].

Из статьи 57 Федерального закона от 27.07.2004 N79-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] следует, что за совершение дисциплинарного проступка, то есть за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей, представитель нанимателя имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания:

- 1) замечание;
- 2) выговор;
- 3) предупреждение о неполном должностном соответствии;
- 4) увольнение.

Что касается административной ответственности, то согласно статье 2.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации [3] административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

Из приведенных статей можно сделать вывод, что оценка степени нарушения и типа ответственности за него остается на усмотрение должностного лица, применяющего меры в отношении нарушителя. Такой порядок оказывает скорее негативное влияние на всю систему организации служебной дисциплины государственных служащих и не гарантирует эффективного и справедливого воздействия на сотрудника, со-

вершившего правонарушение или проступок. Столь ярко выраженная субъективность в вопросе применения мер ответственности не будет способствовать формированию принципа неотвратимости наказания, а этот принцип можно считать одним из ключевых в вопросе обеспечения надлежащего исполнения государственными служащими своих служебных обязанностей.

И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин утверждают, что «неотвратимость ответственности состоит прежде всего в том, что ни одно правонарушение не может остаться незамеченным или нераскрытым, что каждое правонарушение должно получить публичную огласку, попасть в поле зрения общества и государства, должно быть осуждено с их стороны» [4].

Также Т.А. Малаш справедливо подчеркивает, что «предупредительно-воспитательное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Правонарушение без ответственности — явление ненормальное, опасное, порождающее безответственность, правовой нигилизм, произвол и беззаконие» [5].

С целью внесения ясности и прозрачности в процедуру применения административных, и особенно дисциплинарных мер в отношении гражданских служащих следует конкретизировать степени наказания за определенные проступки и правонарушения, а также внести необходимость обнародования решений, которые выносятся в рамках рассмотрения вопросов, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением гражданским служащим по его вине возложенных на него служебных обязанностей.

По вопросу применения дисциплинарных мер назрела необходимость подготовки отдельного нормативного акта, регламентирующего эту категорию нарушений и включающего перечень дисциплинарных проступков. Это позволило бы, в том числе исключить возможность применения двойного наказания за одно и то же правонарушение (в рамках административной и дисциплинарной ответственности).

Еще одним этапом по созданию условий для прозрачности института ответственности государственных служащих и превентивного воздействия на чиновников, потенциально склонных к совершению правонарушений, являлось бы расширение перечня персональных данных государственных служащих, которые могут подлежать обнародованию регулярно или по мере необходимости. Степень контроля над властью со стороны населения, доступность информации о чиновниках, прозрачность их деятельности — это критерии, которые на-

прямо могут влиять на ситуацию с соблюдением законности и правопорядка в рамках государственной службы.

Реализация всех вышеуказанных предложений позволит выстроить четкую взаимосвязь между конкретными нару-

шениями и соразмерными им наказаниями, снизить субъективный фактор при принятии решений по применению наказаний к нарушителям, а среди государственных служащих это должно повысить уровень добросовестности и честности.

Литература:

1. А. Ф. Ноздрачев. Государственная служба: учебник для подготовки государственных служащих. М., 1999.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 N79-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ 2004, № 31. Ст. 3215.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N195-ФЗ (ред. от 20.10.2022).
4. И. С. Самощенко, Фарукшин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1963.
5. Т. А. Малаш. Принцип неотвратимости юридической ответственности: учебное пособие. М., 1998.
6. Ж. Ю. Юзефович. Функции юридической ответственности и формы их реализации по российскому законодательству. М., 2004.

Проблема соотношения виндикационных, реституционных и кондикционных требований при защите права собственности

Шафигуллина Индира Тахировна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье автор анализирует соотношение косвенных способов защиты права собственности.

Ключевые слова: реституция, кондикция, виндикация, защита права собственности

В отечественном гражданском праве в зависимости от характера нарушения прав собственника и содержания предоставляемой защиты предусмотрены различные способы, прямо или косвенно направленные на юридическую защиту права собственности. При непосредственном нарушении права собственности используются вещно-правовые способы защиты. Для всех исков, относящихся к группе косвенных способов защиты, характерным является то, что составляющее их притязание вытекает не из права собственности как такового, а основывается на других правовых институтах и соответствующих им субъективных прав.

Актуальность проблемы соотношения институтов виндикации, реституции и кондикции обусловлена ситуациями, когда стороной недействительной сделки выступает добросовестный приобретатель, который получил индивидуально-определенное имущество вследствие исполнения данной сделки.

Некоторые ученые рассматривают реституцию как разновидность виндикации или кондикции. Так, Д. О. Тузов отмечает, что по своей правовой природе реституция владения представляет собой разновидность виндикации, частный случай ее применения [5; 120]. Другие авторы рассматривают реституцию и виндикацию как самостоятельные способы защиты. В защиту данной позиции приводятся следующие аргументы.

Во-первых, реституционный и виндикационный иски преследуют разные цели. Цель виндикационного иска — восстановление нарушенного владения вещью, возвращение вещи непосредственно в обладание собственника. Задача реституции более широкая — охрана имущественного оборота в целом [3; 18].

Во-вторых, имеются различия в основаниях этих исков. Виндикация применяется в тех случаях, когда имущество было из собственности владельца помимо его воли. Реституционный иск возникает как следствие недействительности сделки. В-третьих, имеются различия в участниках правоотношений. Виндикационное правоотношение возникает между собственником и любым незаконным владельцем. Реституционное правоотношение возникает только между сторонами сделки. В-четвертых, имеются различия в предмете процессуального доказывания — право собственности для виндикационного иска и недействительность сделки для реституционного иска. В-пятых, самим законодателем подтверждается позиция о том, что виндикация и реституция — самостоятельные способы защиты. Данные аргументы позволяют сделать вывод о том, что реституционный и виндикационные иски различные по своей природе, могут конкурировать друг с другом.

В проблеме соотношения виндикации и реституции находит свое проявление противостояние индивидуальных и общественных интересов. Стремление собственника любыми правовыми средствами возратить свое имущество противостоит стремлению добросовестного участника оборота узаконить принадлежность ему приобретенного имущества.

Виндикация и кондикция имеют сходство, которое заключается в том, что они относятся к числу внедоговорных охранительных правоотношений. Оба иска могут быть предъявлены к лицу, оказавшемуся в положении ответчика в результате как своих добросовестных, так и недобросовестных действий [6; 212].

Между виндикацией и кондикцией имеются различия. Одним из основных различий выступает то, что виндикационный иск является вещным иском, а иск о возврате неосновательного обогащения — обязательственным. Субъектом виндикационного иска выступает собственник или любой титульный владелец, утративший владение вещью. При кондикции истец не обязательно отвечает данным требованиям.

Различия отмечаются и в рассмотрении и удовлетворении этих исков. В виндикационном процессе в предмет доказывания входит выяснение условий выбытия имущества от собственника и установление обстоятельств поступления имущества к ответчику, а также подтверждение права собственности истца на истребуемую вещь. Для кондикционного иска необходимо установление отсутствия правовых оснований для получения или сохранения имущества, обстоятельства выбытия имущества, управомоченность отчуждателя, добросовестность приобретателя юридического значения не имеют.

Внешнее сходство реституции и кондикции сделала вопрос о соотношении этих институтов достаточно дискуссионным. Все мнения по этому вопросу можно разделить на три группы. Согласно первой точке зрения, реституция самостоя-

тельного значения не имеет, она всегда является кондикцией [4; 8]. Более распространенной оказалась позиция, в соответствии с которой реституция в зависимости от ситуации (характера истребуемого имущества) может принимать форму либо виндикации, либо кондикции [1; 998]. В соответствии с третьей точкой зрения, реституция является самостоятельным средством правовой защиты и, хотя внешне достаточно похожа на кондикцию или виндикацию, не может к ним сводиться, поскольку обладает определенной спецификой [2; 218].

Реституция как следствие недействительности сделки является самостоятельным охранительным средством и не может сводиться к кондикции, поскольку имеет ряд отличительных признаков, основным из которых является ее двусторонность, а также направленность на охрану гражданского оборота в целом. Соответственно, и реституционное требование является самостоятельным по отношению к требованию из неосновательного обогащения.

Таким образом, для защиты права собственности имеют различные средства. Необходимость применения конкретного средства обусловлено конкретным содержанием нарушения права собственности.

Литература:

1. Белов В. А. Гражданское право: учебник для бакалавров: в 3-х томах. Том 3: Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. — М.: Юрайт, 2019.
2. Козьяр Н. В. Проблемы «конкуренции» исков при применении последствий совершения ничтожных сделок. // Научные ведомости БелГУ. — Сер. Философия. Социология. Право. — 2011. — № 8 (103). — Вып. 16.
3. Сеницын С. А. Виндикация, реституция и кондикция: проблемы соотношения // Законодательство. — 2003. — № 8.
4. Телюкина М. В. Кондикционные обязательства (теория и практика неосновательного обогащения) // Законодательство. — 2002. — № 4.
5. Тузов, Д. О. Реституция и виндикация: проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. — 2002. — № 3.
6. Ушивцева Д. А. Обязательства вследствие неосновательного обогащения. Вопросы теории и практики // 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2008.

Методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними

Шихова Елена Васильевна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье представлена методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Автор отстаивает мнение, что методика расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, должна быть структурирована большим составом расследования, нежели при преступлениях, которые совершаются взрослыми дееспособными людьми.

Ключевые слова: преступления, расследование, несовершеннолетние, следствие.

Преступность несовершеннолетних является одной из серьезных проблем современного общества. Подростки все чаще совершают преступления из личных интересов, развлечения или экономических трудностей. Современные методы и средства не всегда эффективны, поэтому необходимо переосмыслить меры профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Сегодня одной из важных проблем нашего государства стала проблема преступности несовершеннолетних, что во

многим обусловлено реформированием самой политической и экономической жизни общества, рыночным характером отношений. Все это заставляет задуматься о перспективах развития государства во всех сферах жизни: педагогике, социологии, юриспруденции и др.

Среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, велика доля тяжких корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Нередко им также свойственны черты ванда-

лизма, чрезмерной жестокости. Большая часть этих преступлений совершается при соучастии (преимущественно в форме соисполнения), особенно в группе (около половины), что также соответствует особенностям подростковой психологии. Примерно каждое третье преступление совершается ими совместно со взрослыми [2, с. 21].

Анализ существующих методов расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также собственные исследования позволяют автору статьи предложить наиболее прогрессивную (с точки зрения борьбы с преступностью несовершеннолетних) структуру методики расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними. Эта методика должна содержать следующие основные вопросы:

1. Криминалистическая модель, содержащая основные элементы, характеризующие преступления, совершенные несовершеннолетними;
2. Обстоятельства, подлежащие выяснению в связи с расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними;
3. Особенности возбуждения уголовного дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними;
4. Типовые следственные ситуации, типовые варианты расследования и планирование на начальном этапе расследования;
5. Особенности использования специальных знаний.

Особенности уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых создаются спецификой (медицинско-правовой значимой характеристикой) субъектов рассматриваемой категории лиц:

- 1) особый статус участника уголовного процесса (предполагаемый, обвиняемый);
- 2) возрастная категория [9, с.99].

Совершенствование производства уголовных дел в отношении несовершеннолетних требует пересмотра отдельных положений, устанавливающих законодательное регулирование уголовного преследования, а также практики его применения.

Доказательства по делам о преступлениях несовершеннолетних должны расширить предмет доказывания в категории рассматриваемых уголовных дел [7, с.88].

Что касается освидетельствований, проводимых в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), то они непосредственно связаны с положением закона о применении к ним мер уголовной ответственности и иных мер пресечения. Кроме того, экспертизы зависят от характера психических расстройств, наблюдаемых у несовершеннолетних, направленных на судебно-психиатрическую экспертизу. Указанная экспертиза проводится в соответствии с общими стандартами производства судебно-психиатрической экспертизы, но имеет и свои особенности, касающиеся возраста несовершеннолетнего, а также особые правила, свидетельствующие об определенных особенностях законодательства и методики. рассмотрение.

По делам о правонарушениях несовершеннолетних детей и подростков необходимо опрашивать чаще, чем при расследовании преступлений, совершенных взрослыми. Это объясняется тем, что они составляют естественное и непосредственное окружение несовершеннолетних правонарушителей и не-

редко являются потерпевшими или очевидцами происшествия. Среди сверстников подростки чаще, чем взрослые, сообщают о своей противоправной деятельности, поскольку обычно не умеют хранить тайны и испытывают непреодолимую потребность рассказать о событиях, которые их встревожили.

Закон не ограничивает возраст, по достижении которого несовершеннолетние или несовершеннолетние могут быть допрошены в качестве свидетелей или потерпевших. Однако в силу ограниченных способностей к восприятию и воспроизведению детей дошкольного возраста следует опрашивать только в тех случаях, когда соответствующие обстоятельства не могут быть иным образом установлены.

Подготовка к допросу во многом определяет его успешность в любом случае, но особенно тщательной она должна быть в тех случаях, когда допрашивается несовершеннолетний. В этой ситуации возникает необходимость решения ряда конкретных вопросов: как создать среду, менее травмирующую респондента; кого пригласить для участия в допросе; с чего начать уточнение тех или иных вопросов и как их сформулировать так, чтобы они были понятны и в то же время не наводили на размышления.

Допрос несовершеннолетнего представляет собой тактически сложное следственное действие, требующее от следователя высокого уровня профессионализма: серьезных юридических знаний, высокой культуры, знания судебно-экспертной тактики, психологии, логики и педагогики. Квалифицированный допрос требует не только знания закона и его творческого применения, но и повседневного опыта, умения толковать и варьировать различные меры воздействия на человека с учетом его индивидуальных возрастных особенностей. Допрос — это искусство, требующее высокого мастерства и мастерства.

Тактика допроса зависит от многих характеристик, в частности от личности допрашиваемого (возраст, пол, образование, психические качества, темперамент и др.). При разработке тактики допроса лиц, участвующих в уголовном производстве по делам несовершеннолетних, важное место занимает оценка положения допрашиваемого, его отношения к расследуемому преступному деянию, наличия или отсутствия заинтересованности в исходе дела. дела.

Следователь должен подходить к допросу каждого лица индивидуально, т.е. добиваться необходимого индивидуально-психологического подхода, который включает, прежде всего, установление психологического контакта с допрашиваемым.

В связи с изложенным следователю необходимо знать особенности развития современного подростка, особенно в условиях большого города, восприятие нового, адаптивность в современных условиях, характерные для этого возраста. Оно необходимо следователю и как специалисту в области криминалистики, и в смысле интереса к событиям и задачам сегодняшнего дня, к их значимости, в частности, в сознании подростков. Не менее важно быть осведомленным о современном образе жизни подростков (манеры, вкус, внешний вид, одежда, язык и т.д.).

Основной проблемой методики расследования преступлений данной категории является сложность установления контакта между следователем и несовершеннолетним правона-

рушителем. Именно установление такого контакта оказывает большое влияние на положительный результат расследования преступлений.

Для этого необходимо разработать методические рекомендации, инструкции по допросу несовершеннолетних. Данная проблема актуальна, так как перед следователем стоит за-

дача всестороннего, всестороннего и объективного расследования обстоятельств совершения преступлений несовершеннолетними, что требует теоретических разработок по вопросам расширения прав и возможностей несовершеннолетних, совершенствования законодательства и правовой порядок привлечения подростка к ответственности.

Литература:

1. Бандурка, А. М. Юридическая психология: учебник / А. М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е. В. Землянская. Харьков: Изд-во Нац. ун-та внутр. дел. — 2020. — С. 396.
2. Башкатов, И. Л. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей / И. Л. Башкатов. М., 2019. — С. 56.
3. Герасимов, И. Ф. Криминалистика: учебник для вузов / И. Ф. Герасимов, Я. Л. Драпкин Е. П. Ищенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк. — 2018. — С. 296.
4. Орлова, Ю. Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних: учеб. пособие / Ю. Р. Орлова. М.: Щит-М. — 2021. — С. 54.
5. Петровский, А. В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи / А. В. Петровский. СПб.: Юридический центр Пресс. — 2017. — С. 154
6. Сергеев, А. Б. Защита прав несовершеннолетнего, осужденного судом Российской Федерации, при решении вопроса его выдачи государству, гражданином которого он является / А. Б. Сергеев // Проблемы права. — 2016. — № 5 (59). — С. 76–79.
7. Сергеев, А. Б. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением / А. Б. Сергеев, А. Н. Савченко // Вестник Челябинского государственного университета. Серия право. — 2019. — № 39. — С. 58–65.
8. Юзиханова, Э. Г. Статистические показатели и тенденции преступности несовершеннолетних в новейшей России / Э. Г. Юзиханова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2021. — № 4 (30). — С. 82–87.

К вопросу о дисциплинарной ответственности судьи как особого субъекта общественных правоотношений

Шопин Анатолий Константинович, студент магистратуры
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье автор рассматривает конституционно-правовой статус судьи с точки зрения видов дисциплинарных взысканий, которые могут быть к нему применены как к специальному субъекту общественных правоотношений. Рассматриваются такие виды дисциплинарных проступков как замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий судьи. Автор приходит к выводу о том, что законодательство в части дисциплинарно ответственности судьи нуждается в существенной доработке.

Ключевые слова: правовой статус судьи, дисциплинарная ответственность, замечание, предупреждение, понижение в квалификационном классе, досрочное прекращение полномочий.

Говоря о судье как о члене судейского сообщества, носителе особого конституционно-правового статуса не стоит забывать, что в первую очередь судья такой же человек, как и все остальные, со своими проблемами, страхами и слабостями.

Поэтому было бы неправильно думать, что статус судьи предоставляет одни только привилегии и преимущества. Судейский статус также предполагает, повышенные требования с точки зрения ответственности.

Действующее законодательство, как и реализующая его правоприменительная практика, вкуче создали и используют в отношении судьи такие организационно-правовые механизмы юридической ответственности, как уголовная, администра-

тивная, гражданско-правовая и дисциплинарная, а также (так уж сложилось практически) совпадающая с дисциплинарной неюридическая ответственность — этическая [1].

Вопросы привлечения судьи к дисциплинарной ответственности урегулированы статьей 12.1. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» а также нормами кодекса Судейской Этики [2].

Во избежание различных трактовок, законодатель даёт определение, что есть дисциплинарный проступок — это виновное действие (виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей или во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения Закона и (или) кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти

и причинение ущерба репутации судьи, в том числе в следствие грубого нарушения прав участников процесса.

Стоит отметить, что законодатель сконструировал определение дисциплинарного проступка судьи таким образом, что одновременно должны иметь место сразу несколько условий.

Судья как обладатель особого статуса несет повышенные требования не только к исполнению служебных обязанностей, но также и вне их — в повседневной жизни.

В случае совершения дисциплинарного проступка судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности в следующих видах:

- 1) Замечание;
- 2) Предупреждение;
- 3) Понижение в квалификационном классе;
- 4) Досрочное прекращение полномочий судьи.

Представляется, что замечание это самое мягкое из дисциплинарных взысканий, которое может быть применено к судье. Законодатель определяет данный вид дисциплинарной ответственности максимально расплывчато указывая только на то, что дисциплинарное взыскание в виде замечания может налагаться на судью при малозначительности совершенного им проступка, в случае если ККС придет к выводу о возможности ограничиться устным порицанием.

Следует согласиться с мнением А.С. Мамыкина о том, что в действующем законодательстве понятие дисциплинарного проступка судьи определяется чрезвычайно широко, т.е. является нечетким. Неопределенность понятия дисциплинарного проступка судьи позволяет включать в себя различные по характеру действия (бездействие) судьи, которые он совершает как при осуществлении правосудия, так и во внеслужебной сфере [3].

В развитие указанной мысли М.И. Клеандов указывает, что необходимо выработать некое звено организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности в отношении российских судей. Следует определить формулу дисциплинарного проступка судьи, чтобы решить одновременно две задачи: включить по максимуму все составы именно дисциплинарного проступка; гарантированно обеспечить каждому судье уверенность, что он не будет привлечен к дисциплинарной ответственности именно за недисциплинарный проступок [4].

Несколько дополняет законодательное регулирование в части дисциплинарного проступка судьи судебная практика.

В пункте 6 Постановления Пленума ВС РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» указано, что малозначительным может быть признан дисциплинарный проступок, последствия которого не повлекли существенного нарушения прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций (например, нарушенные права гражданина или организации были восстановлены либо возможность их восстановления не утрачена и т.д.) [5].

Сущность дисциплинарного взыскания в виде предупреждения также, как и замечание сформулирована предельно расплывчато и не определено.

Согласно пункту 3 статьи 12.1. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» дисциплинарное взыскание в виде предупреждения может налагаться на судью за совершение

проступка, если ККС придет к выводу о невозможности применения замечания или ранее судья уже привлекался к дисциплинарной ответственности.

Анализируя данное законодателем определение ясно только одно, судья, получивший замечание, в случае его повторного привлечения к дисциплинарной ответственности к нему будет применено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения или более серьезное взыскание. О других критериях разграничения замечания и предупреждения не сказано.

Дисциплинарное взыскание в виде понижения в квалификационном классе может налагаться на судью за существенное нарушение положений Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, если судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию. Понижение судьи в квалификационном классе осуществляется квалификационной коллегией судей путем принятия решения о понижении квалификационного класса судьи до квалификационного класса, непосредственно предшествующего квалификационному классу, имеющемуся у такого судьи на момент принятия указанного решения.

Что означает «существенное» нарушение законодатель также не уточняет, а также не приводит критерии, которые должны свидетельствовать о «существенности» нарушения.

Самым серьезным дисциплинарным взысканием для судей является досрочное прекращение полномочий судьи.

В соответствии с пунктом 5 статьи 12.1. Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, положений Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодекса судейской этики.

Судебной практикой были сформулированы некоторые основания, которые могут быть основанием для досрочного прекращения судьи. В пункте 8 Постановления Пленума ВС РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» к подобным нарушениям отнесены: неоднократные нарушения, допущенные им в результате недобросовестного исполнения функции по отправлению правосудия, когда исчерпаны все иные средства воздействия, направленные на предупреждение дальнейших нарушений с его стороны, и принятые к нему меры не дают оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение им обязанностей судьи в будущем, так и за совершенное однократное грубое нарушение при исполнении им служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, которое дискредитирует судебную власть, причиняет ущерб репутации судьи и несовместимо с его статусом судьи [6].

Так, одним из оснований для досрочного прекращения полномочий судьи ВС РФ в решении Дисциплинарной коллегии от 20.07.2018 № ДК18-44 называется нарушение тайны совещания судей [7].

Некоторые вопросы досрочного прекращения полномочий судей затрагивались Конституционным судом РФ, которым был выявлен конституционно-правовой смысл ст. 12.1 Закона

о статусе судей, который во взаимосвязи с иными применимыми законоположениями не предполагает привлечение судьи к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий за судебную ошибку, если судья действовал в рамках судебного усмотрения и не допустил при этом грубых нарушений при применении норм материального и процессуального права, делающих невозможным продолжение осуществления им судебных полномочий [8].

Анализируя все вышеуказанное, представляется правильным сделать вывод о том, что законодательное регулирование вопросов привлечения судей к дисциплинарной на нынешнем этапе развития законодательства имеет множество недостатков и противоречий и нуждается в существенной доработке в части прозрачности и определенности тех деяний, которые могут стать основанием для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности.

Литература:

1. Клеандров М. И. Конституционная ответственность судьи — дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2. С. 1.
2. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // Доступ из СПС «Консультант»
3. Мамыкин А. С. Организационно-правовой механизм привлечения судьи к дисциплинарной ответственности // Российский судья. 2019. № 3. С. 39–42.
4. Клеандров М. И. О дефектности формулы дисциплинарного проступка российского судьи // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 110–121.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Доступ из СПС «Консультант»
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.2016 № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» // Доступ из СПС «Консультант»
7. Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 20.07.2018 N ДК18–44 // Доступ из СПС «Консультант»
8. Постановлением Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 19-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 3, пункта 1 статьи 8 и пункта 1 статьи 12.1 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и статей 19, 21 и 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А. В. Матюшенко» // Доступ из СПС «Консультант»

К вопросу о рассмотрении квалификационными коллегиями кандидатов на должность судьи

Шопин Анатолий Константинович, студент магистратуры
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматривается один из этапов рассмотрения кандидата в судьи на пути к назначению на должность. Автор анализирует порядок и особенности принятия решений квалификационными коллегиями судей, рассматриваются конкретные примеры решений.

Ключевые слова: судья, квалификационная коллегия судей, требования, рекомендация на должность.

Одним из важнейших этапов в пути кандидата к должности судьи является получение рекомендации соответствующей квалификационной коллегии судей.

После сдачи квалификационного экзамена на должность судьи гражданин, имея результат на руках (за исключением категорий граждан, которым сдавать экзамен не нужно) вправе обратиться в одну из сформированных квалификационных коллегий согласно статье 11 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [1].

Кандидат на должность судьи в соответствии с требованиями части 6 статьи 5 закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» [2] обязан предоставить в соответствующую квалификационную коллегию:

- 1) Подлинник или заверенную копию документа, удостоверяющего личность;
- 2) Анкету, в которой должны быть отображены биографические сведения;
- 3) Подлинник документов о получении высшего образования по специальности юриспруденция;
- 4) Сведения о трудовой деятельности;
- 5) Заключение врачебной комиссии об отсутствии заболеваний, препятствующих назначению на должность судьи;
- 6) Сведения о результатах квалификационного экзамена (за исключением кандидатов, которые освобождены от его сдачи);
- 7) Характеристики с мест работы за последние 5 лет;

8) Сведения о доходах и имуществе кандидата, его супруга/супруги, несовершеннолетних детей.

На первый взгляд заполнение вышеуказанных документов не должно стать сколько-нибудь существенным препятствием для претендента на должность судьи. Однако, как показывает практика, не все кандидаты с первого раза надлежащим образом оформляют требуемые документы.

Так, например, в целях разъяснения порядка заполнения анкет ВККС дает разъяснения в форме ответов на поступившие вопросы: в решении от 29 сентября 2020 году по крайней мере два вопроса касались сведений, которые необходимо указывать в анкете (5 и 6 вопросы). [3]

Ещё одним пример может служить решение высшей квалификационной коллегии судей РФ от 17.09.2015 г. «О единообразном применении положений законодательства РФ квалификационными коллегиями судей субъектов РФ» [4], в котором, в частности разъясняются отдельные вопросы предоставления кандидатом сведений о доходах и имуществе, а также о порядке исчисления стажа по юридической специальности.

Законодательно закреплён лишь примерный критериев, которые квалификационная коллегия может принять во внимание при принятии соответствующего решения:

- Стаж работы в должности судьи, правоохранительных органах;
- Наличие государственных и ведомственных наград;
- Наличие звания «Заслуженный юрист Российской Федерации»;
- Наличие ученой степени;
- Качество и оперативность рассмотрения дел (в случае если кандидатом является судья);
- Наличие квалификации, которая соответствует специализации суда.

По результатам рассмотрения поданных заявлений граждан соответствующая квалификационная коллегия принимает решения о:

- 1) Рекомендации одного или нескольких кандидатов на должность судьи;
- 2) Об отказе в рекомендации на должность судьи.

Решения квалификационной коллегии могут быть обжалованы в высшую квалификационную коллегию (в случае если обжалуется решение квалификационной коллегии субъекта) а также в Верховный суд РФ.

Таким образом, для того чтобы быть рекомендованным на должность судьи соответствующей квалификационной коллегией необходимо неукоснительно соблюсти все вышеназванные условия, однако, формального соблюдения недостаточно — решение о рекомендации/отказе в рекомендации на должность в конечном счете принимает квалификационная коллегия.

Указанный вывод также подтверждается практикой Конституционного суда РФ, который указал, что решение квалификационной коллегии судей о рекомендации конкретного гражданина на должность судьи основано, прежде всего, на индивидуальной оценке данного гражданина как соответствующего по личным и профессиональным качествам требованиям к кандидатам на должность судьи в целом, так и требованиям к кандидатам на соответствующую вакантную должность судьи, в частности. При

этом квалификационная коллегия судей обладает определенной дискрецией при принятии решения о рекомендации гражданина на должность судьи, в силу которой отсутствие установленных законом оснований для отказа гражданину в рекомендации на должность судьи не влечет автоматическое принятие решения о рекомендации его на должность судьи [5].

Так чем же руководствуются квалификационные коллегии при принятии решения?

Думается, что для того, чтобы ответить на данный вопрос следует обратиться к первоисточнику — к решениям квалификационных коллегий.

Так, в решении № АКПИ22–119 от 5 апреля 2022 года Верховный суд РФ [6] по результатам рассмотрения жалобы кандидата на должность судьи на заключение высшей квалификационной коллегии указал: «С учётом таких обстоятельств степень готовности кандидата к выполнению обязанностей судьи может являться определяющей, что согласуется с требованиями Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и международно-правовыми актами и рекомендациями, действующими в сфере правосудия, в частности с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 6), а также с обобщающей содержащиеся в названном акте требования Европейской хартией о статусе судей от 10 июля 1998 г. (пункты 1.1, 2.1–2.3) и пояснительным меморандумом к ней (пункт 2.1)». Более того, по далее по тексту решения ВС РФ указывает, что квалификационная коллегия при разрешении вопроса о рекомендации на должность не связана исключительно оценкой кандидата по итогам сдачи квалификационного экзамена.

Таким образом из существа указанного решения следует, что при прочих равных (итоговая оценка и т.д.) определяющим фактором может быть профессиональный опыт кандидата на должность судьи.

Отдельного внимания заслуживает такой критерий как отношение к воинской обязанности для кандидатов мужского пола.

Так, в решении ВККС от 23 ноября 2020 г. об отказе в рекомендации кандидатуры претендента [7] на должность заместителя председателя Самарского областного суда указано, что кандидат на должность на военную службу призван не был, поскольку работал в органах Прокуратуры РФ и пользовался отсрочкой от призыва, а также в связи с выполнением плана призыва, однако данных подтверждающих данные обстоятельства не обнаружилось, поскольку личное дело призывника было уничтожено по истечении срока хранения.

Ещё одним примером важности аспекта выполнения воинской обязанности для граждан-кандидатов на должность судьи может служить решение ВККС от 1 апреля 2021 года о рассмотрении заявления граждан о рекомендации на должность судьи Девятого арбитражного апелляционного суда в котором ВККС отказывая гражданину и рекомендуя гражданку указывает на следующее: «В ходе проверочных мероприятий Главной военной прокуратурой было установлено, что с июля 1999 г. по июнь 2000 г. Бадулин О.Г. работал помощником прокурора г. Железнодорожного Московской области, права на отсрочку не имел и подлежал призыву на военную службу. Однако, в декабре 1999 г. призывной комиссией ему до 21 мая 2004 г. необоснованно пре-

доставлена отсрочка от призыва на военную службу, предусмотренная подпунктом «д» пункта 2 статьи 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и Указом Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1367 «О предоставлении права на получение отсрочки от призыва на военную службу отдельным категориям граждан» для следователей прокуратуры. В 2000 г. кандидат был уволен из органов прокуратуры Российской Федерации, при этом в период 2000–2003 гг. к призывным мероприятиям он не привлекался. Имея регистрацию по месту жительства и фактически с 2013 года проживая в г. Москве, вопреки требованиям статьи 10 названного выше закона, на воинском учете в соответствующем военном комиссариате до настоящего времени не состоит.

Претендентом даны пояснения, согласно которым он военную службу не проходил по причине отсрочек по учебе и работе в правоохранительных органах. Указал, что проживал по месту регистрации, повестки и иные приглашения в военкомат не получал». [8].

Из приведенных решений явствует, что отношение к воинской обязанности играет важную роль при решении о рекомендации на должность судьи.

Следующим фактором, на который обращает внимание ВККС при рассмотрении кандидатуры является наличие опыта работы в судебной системе, органах МВД, прокуратуры, а также поддержка председателя суда, в котором открыта вакансия судьи.

С одной стороны, рекомендация кандидатов, имеющих опыт работы в судебной системе, органах МВД, прокуратуры закономерна и логична, поскольку такой кандидат точно представляет с чем будет иметь дело, обладает необходимыми компетенциями, имеет опыт решения специфических задач.

С другой стороны, кандидатом «из системы» сложнее быть независимыми и беспристрастными как того требует статус

судьи. Сегодня на судебские должности назначаются юристы, основным и часто единственным опытом работы которых были должности в аппарате суда (помощника судьи или секретаря судебного заседания). Это преимущественно молодые женщины с более высокой, чем у выходцев из других юридических профессий, долей заочного юридического образования. Среди вновь назначенных судей в 2001 г. выходцев из аппарата было 19%, а в 2013 г. — уже 58%. Это привело к тому, что судебский корпус сегодня на 32% состоит из бывших сотрудников аппарата судов (в 2001 г. таких было 11%). Рост доли судей, перешедших в судебское кресло из аппарата суда, сопровождался устойчивым снижением доли выходцев из адвокатуры, юристов корпоративного сектора, а в последние годы — и органов следствия и прокуратуры. Если такая же кадровая политика продолжится до 2020 г., доля судей, чей основной опыт юридической работы — аппарат судов, достигнет 42% [9].

Таким образом, на сегодняшний день сложилась тенденция, когда типичная путь кандидата на должность судьи выглядит следующим образом: секретарь судебного заседания — помощник судьи — судья или поступление на службу в государственные органы (исполнительская должность) — повышение в должности (руководящая должность) — судья.

Резюмируя вышеуказанное, можно сделать вывод о том, что для того, чтобы получить одобрение квалификационной коллегии (получить рекомендацию на должность судьи) мало формально соответствовать критериям и заполнить все соответствующие документы надлежащим образом как в случае с получением какой-либо государственной услуги. В данном случае квалификационная коллегия будет проводить всеобъемлющее и полное «исследование» кандидатуры на предмет наличия релевантного опыта, стажа, выполнения воинской обязанности и т.д.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Доступ из СПС «Консультант»
2. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Доступ из СПС «Гарант».
3. Решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 29.09.2020 «Об утверждении ответов на вопросы, поступившие из квалификационных коллегий судей субъектов РФ» // Доступ из СПС «Консультант»
4. Решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 17.09.2015 «Ответы на вопросы коллег» // Доступ из СПС «Консультант»
5. Определение Конституционного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 1628-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кириллова Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 26 Федерального закона «Об органах судебского сообщества в Российской Федерации»
6. Решение Верховного суда РФ по делу № АКПИ22–119 от 5 апреля 2022 // Официальный сайт Верховного суда РФ URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2105572 (дата обращения 22.07.2022)
7. Решение высшей квалификационной коллегии от 23 ноября 2020 об отказе в рекомендации на должность заместителя председателя Самарского областного суда кандидатуры Лазарева Д. А. // Официальный сайт Высшей квалификационной коллегии Российской Федерации URL: <http://vkks.ru/category/35/> (дата обращения 22.07.2022)
8. Решение высшей квалификационной коллегии от 1 апреля 2021 года о рассмотрении заявления Бадулина О. Г. и Гажур О. В. о рекомендации на должность судьи Девятого арбитражного апелляционного суда // Официальный сайт Высшей квалификационной коллегии Российской Федерации URL: <http://vkks.ru/category/35/> (дата обращения 22.07.2022)
9. Бочаров Т. Ю., Волков В. В., Воскобитова Л. А., Дмитриева А. В., Смола А. А., Титаев К. Д., Цветков И. В. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации //

Официальный сайт Европейского университета в Санкт-Петербурге, Центр стратегических разработок URL: https://en-force.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf (дата обращения 04.08.2022)

Особенности правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств

Щукина Анна Вячеславовна, студент магистратуры

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск)

В статье автор подчеркивает актуальность проблемы подростковой преступности, анализирует эффективность правового регулирования уголовной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, в современной России.

Ключевые слова: несовершеннолетние, подростковая преступность, уголовная ответственность, незаконный оборот наркотических средств, наказание.

На сегодняшний день в Российской Федерации наблюдается постоянный рост преступлений, совершенных несовершеннолетними, возрастает общественная опасность преступлений подростков. В силу сказанного проблема подростковой преступности является одной из наиболее актуальных в настоящее время. На преступность среди несовершеннолетних могут влиять различные факторы, в том числе отрицательное влияние семьи, отсутствие должного уровня правового воспитания, недостатки учебно-воспитательной работы, пагубное влияние со стороны сверстников [2, с. 169].

Для лиц, совершивших противоправные деяния в раннем возрасте, как правило, в дальнейшем исправление представляет значительную трудность, и в итоге такие лица являются основным источником для взрослой и рецидивной преступности [1, с. 370]. Все чаще несовершеннолетних приобщают к распитию алкогольных напитков, курению и к противоправным действиям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств.

Одной из актуальных проблем современной России является сбыт несовершеннолетними наркотических средств и психотропных веществ, основной целью которого является получение материального вознаграждения. Причем, в данную категорию входят подростки из различных семей, независимо от уровня достатка и социального положения их законных представителей. Несовершеннолетние лица, вовлеченные в такого рода деятельность, не осознают общественной опасности своих действий, многие из них и вовсе считают такую деятельность своей работой. В настоящее время среди несовершеннолетних широко распространено совершение рассматриваемых преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»). Несовершеннолетние, получая информацию от каких-либо лиц о возможности получения дохода от размещения наркотических средств в тайники («закладки»), вступают в переписку с лицами, осуществляющими деятельность по распространению наркотических средств, получают от них сведения о месте их хранения, после чего размещают их в разовых дозах в тайники («закладки»), за что получают соответствующее вознаграждение.

Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ установлена в девяти статьях УК РФ [5]. При этом за указанные преступления уголовной ответственности подлежат лица, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Исключение составляет лишь ст. 229 УК РФ (хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ), предусматривающая ответственность с 14 лет. Данное обстоятельство считаю несправедливым и подлежащим изменению, поскольку у преступлений рассматриваемой категории повышенная общественная опасность, большинство из этих преступлений в силу ст. 15 УК РФ относятся к тяжким и особо тяжким. Лица, достигшие возраста 14–15 лет, и совершившие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, как уже было отмечено, не подлежат уголовной ответственности. В этом случае правоохранительные органы совместно с комиссиями по делам несовершеннолетних могут применить к несовершеннолетним принудительные меры воспитательного воздействия, а также принудительные меры медицинского характера. Тем не менее, приведенные меры, на мой взгляд, не могут быть признаны в полной мере эффективными и отвечающими целям уголовного наказания, закрепленным в ст. 43 УК РФ, поскольку с большой долей вероятности не исключают повторного совершения в дальнейшем подобных преступлений.

Кроме того, судебная практика по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, складывается таким образом, что и лицам в возрасте 16–18 лет за совершение подобных преступлений назначается довольно суровое наказание. Так, приговором Кировского районного суда г. Курска от 08 сентября 2021 года несовершеннолетняя В. осуждена по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 3 годам лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии [4]. Также приговором Верхнекамского районного суда Кировской области от 01 февраля 2018 года несовершеннолетний Г. В. осужден по п. «г» ч. 4 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 6 годам 6 месяцев лишения свободы в воспитательной колонии [3].

Такое суровое наказание, как уже отмечалось, связано с повышенной опасностью рассматриваемых преступлений. В связи с чем, полагаю, что к уголовной ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, должны быть привлечены лица, достигшие возраста 14 лет. Таким образом, необходимо внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, которая будет предусматривать возраст уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ с 14 лет.

Таким образом, можно заключить, что предусмотренные действующим российским законодательством средства уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, а именно применение принудительных мер воспитательного воздействия (или в соответствующих случаях — медицинского характера), в том числе помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закры-

того типа, а также установление нижнего предела возраста уголовной ответственности в указанной сфере в 16 лет, фактически являются недостаточными и не гарантируют достижение закрепленных в УК РФ целей уголовного наказания — восстановления социальной справедливости, исправления виновного и предупреждения совершения новых преступлений.

В связи с изложенным необходимо уделять пристальное внимание правовому регулированию уголовной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, а также принимать меры по противодействию данным преступлениям. К таким мерам можно отнести активную предупредительную деятельность преступности несовершеннолетних не только силами правоохранительных органов, но и всего общества; развитие системы нравственного и правового воспитания, внешкольное воспитание и образование. Такие меры должны способствовать исправлению и воспитанию несовершеннолетнего правонарушителя.

Литература:

1. Ишмухаметов Я. М. Уголовная ответственность несовершеннолетних / Я. М. Ишмухаметов, Д. М. Жданова, А. И. Галиев. — Текст: непосредственный // *Алея Науки*. — 2017. — № 16. — С. 370–373.
2. Макарова И. В. Особенности применения уголовной ответственности по отношению к несовершеннолетним / И. В. Макарова. — Текст: непосредственный // *Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика*. — Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. — С. 169–172.
3. Приговор Верхнекамского районного суда Кировской области от 01 февраля 2018 года. — Текст: электронный // *КонсультантПлюс*: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=16316040A44EB31ABF-C9454428921484&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32905-47&ts=12365166706128015254&base=SOPV&n=418626&rnd=Izlwprw#joTkfLTa0R0iQcX31> (дата обращения: 27.10.2022).
4. Приговор Кировского районного суда г. Курска от 08 сентября 2021 года. — Текст: электронный // *КонсультантПлюс*: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=BB320F07EF4B7DC0A7A093CD-95F356A2&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32847-42&ts=12365166706128015254&base=SOKI&n=371740&rnd=Izlwprw#GeUhfLTuqZYK1Wot> (дата обращения: 27.10.2022).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — 17 июня. — № 25 — ст. 2954.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 44 (439) / 2022

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 16.11.2022. Дата выхода в свет: 23.11.2022.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.